

Михаил Ардин

18+

Райское местечко

Том 1

Михаил Ардин
Райское местечко. Том 1

«Автор»

2019

Ардин М.

Райское местечко. Том 1 / М. Ардин — «Автор», 2019

XXXV век. Александр Владимирович Комаров – офицер Космофлота, самый молодой капитан большого транспортного корабля, герой, уверенный в себе и довольный своей жизнью. Однажды он узнает, что мир не так прост и благополучен, как ему казалось. И что он является мутантом, способным стать селфером. Ему предстоит участвовать в странных событиях на Марсе, в операции по спасению цивилизации на Корнезо, в космической битве с неведомым врагом и узнать, наконец, кем же на самом деле являются селферы...

© Ардин М., 2019

© Автор, 2019

Я спускался по длинному пандусу шаттла и чувствовал, что совершенно счастлив. Радостно сияло солнце. Небо было синим-синим. Ярко зеленели кусты у обрыва. Искрилось море далеко внизу за низкой оградой посадочного поля. Сладко веял слабый ветерок. Удивительно легко дышалось. Казалось, что можно, подпрыгнув, взлететь и бесконечно парить над этим изумительным миром без всякого антиграва!

...Так легко, так бездумно счастлив я бывал только в детстве, когда приезжал на каникулы в Ялту, к двоюродной прабабушке Соне. От симферопольского космопорта я всегда любил добираться до побережья на глайдере. Мне нравилось солнечным утром неторопливо скользить над древней дорогой, которая сначала долго тянулась среди равнинных садов, потом поднималась в невысокие горы и, наконец, спускалась с перевала. И в какой-то момент вдруг внизу на горизонте возникала полоска сияющего моря... Каждый раз меня охватывал внезапный восторг, и хотелось крикнуть что-то радостно-бессмысленное от острого ощущения абсолютного счастья и полноты жизни...

Вот так же я чувствовал себя и сейчас. Восторг и счастье!

Мне казалось, что встретиться с этой планетой я был готов. Я просмотрел сотни записей, изучил массу отчетов и думал, что не поддамся очарованию этого мира. Но нет, я не смог устоять!..

Правильно называют люди Корнезо Райским Местечком!

Корнезо подобна Земле, только она чуть лучше. Чуть-чуть меньше сила тяжести на ее поверхности, чуть больше кислорода в воздухе, чуть-чуть иной спектр местного солнца. Мелкий теплый океан. Масса зеленых островов. Замечательный мягкий климат. Никаких опасных животных. Никаких вредных насекомых. А какие цветы! А какие фрукты! А какие пейзажи! Кажется, что каждый уголок планеты создавал гениальный художник – все прекрасно, все гармонично, нет ничего лишнего, случайного или уродливого. Уж если туманы – так жемчужные, уж если дожди – так хрустальные. Я не шучу. Корнезо – действительно, райское местечко.

Всех людей, ступивших на эту планету, сразу же охватывает восторженное настроение, переходящее в ликование. Потом это чувство слегка притупляется, поскольку ликовать непрерывно довольно утомительно, но пока человек находится на Корнезо, его не покидает общее ощущение радости жизни. Поэтому люди сделали все возможное, чтобы подружиться с аборигенами и устроить на Райском Местечке курорт. К сожалению, очень маленький курорт.

С грузового пандуса шаттла уже спустились первые кары с контейнерами, а на краю посадочного поля выстроились глайдеры в ожидании туристов. Невдалеке в тени деревьев с желтыми цветами собралась живописная группа, – люди и корнезианцы. Аборигенов, держащихся немного обособленно, – чуть больше десятка, и среди них – гоэ этого острова с четырьмя телохранителями. Все корнезианцы стройные, изящные, по-земному красивые, в легких одеждах лиловых и винных тонов, так хорошо гармонирующих с их зеленоватой кожей. Земляне – выше и крупнее корнезианцев, загорелые, в белых свободных одеждах. Наш посол Иван Вильсон, конечно, тоже здесь. Я видел его во многих видеосюжетах и сразу узнал.

Послами в миры иных цивилизаций всегда назначают обычных людей, так, на всякий случай, поскольку именно у посла – самые тесные контакты с местными жителями. А в штате посольства на разных уровнях – от первого секретаря до курьера – всегда работают два-три селфера. Но на Корнезо сейчас, я знал, селферов было шестеро. Рядом с послом стоит один из них, атташе по науке, профессор Фрэнк Силкин. Это его маска, временная роль. Имя этого селфера – Артем. Я не знаю, как звали его когда-то, когда он был еще обычным человеком, – ведь каждый, кто становится селфером, выбирает себе новое имя. Только имя, без отчества, без фамилии. Может, этим они подчеркивают, что они – не дети конкретных родителей, а потомки человечества как такового...

Между послем и Фрэнком Силкиным стоит Мелисса. Она, как всегда, в центре внимания. Большинство присутствующих видят в ней молодую восходящую звезду балета Надю Назарову. Но это – только временная роль Мелиссы, в которой она выступает сейчас на Корнезо. На самом деле Мелисса – селфер, Адмирал, глава Космофлота, и ей полторы тысячи лет.

Вот взметнулась грива светлых волос. Мелисса повернулась и взглянула на меня. Я должен подойти.

Еще два месяца назад я, обычный капитан первого ранга, каких в Космофлоте сотни, и предположить бы не мог, что окажусь на Корнезо и стану участником операции по спасению целой цивилизации, которая к тому же проводилась селферами в тайне и от человечества, и от самих корнезианцев.

Подготовку к этой операции селферы начали двенадцать лет назад. Тогда на Корнезо пропала одна из наших научных экспедиций, группа лингвистов, биологов и этнографов, всего восемнадцать человек. Факт пропажи экспедиции, как и многие другие непонятные или неприятные факты, связанные с Корнезо, селферы никогда широко не афишировали. Все-таки Корнезо – не просто лучший курорт для землян. Возможность провести отдых на Райском Местечке давно уже стала неким символом жизненного успеха, той самой заветной мечтой, целью, ради достижения которой только и работают многие, очень многие из людей.

Сейчас, когда операция уже фактически началась, ни у кого из ее участников по-прежнему нет абсолютной уверенности, что народ Корнезо удастся спасти, – есть только надежда. Но если бы люди почти пятьсот лет назад не обнаружили Райское Местечко или появились здесь на несколько столетий позже, ничто не могло бы спасти корнезианцев. Теперь я это знаю совершенно точно. К сожалению, сами корнезианцы этого до сих пор не понимают и понимать не хотят.

Ситуация на Корнезо и то, что нам предстояло здесь сделать, было результатом бесконечного числа событий, находившихся в столь далеко разнесенных точках пространства-времени, что можно только воскликнуть: "Неисповедимы пути Господни!" И бессмысленно восстанавливать все цепочки причинно-следственных связей, чтобы найти исходное событие, с которого все началось.

Так и мое участие в миссии на Корнезо было predetermined, конечно же, задолго до моего рождения. Однако человек, обладая свободой воли, может выбрать момент, который он решит считать началом той или иной истории. Так и я решил считать началом событий, перевернувших мою жизнь и приведших меня на Корнезо, обычную пятницу в середине июня, когда я получил странную депешу.

Все, что произошло со мной с тех пор, я помню очень хорошо. Память у меня всегда была прекрасная, а теперь, как говорит Мелисса, я буду помнить абсолютно все, каждую мелочь, каждое слово, все свои ощущения и мысли.

В тот день, когда я получил депешу, я находился в отпуске и уже десять дней жил в отцовском лагере археологов, расположенном в среднеазиатской степи, на берегу реки Колутон.

Неделей раньше я вернулся из очередного рейса и, поставив свой корабль, транспортник класса А "Джо Паркер", в Лунный Док на обычную плановую профилактику, отправился на Землю. Первую половину отпуска я решил провести вместе с родителями, которых в последние годы видел так редко.

В тот день, в пятницу, 17 июня, я сидел в тенечке на веранде домика моих родителей и наслаждался крымским мускатом под выпуск Всемирных Новостей. Заметив в небе над степью флаер с эмблемой Космофлота, я сразу догадался, что это – по мою душу. Хотя и несколько удивился. Ведь в Космофлоте отпуск – дело святое, и прервать его могут только чрезвычайные обстоятельства, коих представить себе я не мог.

Из приземлившегося флаера выбрался юноша в форме Академии Космофлота, по виду курсант второго или третьего года, страшно гордый важным поручением.

– Сэр, где я могу найти капитана Комарова?

– Курсант, вы его уже нашли.

– Не могли бы вы предъявить ваше удостоверение?

Я встал, прошел в комнату и достал из кофра свое удостоверение, которое, я полагал, на Земле мне вряд ли понадобится.

Я протянул юноше карту с микрочипом, и он вставил уголок карты в свой локтевой разъем.

– Все в порядке, – сказал он, возвращая мне карту. – Я должен передать вам депешу.

С этими словами он достал из планшета небольшой конверт и передал его мне.

– Прошу вас расписаться в получении.

Я расписался в протянутой мне бумаге, и курьер улетел.

Признаться, я был сильно удивлен. Обычно я получал все сообщения на свой комм, в электронном виде. А сейчас впервые в жизни я получил депешу на бумажном носителе, как документ высшей степени секретности, доставленную специальным курьером!

Сломав сургучную печать на конверте, я прочел написанное от руки предписание, заверенное подписью моего начальника, руководителя Департамента "Т", явиться завтра, 18 июня, к 12.00 в Европейское Отделение Космофлота, в Департамент "К", в комнату номер 23.

Я терялся в догадках, глядя на рассыпающиеся в пыль конверт и листок со странным приказом.

Дело в том, что мой "Джо Паркер" и соответственно я приписаны к Департаменту "Т" Североамериканского Отделения Космофлота, так при чем тут Европейское Отделение, да еще какой-то Департамент "К"? Я не знаю ни о каких Департаментах "К" в Космофлоте! А ведь я как-никак не новичок, служу уже двадцать лет, и далеко не рядовой офицер, а капитан первого ранга. Не говоря уже о том, что завтра была суббота, причем суббота в мирное время. И сообщений ни о каких авариях и катастрофах во Всемирных Новостях, слава богу, не было.

Но приказ есть приказ. Европейское Отделение находилось на окраине Бухареста. Конечно, тащиться в Европу на ночь глядя мне не хотелось. Я прикинул, что если встану пораньше, часов в семь, то на своем флаере типа "Air/Space" часам к 9 буду в Бухаресте и на месте выясню, что это за Департамент "К" и что им от меня надо.

Когда родители вернулись в лагерь, я им сообщил, что у меня на корабле возникли технические проблемы и мне надо срочно смотаться на Луну, причем не знаю, как надолго. Если бы я сказал им правду, они сразу же начали бы строить предположения о причине отрыва меня из отпуска, выдвигая самые невероятные версии.

Но, к счастью, мои родители – бесконечно далекие от техники и точных наук люди. Они без малейших сомнений принимают любые, даже самые бредовые, научно-технические объяснения моих поступков. Никогда не мог понять, в соответствии с какими такими законами генетики у них получился я. Замечу без ложной скромности, что обладаю немалыми, довольно необычными техническими способностями. И эти способности, как я полагал, способствовали моей стремительной карьере в Космофлоте. На каких бы судах я ни служил, даже когда был еще совсем зеленым выпускником-стажером, я был "палочкой-выручалочкой" корабельной инженерной службы. Стоило мне оказаться рядом с любым устройством, как я почему-то точно определял, что у него не в порядке. Я всегда знал, где плохие контакты, где отслоилось напыление, где вот-вот разрушится кристалл, а где сбоит программа... Народ быстро понял, что к чему, и меня обычно просили просто гулять по кораблю, заглядывая в каждый угол, а пара техников всегда следовала рядом, трепетно внимая моим замечаниям.

Так что никаких технических проблем на моем корабле быть не могло в принципе. Начальство меня высоко ценило и продвигало по службе, особенно когда оказалось, что кроме

технических талантов у меня есть таланты и организаторские. И в доках меня всегда уважали, поскольку профилактика кораблей, на которых я служил, всегда превращалась во всеобщий внеплановый отдых и сулила необычайную экономию материальных ресурсов и соответственно крупные премиальные. А уж когда я стал капитаном!.. Правда, уважение это иногда принимало весьма своеобразные формы. А в последний раз благодарные ремонтники Лунного Дока превзошли сами себя, но в результате, как оказалось, подложили мне большую свинью. Из лучших побуждений, конечно. Понял я это совсем недавно и до сих пор не могу сообразить, что мне с этой "свиньей" делать...

Дело было так. По окончании прошлой профилактики, перед последним рейсом, я принимал свой "Джо". С самого начала мне показалось, что к комиссии по приемке корабля присоединилось слишком много офицеров-техников, что было довольно необычно. По мере завершения осмотра корабля моя свита все увеличивалась. Когда я подошел к своей каюте, последнему пункту приемки, в отдалении маячили даже рядовые ремонтники. На всех лицах было ясно написано предвкушение чего-то особенного. Я с легкой опаской вошел в гостиную, но не обнаружил ничего примечательного. Народ осторожно просачивался в мои апартаменты. Я заглянул в спальню – и там все было в полном порядке. Тем временем общее возбуждение нарастало. Оставался санитарный блок.

Открыв дверь в санитарный блок, я чуть не рухнул. В результате каких-то хитрых подвижек внутренних переборок помещение моего санитарного блока увеличилось раз в пять. И если бы только это! Потрясала его отделка... Стены белого мрамора, хрустальный потолок с огромным встроенным монитором, ярко-розовый мраморный пол, широкими ступенями спускающийся в небольшой мраморный же бассейн... И все сантехнические устройства были выполнены из того же розового мрамора! Великолепие завершали краны и ручки из чистого золота в виде прелестных женских головок... Клянусь, любая древнегреческая гетера последний зуб отдала бы за этот санитарный блок!

К счастью, мелкие детали я сразу не разглядел. Если учесть, что ваннам я всегда предпочитал душ, а поплавать любил если не в море, то в одном из стометровых бассейнов "Джо Паркера", благо на больших транспортниках запаса воды хватает на любое из пяти Великих Американских Озер... С жизнью меня примирило то, что душ мне все-таки оставили, и на том спасибо. Душ, естественно, золотой...

Конечно, я сразу узнал могучую руководящую длань и широкую русскую душу Виктора Степановича Белова, Главного инженера Лунного Дока: знай наших, гулять так гулять!

Я отчетливо понимал, что с этими людьми мне еще работать. Так что я нашел в себе силы повернуться к затаившей дыхание публике и придать лицу восторженное выражение. Народ дружно выдохнул и расцвел счастливыми улыбками.

Первое время мне было как-то неловко использовать отдельные мраморные изделия по их функциональному назначению, тем более под пристальными взглядами золотых женских глаз. Однако природа взяла свое, делать нечего, привык. В конце концов, не важно, из пластика-керамики изделия или из мрамора... Важно, чтобы функции свои они выполняли безукоризненно!

Страшная правда о моем санитарном блоке открылась мне совсем недавно. Оказалось, что истинной ценности преподнесенного мне докерами сюрприза я себе не представлял. Может, лучше бы я оставался в счастливом неведении... Но так случилось, что "Джо", возвращаясь домой, подобрал на Таунсе экспедицию, ожидавшую попутного транспорта на Землю. Среди планетарников этой экспедиции оказался мой школьный приятель по Питсбургу Билли, который давно специализировался по геологии землеподобных планет.

Мы с Билли провели в приятных беседах не один корабельный вечер. Как-то раз в рассказах о своих экспедициях он поведал о Гротте, где побывал лет десять тому назад. Особенно восторженно Билли описывал историю обнаружения крошечного месторождения уникаль-

ного, возможно единственного во Вселенной удивительного минерала альфьюрит. Ценность альфьюрита определялась даже не столько включениями мелких и крупных алмазов, густо напиговавших его основу, сколько невероятностью сочетания случайностей, приведших к его образованию. Судя по всему, в процессе застывания основы в нее в результате каких-то взрывоподобных процессов внедрялись алмазы, летевшие, как стая пуль. Влетая в кристаллизующуюся основу, они раскалывались по плоскостям спайности, превращаясь естественным образом из невзрачных серых камушков в сияющие бриллианты...

"Драгоценные образцы этого минерала выставлены в Британском музее, – с придыханием рассказывал Билли. – Там два куска, весом около килограмма каждый, лежат в специальной чрезвычайно надежно охраняемой витрине. А еще, – сообщил Билли, – альфьюрит можно увидеть в здании Всемирного Совета. Там в помещениях, доступных для широкой публики, стоят два ма-а-аленьких столика со столешницами из альфьюрита, огороженные в целях демонстрации открытости и демократизма власти всего лишь бархатным шнуром. Охрана, конечно, шнуром не ограничивается!"

Я наивно поинтересовался, а почему, собственно, и образцов – два, и столиков – два? А потому, пояснил мне, непросвещенному, Билли, что альфьюрит в месторождении имеется двух цветов: с ослепительно-белой основой и с основой насыщенно-розовой.

Сердце мое екнуло. Я пригласил Билли продолжить увлекательную беседу в моей каюте. Когда мы туда вошли, я закрыл дверь каюты на замок, молча подвел товарища к санитарному блоку и широко распахнул дверь.

Я был не прав. Людей надо либо заранее предупреждать, либо крепче держать. К счастью, разбился Билли не сильно: крови почти что и не было, да и шишка вскочила так себе, ничего выдающегося.

Ох, не зря мне все время казалось, что мрамор как-то подозрительно поблескивает и радужно посверкивает! Но я же не геолог, черт возьми!

Когда мне удалось Билли поднять, дотащить, уложить, умыть и утереть, можно было приступить к этапу отпаивания. Для подобных целей я держу в каюте небольшой запасец армянского коньячка. Удивительно, но этот напиток одинаково благотворно действует как на женщин, так и на мужчин.

Уже минут через десять Билли превратился в существо практически разумное и начал озвучивать имеющиеся у него мысли. Вопли Билли изобиловали выражениями типа "чудо природы", "осквернять", "достояние человечества"... Я тоже не мог молчать, но тяготел к формулировкам извинительно-примирительного оттенка: "действительно, как-то нехорошо вышло", "камень он и есть камень", "простые работяги, университетов не кончали".

Наконец Билли утомился сотрясать воздух попусту, и мы перешли к решению практического вопроса "что делать?". Поскольку исходные предложения сторон были взаимоисключающими, бурные прения грозили зайти в тупик. Но вторая бутылка коньяку внесла свой вклад в процесс поиска взаимоприемлемого компромисса, и решение было найдено почти соломоново: "он ничего не видел, а я ничего не слышал".

Правда, какое-то время Билли гневно отвергал идею закрепления достигнутого соглашения акцией практического использования изделий из камня, так сказать, преткновения. Но поскольку коньяк все-таки жидкость...

С тех пор проблема "что делать с альфьюритом?" продолжала меня мучить, но решения ее я так и не смог пока отыскать. И до сих пор меня не оставляет вопрос: а где же ребята альфьюрит этот откопали? Не летали же они за ним на Гротту??? Хотя Степаных мог и не такое организовать.

И вот сейчас "Джо" опять стоял на профилактике в Лунном Доке, и я ожидал ее окончания с некоторым содроганием. Судя по затаенным улыбкам ремонтников, я опасался, что на

этот раз они доберутся до моей спальни, и хорошо, если дело ограничится зеркальным потолком!

"Что ж, – как всегда со вздохом говаривал мой троюродный дядя Леон, – бесплатных пирожных не бывает". В детстве я очень удивлялся этому утверждению, поскольку в школьных кафе все, в том числе и пирожные, было, конечно, бесплатным. Теперь я дядю Леона понимал лучше.

Так что родители легко смирились с моим неожиданным отъездом. Только мама посетовала:

– Как жалко, что ехать тебе надо прямо завтра! А мы хотели слетать вместе с тобой на Байкал. Я слышала по Сети, что там находится самый первый нейтринный телескоп. Ты бы нам объяснял все, что мы увидим.

– Мам, а что именно ты ожидаешь увидеть? – осторожно поинтересовался я, не уточняя, что телескоп нейтринный, а не нейтронный, поскольку маме это не принципиально.

И еще я подумал тогда, что, возможно, странная депеша случилась очень кстати.

– Ну, как – что? Телескоп! Звезды! Нейтроны!

Я попытался объяснить, что ничего этого они увидеть не смогут. Сам телескоп – огромная сложная конструкция, распределенная по всему объему озера, а нейтроны и тем более нейтрино никто непосредственно увидеть не может в принципе. И звезды в нейтринный телескоп глазами увидеть невозможно... На звезды лучше всего любоваться здесь, в степи...

Хотя на Байкале, должно быть, очень красиво, и я пожелал им приятной поездки.

Я не стал, на всякий случай, рассказывать, что и сам телескоп вовсе не первый и совсем не древний. Просто этот телескоп находится там же, в Байкале, как и один из первых, созданных еще в двадцатом веке. С тех пор много воды утекло. Нет таких устройств, которые пятнадцать столетий работали бы как ни в чем ни бывало. Не говоря уж о том, что и столетия были те еще. А Байкальские телескопы перестраивались много раз. Два из них были полностью уничтожены: один – во время Алтайских Событий, другой – в Китайском Конфликте. Хорошо еще, что сам Байкал как-то уцелел. Отец, историк-археолог, я думаю, о чем-то подобном подозревал, но помалкивал, чтобы не расстраивать маму.

Я часто удивлялся своеобразным маминым представлениям о мире. В конце концов, она же закончила школу! Хотя, наверное, она так очевидно проявляла незаурядные способности в работе с животными, что ее специализировали очень рано, и какие-то из обязательных школьных курсов прошли мимо нее. Теперь моя мама – известный биолог. Она занимается сравнительным анализом систем обработки информации у различных живых существ. Последние лет тридцать она больше всего работает с птицами и утверждает, что если бы не случайность, то разумные земляне были бы пернатыми. Сейчас мама работает в заповеднике в пойме Ахтубы, поэтому отец, который копает культурные слои где-то севернее Самарканда, устроил свой лагерь почти на полпути к Ахтубе, на берегу Колутона, чтобы летать на работу им было примерно одинаково.

На следующий день, в субботу, я встал пораньше, хотя, конечно, не на рассвете, и даже не в семь. Я быстренько позавтракал огромным узбекским помидором и бутербродами с кофе и потихоньку, на антиграве, чтобы не будить в выходной день лагерь, поднял в воздух свой флаер. До Бухареста, где находилось Европейское Отделение Космофлота, моей машине, если выйти в стратосферу, лету было от подъема до посадки минут тридцать. Но я специально вылетел с запасом времени, чтобы пару часиков спокойно погулять по городу, в котором нередко бывал, когда служил на кораблях патрульно-разведывательной службы, приписанных к Департаменту "ПР" Европейского Отделения Космофлота.

Бухарест мне очень нравился: прекрасная планировка, много старинных зданий, широкие бульвары, невероятное количество роз, не цветущих, кажется, только в январе, каштаны

и серебристые ивы в парках. Интересными были и местные традиции. Помню, когда я как-то в августе посетил премьеру исторической оперы "Валерия Кордэ, командор" в центральном театре "Даки", меня поразило, что дамы из публики почти все были в мехах! А в другой раз я попал в Бухарест, когда там проходил фольклорный фестиваль. Казалось, весь город танцевал несколько суток подряд бесконечную сырбу... И откуда у них столько энергии? А еще почему-то в Бухаресте есть множество ресторанчиков под названиями типа "Граф Дракула", "У Дракулы", "Приют Дракулы" и даже детские кафе "Дракуленок"... Но еду там подают отличную, правда, на мой вкус, слишком острую.

Однако пока я летел, я решил отложить прогулку по городу и сначала отправиться в управление Космофлота. Меня все-таки беспокоила буква "К" в названии неизвестного мне Департамента. Я никак не мог сообразить, что она означает. Все, что приходило мне в голову, так это носившее весьма мрачный оттенок слово "контрразведка" из исторических текстов и фильмов. Но в Космофлоте существуют Департамент "ВР", занимающийся внутренними расследованиями, и Департамент "ЛС", ведающий личным составом флота. В компетенцию этого департамента входят все вопросы кадрового обеспечения Космофлота, от подбора кандидатур в абитуриенты Академии до организации жизни ветеранов на заслуженном отдыхе и достойных проводов их на вечный покой. В плотной структуре Космофлота, как я был уверен, не оставалось зазора для функций отдельного Департамента контрразведки. В конце концов, эту структуру создавала сама Адмирал, имевшая личный опыт жизни в самые неприятные времена в истории Земли. С другой стороны, возможно, именно поэтому и могло иметь место дублирование функций.

Но если буква "К" все-таки обозначает слово "контрразведка"... Я пытался понять, что может заинтересовать контрразведку в биографии и личности такого обыкновенного человека, каким я себя считал.

Семья наша была самой обычной. Мама когда-то в студенчестве, изучая генетику, составила генетически-генеалогическое древо нашей семьи за последние пять веков. Никаких особо выдающихся личностей в нашей родословной не обнаружилось. Пожалуй, удивительным было только то, что все предки нашей семьи были исключительно специалистами, причем в самых разнообразных областях человеческой деятельности: врач, журналистка, математик, скрайтер, дипломат, океанограф, десантник, вулканолог, экономист, модельер, психолог, режиссер, полицейский... При этом профессиональные способности моих предков практически никогда не повторялись.

Никаких значимых физических мутаций в нашем роду также не было. Случались, конечно, всякие мелочи типа шести пальцев, разного цвета глаз да двух сердец. Мама говорит, что, наверное, главные мутации происходили в наших мозгах. Хотя и особых достижений наших специализированных мозгов вроде бы тоже никогда не наблюдалось.

Другое дело некоторые физические особенности. Вот дядя Леон, не верящий в бесплатные пирожные, со своими двумя сердцами, к примеру, трижды побеждал на Олимпиадах в категории "человек естественный". Один раз – на Летней Олимпиаде в тройном марафоне, и два раза – на Зимних Играх в лыжных гонках на 150 километров. Конечно, на марафонских дистанциях на Олимпиадах никому из людей без двух сердец или без биомех-имплантантов и делать нечего. Но и два сердца дают всего лишь возможность попасть в число лучших. Так что дядей Леоном мы очень гордимся.

Пожалуй, мои родственники отличались еще кое-чем, а именно – долголетием. Если они не погибали насильственно, то жили заметно больше среднего срока жизни человека, двухсот пятидесяти лет. Моя двоюродная прабабушка Соня, например, недавно умерла в возрасте 288 лет, а ее мама Елена дожила до 321 года. Так что у меня хорошие перспективы.

Я, Алекс Комаров, обычный нормальный средний человек. Никаких явных мутаций не имею. Даже никаких имплантантов, кроме процессоров, стандартных и специализированных

флотских, соответствующих моему рангу, поставить еще не успел. Слава богу, и необходимости такой пока не было. Внешность у меня также совершенно обыкновенная: европеоид, рост – немногим больше двух метров, волосы – неопределенно-светлые, глаза – неопределенно-серые, нос – прямой. В юности я даже несколько страдал, поскольку девушки обращали на меня мало внимания, но косметических операций как-то делать не стал. Мои спортивные успехи тоже были не особо выдающиеся. Начинал бегать на лыжах, подражая дяде Леону, но мне не понравилось сильно напрягаться, и я бросил это занятие. Пожалуй, мне всегда нравилось плавать, но и здесь достижения мои были на уровне побед в региональных соревнованиях, не выше. Отец посмеивался, говорил, что лень раньше меня родилась, но ни к чему не принуждал.

А вот учился я всегда очень хорошо. Возможно, потому, что мне всегда везло с учителями. Пока я учился в школе, с пяти до пятнадцати лет, мои родители – так получалось у них с работами – шесть раз переезжали из города в город. Мы жили и в Новгороде, и в Кавенго, в Москве, Кейптауне, Питсбурге, Веллисе. Поскольку способности к технике у меня обнаружались еще до школы, учился я в школах специализированных, с прекрасным преподаванием естественных наук. Но, кроме того, в каждой школе оказывались еще и замечательные учителя по другим предметам. Вот в этом, я считаю, и было мое везение.

Когда я учился в московской школе, историю у нас преподавала мадам Ванесса. Как она рассказывала о XX веке! Можно было подумать, что она сама жила в те времена... Но мы знаем, что Первых селферов, людей XX века, существует всего только четверо. Нет, конечно, есть еще девять "особых селферов", живущих гораздо дольше. Но эти селферы – действительно особый случай, их в расчет принимать нельзя. Так что в 5-6-х классах я был сильно увлечен историей. И помню, как жалко было мне уезжать из Москвы и оставлять эту школу.

А в Питсбурге в нашей школе целый год экономику преподавал Игорь Иванович Кейси, сотрудник Министерства Земных Ресурсов. Он работал непосредственно у Шемаханской Царицы, управляющей всей экономикой и финансами планеты последние триста лет. Всем известно, как тяжело работать с селферами. Игорь Иванович по настоятельной рекомендации врачей должен был временно перейти на более спокойную и менее ответственную работу, вот он и выбрал преподавание в школе.

Но в Академию Космофлота я решил поступать не в школе, а когда учился уже в Техническом колледже, в Иркутске. Там курс космологии вел отставной полковник, ветеран, бывший навигатор, Владимир Васильевич Краммер, дедушка моего друга Сергея Краммера. Владимир Васильевич был еще совсем молодой, лет 150, не больше. За время службы он умирал три раза, последний раз – в результате аварии среднего крейсера в системе Альты. Физически после регенерационной камеры он годился хоть в десант, но его трижды восстановленная нервная система не могла больше функционировать совместно с боевыми процессорами. После ста с лишним лет, проведенных в рубках боевых кораблей, он не захотел отсиживаться в управлениях, а решил, что его долг – передать молодежи то, что знал и видел сам. Краммер-дед до сих пор жив и все там же преподает, а вот Серега, его внук, пропал. Не хочу говорить – погиб. Исчез.

Пять лет в колледже мы с Серегой ни о чем, кроме звезд, планет, галактик и чужих цивилизаций, и знать не хотели. И мы твердо решили, что будем служить в Космофлоте.

Мы оба не только легко поступили в Академию, но и очень успешно через десять лет ее закончили. Серега – одиннадцатым, а я – четвертым. Среди трех тысяч выпускников, между прочим. И Краммер-дед, и наши родители были счастливы и гордились нами. Целых четыре года. Мы, тогда старшие лейтенанты, вместе служили в 26 отряде Патруля и Разведки Восьмого Соединения Космофлота. В тот раз мы с Серегой и Виктором Альваресом, еще одним нашим приятелем по Академии, патрулировали на своих катерах совершенно пустынную область в направлении Пирамид. Три патрульных малых катера, имевших на борту по двадцать восемь человек экипажа, шли на далеком до-свете, в половине парсека друг от друга, на расстоянии

прямой надежной связи, видя друг друга на мониторах всех приборов наблюдения. Обстановка была тише не бывает. Мы с Серегой как раз болтали по пси-связи на предмет наших планов по возвращении на базу. На середине фразы он замолчал, и катер его пропал со всех экранов. Просто так: был и – нет.

История была дикая. Все наше Восьмое Соединение, все тысяча триста двадцать кораблей всех классов три месяца прочесывали расширяющейся сферой огромное пространство. Но Серегин катер мы так и не нашли. Никаких следов.

Объяснить случившееся было просто невозможно. В районе того патрулирования на кубический километр пространства хорошо, если попадется один атом водорода. Да если там кто, к примеру, чихнет, то чих этот засечь можно будет миллиона через два лет без всяких проблем. А здесь – двадцать восемь человек и катер. Причем он только так называется: "малый катер". Это он "малый" по сравнению со средними и большими кораблями. Да если случилось бы что-то, что мы могли в принципе вообразить... Рассматривался даже вариант Быстрых Пространственных Перемещений нашего катера или чужого корабля, похитившего почему-то наш катер. Вариант совершенно бредовый, поскольку при любом из известных нам четырех способов БПП во все стороны летели бы возмущения всех полей типа "здесь был Вася, пошел к Пете".

Когда поисковая операция была закончена, за дело взялся Департамент "ВР" и всему Восьмому Соединению чуть ли не мозги наизнанку вывернул. Так что эта история вряд ли может заинтересовать гипотетическую контрразведку. Правда, меня все время беспокоит одна мысль: а вообще, на кой ляд и по чьему приказу мы по строгому расписанию барражировали эту космическую пустошь? И единственный ответ, который я смог придумать, – эта пустошь находится между Землей и Пирамидами – мне очень не нравится. И еще: возможно, существует неизвестный нам "тихий" вариант БПП? Вот именно поэтому я и не хочу думать, что Сережка Краммер погиб. Он исчез. Но никаким Департаментам рассказывать свои соображения я не собираюсь.

И вообще, моя жизнь, начиная с Академии, а то и с иркутского колледжа, известна Департаменту "ЛС" гораздо лучше, чем мне, поскольку я могу что-то забыть, а Департамент "ЛС" никогда ничего не забывает. Более того, я имею все основания полагать, что Департамент "ЛС" обо мне самого высокого мнения. Моя карьера развивалась, по меркам мирного времени, просто стремительно. После пропажи Серегинского катера я прослужил в Патруле и Разведке меньше года. Я чувствовал, что мне необходимо сменить обстановку или хотя бы тип кораблей. Руководство отнеслось ко мне с пониманием, и меня перевели в Департамент "Т" на транспортник.

Четыре года я осваивал на разных должностях, повышаясь в звании, огромный транспортник "Мари Бланк". Все большие транспортники носят имена заслуженных капитанов прошлого. "Мари Бланк" тоже был кораблем класса А, как и "Джо Паркер", но только предыдущего поколения.

А потом я получил свой первый малый транспортный корабль "Принц Георг", став самым молодым, мне было 39 лет, действующим капитаном Космофлота.

Еще через два года я получил назначение на "Королеву Марию", средний транспорт, который должен был доставить грузы и людей на строящуюся орбитальную базу на самой границе исследованного космоса. Бывший капитан "Королевы Марии", опытный, заслуженный космолетчик, чуть ли не накануне старта узнал о необратимой смерти жены и старшего сына. Они оба были биологами и работали в базовом лагере на поверхности Альбины, одной из самых опасных для человека планет. Конечно, он немедленно получил отпуск. Я в то время был на Земле, только что вернувшись из рейса. Понятно, что в дальней экспедиции нужен был надежный, безаварийный корабль, поэтому выбор пал на меня, поскольку о моих технических

способностях уже тогда ходила слава. Да и во всех других отношениях я успел зарекомендовать себя только с хорошей стороны.

Тогда это был мой самый длительный рейс, продолжавшийся больше трех лет. Новая база строилась в системе ничем не примечательной звезды со стандартной планетной системой: газовый гигант типа Юпитера на очень близкой, почти в короне, околозвездной орбите и несколько – в нашем случае пять – мелких планеток на приличном удалении от звезды. Почти каждая двухсотая средняя звезда имеет именно такую систему. Вот хороших систем, с планетами, потенциально пригодными для развития полноценной жизни, в тысячи раз меньше. Хотя, что мы знаем о возможностях жизни? Но в системе этой звезды, которую все дружно называли "Край Света", или просто – "Край", пока никакой жизни, к счастью, обнаружено не было. Небольшую планету, над которой медленно кружила наполовину построенная база, называли непритязательно Шариком, а базу – Базой.

В полетном задании мне и "Королеве Марии" предписывалось по прибытии в пункт назначения оставаться в расположении стройки и способствовать сокращению сроков строительства нового форпоста человечества. Помимо того, допускалось, при необходимости, задействовать "Королеву" при проведении обзора и изучения космических окрестностей новой базы. Попросту говоря, я становился совершенно бесправным ишаком на совершенно неопределенный срок, поскольку даже после ввода Базы в строй изучение окрестностей могло продолжаться сколь угодно долго. Правда, устно руководство разрешило мне, когда станет совсем невмоготу, послать в Департамент SOS или же самому отыскать благовидный предлог...

Конечно, "Королеву Марию" радостно задействовали и в хвост, и в гриву полных три года. Спасало только то, что на Базе не было единого руководства: Начальник Стройки строил Базу, а Руководитель Экспедиции исследовал окрестное пространство, и в моем положении слуги двух господ имелись определенные преимущества. Пока начальники-руководители выясняли, кто именно из них без "Королевы" на данном этапе работ буквально застрелится, я мог слегка передохнуть. Во время такого очередного передыха я и познакомился, что рано или поздно было совершенно неизбежно, с недавно прибывшим на Базу новым начальником Монтажного Управления Строительства мадам Тереховой по прозвищу Барракуда.

Тут нелишне припомнить мои контакты с дамами, возможно, контрразведку интересую не лично я, а мои знакомые женского пола? Ну, девушки из колледжа и Академии известны Департаменту "ЛС" не хуже меня. Вряд ли дело в них. А вот Луиза и Барракуда – это лица гражданские. Возможно, таинственный Департамент "К" интересуется по какой-то причине моими связями с одной из них?

Луиза была астрономом и работала в Лунной Обсерватории. Я познакомился с ней во время первой же профилактики в Лунном Доке, и почти пять лет при любой возможности мы проводили время вместе. Меньше чем за год до того, как меня назначили капитаном "Королевы Марии", мы вместе ездили в отпуск в любимый мною Крым. Не буду говорить о чувствах, но к этому времени мы подумывали, не завести ли нам первого ребенка, и даже уже обратились во Всемирный Комитет по Генетике за разрешением стать генетическими родителями. Незадолго до конца отпуска ехали мы, помню, на глайдере из Фороса в Алупку. Уже стемнело, и свет фар выхватывал из темноты то куст, то каменную стенку, то ствол инжира... В какой-то момент фары осветили пару, идущую по дороге в том же направлении, в Алупку.

– Давай подвезем? – предложил я.

Несколько минут, пока доехали до Алупки, мы поболтали ни о чем с Кирой, так звали стройную блондинку, и ее спутником Багротом, жгучим брюнетом с огромными карими очами. Через три дня наш отпуск закончился, мы с Луизой вернулись на Луну, и вскоре я отправился в очередной рейс. Когда через десять месяцев я вернулся из рейса, то Луизы на Луне не обнаружил, зато через пару дней в Новостях я увидел сюжет об открытии выставки моло-

дого художника Баграта Саркисяна. Он принимал поздравления, нежно поддерживая под руку совершенно очевидно беременную мою Луизу.

Не могу сказать, что жизнь потеряла для меня всякий смысл. Но с великой любовью я решил слегка повременить. Конечно, за три года пребывания в окрестностях Края Света у меня случались отдельные отнюдь не деловые контакты с женщинами из состава экспедиции. Сначала с Леной, звездником, а потом с Терезой, планетарником. Однако эти дамы были гораздо больше озабочены раскрытием тайн Вселенной, нежели раскрытием тайн мужской психологии. А какие еще дамы могли находиться в экспедиции на краю света?

А вот мадам Терехова, она же Барракуда, мужчинами интересовалась несравнимо сильнее, чем всеми космическими объектами вместе взятыми, и это приятно грело. Но поскольку члены экспедиции постоянно находились в полетах, то практически все окружающие Барракуду мужчины были либо в ранге ее подчиненных, либо в ранге ее начальников, что всегда является определенным препятствием для развития романтических отношений. Так что знакомство со мной она восприняла, как подарок судьбы. Я и не возражал. Вскоре, но все же поздновато, выяснилось, что предметом особой гордости Барракуды являлась очень необычная наследственная мутация, признанная полезной и закрепленная вот уже в четвертом поколении: у мадам Тереховой непрерывно со страшной скоростью вырастали и обновлялись зубки. Казалось бы, и хорошо. Но в условиях экспедиции, когда пища не всегда представляет собой бифштекс с кровью или отбивную с косточкой, зубы ее с естественным обновлением задерживались, и во рту милой девушки образовывалось временами по два, а то и по три ряда свеженьких остреньких конических зубищ.

Я эту особенность-гордость Барракуды обнаружил не сразу. Дама при первых встречах зубки предусмотрительно особо не демонстрировала. А мне и в голову не пришло предварительно проинспектировать красавице рот. С чего бы вдруг? А потом было поздно, поскольку в нашем обществе поголовных мутантов ну не принято объявлять о своем неприятии неких особенностей партнера, когда ты уже пошел на определенные вполне конкретные шаги. Считается, что раньше надо было думать. В конце концов, у каждого – свои недостатки. Тем более у нее – достоинство. И меня никто не обманывал умышленно. Сам недоглядел. Конечно же, надо было бы поинтересоваться, откуда у прекрасной дамы такое эксклюзивное прозвище. Я же просто решил, что на стройке мужики начальнику женского пола и не такое прозвище могли дать. И вообще, все произошло так стремительно... Умом я все понимал, но с каждым днем у меня нарастало навязчивое опасение, что мадам без всякого злого умысла, по чистой случайности, может откусить что-нибудь особенно дорогое моему сердцу, так сказать, мимоходом оттяпать. И обнаруженные утром на подушке три-четыре конических зуба тоже никак не способствовали всплеску любовного энтузиазма. А за завтраком, элегантно сплюнутый на тарелочку зубик? А?

В общем, я решил, что романтика хороша в определенных дозах и пора срочно напротиситься в привычной роли ишака куда-нибудь в далекий поиск. Но не тут то было! Оказалось, что прозвище "Барракуда" действительно никак не связано с акульими зубками очаровательной мутантки. Когда Начальник Стройки и Руководитель Экспедиции, стыдливо пряча глаза, дружно заявили, что они находятся "в процессе всестороннего тщательного согласования детального плана использования "Королевы Марии" с максимальной эффективностью в интересах общего дела", я отчетливо осознал, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Мне вспомнились устные разъяснения руководства, и я пошел на крайнюю меру. Скрепя сердце, я лично, своими собственными руками, разъюстировал балансировку силовых полей одного из двигателей "Марии" и объявил, что необходимо немедленно направляться к ближайшему доку на капитальный ремонт. Беда с двигателем была всем очевидна. Я опасался реакции офицеров, которые слишком хорошо меня знали, но, видно, народ пребывал в курсе моих

затруднений и проникся. Конечно же, после торжественных проводов буквально через сотню парсеков все двигатели транспорта опять находились в идеальном состоянии.

Руководство Департамента приняло меня с распростертыми объятиями и даже не поинтересовалось причиной возвращения. Похоже, зная жизнь, они поджидали меня гораздо раньше.

Честно говоря, чем могли заинтересовать Департамент "К" мои контакты с Луизой и Барракудой, я тоже никак не мог сообразить. Так что к Бухаресту я подлетел, находясь по-прежнему все в том же состоянии недоумения.

Бухарест прекрасным субботним летним утром был безлюден и на земле, и в воздухе. Отделения Космофлота всегда располагались на окраине городов. Подлетая к Управлению, я полюбовался его территорией, раскинувшейся на пологом холме с огромной плоской вершиной. Старинный парк с цветниками на террасах, широкие гранитные лестницы, аллеи со скульптурными группами, отображающими этапы покорения космоса человечеством. Невысокое здание, построенное в местном архитектурном стиле, выглядело совсем небольшим. Это естественно, поскольку основная часть помещений располагалась глубоко под землей.

Управления всех Отделений Космофлота были построены по одному плану и представляли собой огромные законсервированные космопорты, отличающиеся только оформлением в местных традициях наружных построек и парков. Искусственные холмы являлись платформами стартопосадочных полей, способными выдержать посадку и старт малых и средних кораблей. Конечно, транспорты типа моего "Джо" на такое поле просто не поместились бы, да и спуск его в атмосферу был бы сам по себе небольшой катастрофой планетарного масштаба. А весь остальной флот в случае чего мог надежно садиться на эти запасные космодромы. Пока такая необходимость не возникала, но селферы, и в первую очередь Адмирал, были людьми весьма предусмотрительными.

На парковочной площадке Управления "сучала" пара флаеров. Мой стал третьим. От стоянки до главного входа аллея тянулась сквозь розарий. В солнечном мареве плыли сладкие ароматы сотен кустов. От компании гудящих шмелей, блаженствующих в этом цветочном раю, отделился и направился ко мне крупный экземпляр, заинтересовавшись, видимо, привезенными мною незнакомыми запахами степи. Он проводил меня, облетая кругами, до самого входа.

Пустынный холл был наполнен прохладной тишиной. Общая картина безлюдья напомнила мне случай, когда я сдуру прилетел в Управление Североамериканского Отделения решать вопросы в тот самый день, когда местная бейсбольная команда принимала у себя команду "Чикагские Буйволы" в четвертьфинальном матче мирового чемпионата.

Однако в распахнутой настежь бронированной кабинке дежурный охранник все-таки имелся. Очень немолодой брюнет с гордым орлиным профилем держал в одной руке бокал с золотистым напитком, похоже, местным кисленьким винцом, а в другой – надкусанный бутерброд. Впущенный мною в холл аромат роз столкнулся с отчетливым чесночным духом. Местный колорит.

– Ларэ ведере! – желая быть вежливым, я решил поздороваться по-румынски.

Да, с языками у меня всегда было не здорово. Судя по изумленному взгляду дежурного, я сказал, наверное, "до свидания". Решив не заикливаться на проблемах лингвистики, я протянул ему пластину личного удостоверения прямо в открытую дверь, поскольку при таком варианте организации охраны было бы нелепо всовывать ее в специальную щель в броне. Недолго поколебавшись, какую руку освободить, дежурный поставил бокал на столик в кабинке, взял мою пластину и вставил ее в приемник компа.

– Комароу Александру? – продолжая жевать, уточнил дежурный.

Получив мое подтверждение, он впустил меня на охраняемую территорию, вернув удостоверение и махнув бутербродом в сторону дверки направо от широкого прохода. Никогда раньше я эту дверку не замечал, сразу проходя между резными гранитными колоннами прямо к лестницам и лифтам.

Как-то не вязалась такая расслабленная атмосфера встречи с интересом контрразведки к моей персоне. Как мне помнилось по историческим фильмам, с интересующими контрразведку личностями в контакт вступают подтянутые тренированные сотрудники, числом не менее двух, сопровождая убедительными жестами вежливые приглашения типа "давайте пройдем!". Несколько успокоившись, я открыл неприметную дверь.

За дверью в коридоре стояли два подтянутых тренированных молодых человека в обычной космофлотской форме с эмблемами медицинской службы.

– Проходите, Александр Владимирович, – широким жестом пригласил меня один из них в просторное помещение без окон, оказавшееся медицинским кабинетом.

– Располагайтесь поудобнее в кресле, – надевая зеленый халат, сказал другой.

Первый уже усаживался за терминал медицинской аппаратуры.

Когда я устроился в стандартном медицинском кресле, захваты мягко и прочно зафиксировали мои руки и ноги.

– Набор тестовых процедур, ничего особенного, – успокоил меня зеленый.

"Ничего себе – ничего особенного!" – подумал я и приготовился к взятию стандартной пробы крови. Правда, до сих пор при посещении управлений я ни разу не предъявлял ничего, кроме пластины личного удостоверения на входе. Дальше мое изумление только тревожно возрастало. Зеленый, задрав брючину на моей зафиксированной ноге, глубоко ввел тонкий зонд. "Ого! Образец костной ткани на ДНК-контроль!" Тут я, наконец, осознал, что дело действительно серьезное.

Но и этого им было мало. Пока медицинские машины жужжали и чавкали, получив образчик и сравнивая его с имеющимися в их базах данными, в стене кабинета распахнулась круглая дверца, кресло превратилось в койку и въехало в цилиндрическую камеру.

Я, как и все на Земле, начиная с раннего детства, несколько раз в положенные сроки проходил процедуру снятия объемной карты структур головного мозга. И последний раз совсем недавно, сразу после завершения последнего рейса, так что никакой медицинской необходимости повторять ее меньше чем через три недели быть не могло!

"Да, но карта мозга – еще и самый надежный способ идентификации личности, – сообразил я, – Департамент "К" хочет быть уверен, что я – это я... Дьявол! Во что же это я вляпался, сам того не подозревая?"

Пока аппарат сканировал мой мозг и строил его трехмерную модель, я пытался сообразить, в чем я мог быть виновен. Но мне не в чем было себя упрекнуть! Я был чист перед человечеством и перед руководством Космофлота!

"В конце концов, мне нечего опасаться, – убеждал я себя, – я честно служу своей Родине, конечно, всего двадцать лет, но служу хорошо! Меня ценят и уважают в Космофлоте, что подтверждает моя карьера. Кому еще за всю историю Военно-Космических Сил Земли в таком молодом возрасте доверяли командовать кораблем класса А? Все остальные капитаны подобных кораблей вдвое-втрое старше меня, но я честно заслужил это право и оправдал оказанное мне доверие. И если отбросить ложную скромность, мои родные и близкие гордятся мной не только за отличную службу Земле, они гордятся тем, что в семье есть кавалер ордена "Пурпурная Звезда"!

И тут я, наконец, сообразил, чем запятнал свой мундир и свою честь, что я скрыл от руководства и человечества: "Альфюрит! Билли проговорился!"

Но упрекать Билли я не мог. Скорее всего, он не просто проговорился, а поступил как достойный гражданин. А я решил скрыть, утаить от всех огромную научную и материальную

ценность! Конечно, я сделал это исключительно по своему легкомыслию! Но руководство, видимо, решило, что это – ПРЕСТУПЛЕНИЕ, и что двигали мной некие корыстные мотивы... И теперь я понесу заслуженное наказание! Но не это главное! Я представил себе позор, который обрушится на меня и на всех моих родственников... Более того, я останусь в памяти потомков не как герой, и даже не как обычный преступник, а как "человек, который ..... на Достояние Человечества"... Это страшнее любого наказания! Мгновенно я покрылся холодным потом.

– Александр Владимирович, что случилось? Вы плохо себя чувствуете? – озабоченно поинтересовался заглянувший в цилиндрическую камеру врач в зеленом.

Я пробормотал:

– Все в порядке. Акклиматизация, наверное. Я недавно из рейса.

Как во сне я дождался окончания тестовых процедур. Машина сообщила, что я – это я. Врач, что работал за пультом, попросил мое удостоверение, и машина что-то записала на пластину. Затем мы все втроем вышли из кабинета, и медики проводили меня до двери, через которую я сюда вошел. Мне показалось, что молодые люди смотрят на меня с каким-то нездоровым интересом.

"Кто и что ждет меня за этой дверью?" – подумал я, открывая ее. За дверью никого не было.

– Что дальше? – спросил я в пространство.

– Александр Владимирович, ваш дальнейший маршрут записан на вашей пластине, – ответил у меня за спиной один из медиков, кажется, тот, что в зеленом халате.

– И что, я поеду один?

– А что, вы еще не пришли в себя? Вы не очень хорошо себя чувствуете? – встревожились врачи.

– Нет-нет, уже все прошло, – медленно выговорил я.

"Кажется, слава Богу, дело не в альфьюрите, – начал я потихоньку соображать. – А поскольку на мою пластину записан, видимо, маршрут следования в Департамент "К", значит, этот Департамент находится не на территории Управления". Угроза суда и позора нанесла, похоже, тяжелый удар по моим мыслительным способностям.

Все тот же дежурный охранник – прошло всего-то полчаса от силы – молча взял мое удостоверение, не глядя, отметил его в машине и так же, не глядя, вернул его мне, поскольку занят был изучением на сетевом мониторе таблицы футбольного турнира. Если бы со мной было что-то не в порядке, машина заблокировала бы выход, но он был открыт.

Я вышел на волю, вдохнул свежий воздух, прищурился на солнце и твердо решил передать все составные части своего санитарного блока в казну Всемирного Совета, предварительно изуродовав до неузнаваемости изделия сложных форм. Спустя минуту я передумал, сообразив, что столь щедрый дар от частного лица, тем более от лица военного, заставит службы всех мастей глубоко копать, и они, несомненно, раскопают все пикантные подробности. Это не выход. Может, выкинуть весь минерал где-нибудь в окрестностях далекой звезды? Но как я буду объясняться в доках? Проблема представлялась мне совершенно неразрешимой, и я решил отложить ее до лучших времен. Как говорит старинная английская пословица: "Do not trouble trouble until trouble troubles you».

Непосредственно на повестке дня у меня стояла другая "trouble": по-прежнему непонятный Департамент "К", для выдачи сообщения о местоположении которого меня столь надежно и идентифицировали. Кстати,

где же он находится? Я вставил уголок пластины удостоверения в разъем на локтевом сгибе левой руки, и в моем сознании возник план Бухареста и его окрестностей. Департамент находился совсем рядом с Бухарестом, но в стороне, противоположной от Управления. Судя по плану, территория Департамента примыкала прямо к озеру Снагов, любимому месту отдыха местных жителей.

До назначенного времени у меня оставалось еще больше часа, но гулять в парке Управления или тем более в городе, настроение как-то пропало. Я решил полетать на флаере над озером, успокоиться и, так сказать, осмотреться.

Забравшись в кабину своего летательного аппарата, глотнув кофе из термофляги и немного посидев, не думая ни о чем, я почувствовал, что уже способен вести машину на ручном управлении. Поскольку флаеров над городом практически не было, я, не торопясь, немного покружил на малой высоте над Бухарестом и направился к озеру.

Сверху было хорошо видно, что узкое длинное озеро представляет собой заполненную водой трещину в горах, которые, теперь уже очень старые, превратились в пологие холмы. Но кое-где берег обрывался в озеро довольно высокими скалами. Берега Снагова заросли лесом, близко подходившим к берегу. И в лесу, и по берегам видны были виллы, коттеджи, домики и походные палатки. Местами берег просто кишел отдыхающими.

Территория Департамента "К" оказалась довольно обширной и напоминала типичный санаторий. Два здания побольше были расположены на склоне холма и с одной стороны имели один этаж, а со стороны озера – два. Их архитектура тоже была типично санаторной: много стеклянных стен, лесенки, колонны, большие и маленькие веранды и балконы. В лесу виднелись крыши небольших особнячков, разбросанных по всей площади, занимаемой Департаментом. Вдоль дороги от ворот до главного здания располагались спортивные площадки, корты и даже футбольное поле. Широкие и узкие лестницы спускались к озеру. На берегу под серебристыми ивами на крохотной набережной находилось кафе с белыми столиками под разноцветными зонтами. Тут же был бассейн с вышками для прыжков в воду и лодочная станция с отдельной стоянкой для маленьких яхт. Все выглядело исключительно благостно, вот только отдыхающих нигде не было видно. Запустение напоминало сегодняшнюю обстановку в Управлении, поэтому я был уверен, что прилетел в нужное место.

Главный вход находился со стороны, противоположной озеру. Стоянка была невелика и совершенно пуста. Свой флаер я пристроил аккуратно с краю, но все равно он занял почти четверть площадки. "Где же они ставят свои машины?" – машинально отметил я про себя.

Подойдя ко входу, я заметил, что прозрачные двери и стены, сквозь которые на просвет была видна веранда на другой стороне здания, имеют отчетливый голубоватый оттенок и толщину сантиметра четыре. "Хороший санаторий, добрый", – подумал я. Примерно такие стены были и на смотровых палубах кораблей Космофлота. Мало этого, я заметил характерные пазы для шторок из броневых плит, что мне было также до боли знакомо. Близкий сердцу почерк корабельных конструкторов. Мне стала предельно ясна картина, увиденная сверху. Это был не просто единый подземный корпус с наземными постройками над выходными шахтами. Это был док с малым транспортником типа моего "Принца Георга", являющийся частью берега озера Снагов. Если кораблю придется стартовать, то и запас воды – непосредственно под рукой, никаких проблем. Знакомая предусмотрительность.

Черт возьми, хорошей же жизнью жили селферы на протяжении сотен лет! Или они опасаются чего-то такого, чего и сами еще не видывали? А может, точно знают и ждут? Мне стало как-то не по себе. Я вспомнил службу в Патруле и Разведке, исчезновение Сереги... Тогда я был еще слишком молод и беспечен и не задумывался о смысле полетных заданий, вообще-то нелепых ввиду полной безобидности известных нам девяти цивилизаций.

А может, не таких уж и безобидных? Или не девяти? И что насчет Пирамид? Еще я припомнил слухи о том, что якобы на другом конце Галактики обнаружилась цивилизация, не уступающая нам в техническом развитии, но связь с ней внезапно беспричинно прервалась...

В "стеклянном" холле меня встретил дежурный, совсем молодой лейтенант, год-другой как из Академии, четко козырнул, проверил мое удостоверение в терминале компа и заметил:

– Вы прибыли несколько раньше назначенного времени, но приказано вас допустить, когда бы вы ни появились.

"Интересная формулировка, а если бы я опоздал на сутки? В конце концов, я – в отпуске и мог быть где угодно".

Лейтенант сообщил, что нужный мне кабинет находится в конце коридора первого этажа левого крыла здания.

Кроме дежурного, ни в холле, ни в коридоре, ни одной живой души не наблюдалось.

Я добрался до кабинета № 23, распахнул дверь и застыл на месте. В комнате, явно приемной, так сказать, в предбаннике, над столом склонилась женщина. Это было странно. В Космофлоте по старой традиции секретарями, референтами, адъютантами и курьерами служили только мужчины, недавние выпускники Академии, стажеры, а летом – курсанты-практиканты, как тот курьер, что доставил мне депешу.

Женщина подняла голову, и я увидел, что это – молоденькая девушка. И какая девушка! Сияющие доверчивые глаза, светлое, почти прозрачное лицо, нежные бледно-розовые губы. В общем, ощущение чистоты и невинности. Ангельский лик, окруженный золотистым нимбом волос, был, несомненно, чудным произведением природы, а не результатом труда искусных хирургов-косметологов.

Она была, конечно, в космофлотской форме, но без куртки. Просто в белой майке без рукавов и в стандартных белых брюках, заправленных в белые же флотские сапоги. Но, клянусь, на любой вечеринке она выделялась бы в толпе самых изысканно разодетых, вернее, изысканно раздетых, красавиц, как бриллиант среди простых камней.

Тем временем сквозняк распахнул приоткрытое окно и сдул со стола несколько бумажных листов с рукописным текстом. Она кинулась их собирать. Я, наконец, сообразил закрыть дверь и тоже бросился собирать разлетевшиеся по полу бумаги. Когда я протянул ей собранные листы, она, принимая их тонкой изящной ручкой, взглянула мне прямо в глаза и улыбнулась. Она улыбнулась! Мне!

Я стоял, как чурбан, и тоже улыбался какой-то дурацкой застывшей улыбкой. А в это время внутри у меня бушевал ураган. Кровь шумела в ушах, гормоны выплескивались в кровь, в крови разгорался пожар. Сумбурные мысли металась и стлкнувались в извилинах мозга. Мелькали заманчивые эротические видения, в которых образ этой незнакомой девушки странно переплетался с образом Нади Назаровой.

...Надю, восходящую звезду балета, я увидел в передачах по Сети еще на подлете к Солнечной системе и сразу же влюбился в нее по уши. Сидя в лагере археологов, я каждый день пересматривал все записи с ее спектаклями, мечтал о ней, как зеленый юнец, и изобретал хитроумные способы знакомства...

Да, похоже, в моей стремительной карьере есть немалые минусы. Все члены экипажа, особенно молодые, обычно легко заводили более или менее продолжительные связи внутри родного корабельного коллектива, благо выбор кандидатур, особенно на больших кораблях, весьма широк. Меня же роль капитана ставила в особое положение, не давала мне права свободно реализовывать, подобно другим членам экипажа, естественные потребности моего молодого активного организма. А перерывы между рейсами были слишком коротки, чтобы я мог найти девушку, подходящую для длительных близких отношений. Потеря Луизы серьезно осложнила мою личную жизнь. Хотя как можно ее винить, если я покидал ее на долгие-долгие месяцы?

И теперь я чувствовал, что реагирую на красивых девушек как тридцатилетний юнец, а не как пятидесятилетний молодой человек с некоторым опытом и нормальной личной жизнью. Нет, пора, пора спускаться на Землю, заводить себе постоянную подругу и всерьез заняться проблемой продолжения рода Комаровых. И почему бы и не с этой неожиданно встреченной девушкой? Может, это – подарок судьбы?

"А как же Надя?" – спросил мой внутренний голос.

Я чувствовал себя таким буридановым ослом...

– Александр, вы прибыли несколько раньше, но можете пройти в кабинет, – наконец милый голосок достиг моего сознания.

Пока внутри меня кипела жизнь во всех ее проявлениях, мой организм как целое нелепо стоял столбом на середине приемной, не воспринимая сигналы окружающей среды. А ко мне обращались, похоже, не в первый раз. Небесное создание уже убрало все листы в стол и открыло дверь в кабинет, пропуская меня внутрь.

Еще не придя в себя, я по инерции зашагал по мягкому ковру, и только пройдя половину просторного кабинета, осознал, что кабинет пуст. Я повернулся, чтобы узнать, в чем дело, и сердце мое остановилось.

В приемной девушка уже успела надеть форменную куртку, и это был китель с адмиральскими эполетами. Черты ее лица неуловимо менялись, становясь определеннее и жестче, и вот уже чеканный профиль не позволял спутать это лицо ни с одним другим лицом на свете. Золотые волны волос уже были собраны в высокую прическу, похожую на морскую раковину. Адмирал! Адмирал!

Что за день! Сердце мое опять начало биться, но с какими-то подпрыгиваниями.

Тем временем Адмирал подошла ко мне и спокойно произнесла:

– Капитан, вольно!

Видимо, в состоянии ступора я автоматически принимаю стойку "смирно". Военная подготовка в Академии на высоте, сбоев не дает.

– С этого момента мы будем много времени проводить вместе. Я вас прошу, когда нет посторонних, не тянуться по стойке "смирно" и вообще забыть о субординации. Меня это очень утомляет, да и вам тяжело будет все время напрягаться. Ведь были времена, когда мы с вами подолгу болтали запросто. – Она лукаво улыбнулась.

"О чем она говорит?" – моему изумлению не было предела. Я первый раз видел ее так близко и никогда раньше с ней не разговаривал.

– Присаживайтесь к столу, выбирайте, где вам удобнее устроиться, – сказала Адмирал и села во главе стандартного Т-образного стола с зигзагообразной столешницей в его длинной части, указав мне на кресла в ближайших изгибах.

– Не возражаете, если я буду называть вас просто Алекс? Или, лучше, Саша? – Она явно давала мне время прийти в себя.

– Алекс, вы получаете два новых назначения. Начнем сегодня с первого и главного: теперь вы входите в состав группы особого назначения, подчиняющейся непосредственно мне. С этой минуты вы поступаете в полное мое распоряжение и отвечаете за все свои действия только передо мной. А я отвечаю за вас и ваши действия. Это назначение не подлежит широкой огласке. И в тех случаях, когда возникнет необходимость подтвердить свой статус и право совершения действий, не вписывающихся в ваши непосредственные должностные обязанности, вы должны представляться, добавляя к своему званию код "А-614-гурвинек-п-лис". Давайте ваше удостоверение, я введу новую кодовую запись.

Я протянул Адмиралу пластину личного удостоверения.

Все это прозвучало странно и как-то нелепо. Ни в Академии, ни за двадцать лет службы в Космофлоте я ни о чем подобном никогда не слышал, а ведь я был как-никак капитаном первого ранга, одиннадцать лет командовал кораблями. С другой стороны... Каждому из нас вживлены спецпроцессоры, и уверен ли я, что знаю их функции все без исключения? Тут я припомнил пару случаев, о которых почему-то никогда до этого момента не вспоминал. Один раз – на моем катере разведки в Патруле, а другой раз – на "Королеве Марии", я, кажется, заставал своих подчиненных в каких-то странных ситуациях. Но я никак не мог вспомнить, кого именно и в каких именно ситуациях. Помню только, что я получил тогда исчерпывающие

объяснения, вот только какие? Так. Похоже, мой новый код – для встроенных процессоров в наших мозгах и для идентификационных машин флота. И, может быть, непонятных мне ситуаций было гораздо больше, а вспомнить я могу только две? В любом случае это означает, что кроме официальной структуры флота и официальной его деятельности есть другие структуры и другая его деятельность. Так, так...

Адмирал вернула мне мое удостоверение.

Я молча ждал продолжения.

Она тоже молчала. Наконец она усмехнулась:

– Что ж, выдержка у вас есть.

– Мэм, я уверен, что вы мне все объясните.

– Со временем вы привыкните называть меня Мелиссой. Но не будем торопить события. Алекс, о чем вы подумали, когда сегодня у вас снимали карту мозга?

– Я подумал, что проводится идентификация личности в связи с особой секретностью информации о расположении Департамента "К". Но когда я увидел вас, я понял, что дело в чем-то другом, – я решил, что вдаваться в тонкости моих соображений и переживаний неуместно. Действительно, зачем идентифицировать личность перед встречей с селфером? Селферы обнаружат подмену надежнее любого теста.

– Да, верно, – сказала Адмирал с такой же интонацией, с какой в детстве мама говорила мне: "Саша хороший мальчик!"

Она набрала на пульте своего стола команду, и над плоскостью встроенного в стол голоэкрана возникла объемная картина мозга, судя по всему, моего.

– Это сегодняшняя карта, – сказала Адмирал, – а вот ваша карта, снятая перед окончанием Академии.

Над столом появилась вторая голограмма. На мой взгляд, они были совершенно одинаковы.

– Я сейчас выделю структуры мозга, отсутствующие у большинства людей, – как-то буднично произнесла Адмирал.

Да, этот день был днем сюрпризов. Наверное, я воспринял слова Адмирала спокойно только потому, что уже истратил сегодня, как я полагал, весь запас своих эмоций.

По сути, она сейчас сообщила мне, что я – тоже селфер. Вернее, могу им стать.

На какое-то мгновение я утратил ощущение реальности. Никогда ни на секунду я не представлял себе, что могу оказаться селфером. Человечество состоит из четырнадцати миллиардов обычных людей и примерно двух тысяч селферов. Есть еще сколько-то тысяч Потенциалов, которые могут превратиться, – а могут и не превратиться, – в селферов. Понятно, что оказаться Потенциалом, а потом – селфером – столь маловероятно, что никто из людей никогда об этом и не мечтает.

Я тупо смотрел перед собой. Наконец я осознал, что смотрю на женщину в адмиральской форме, которая с интересом наблюдает за мной. Я не знал, что сказать и надо ли что-то говорить. И вообще за последние полчаса я как-то вжился в роль бессловесной статуи. Оказалось, что это очень удобно. Защитный рефлекс, выработанный миллиардом лет эволюции, однако.

Мелисса – я решил теперь так про себя называть Адмирала – закурила и после пары затяжек начала показывать дымящейся сигаретой, что именно мне надо увидеть в объемных голографических изображениях.

На карте моего мозга, снятой двадцать лет назад, были отмечены на бледном фоне крупные и мелкие темные зерна, разбросанные по всему объему мозга. В каких-то областях их было больше, где-то – меньше. Одно из крупных зерен, если присмотреться, было окружено темным нимбом.

Мелисса выделила и увеличила эту область, и я понял, что это зерно, как одуванчик, поросло тонкими волосками.

На сегодняшней карте все зерна были крупнее, большинство из них окружали нимбы, а пять штук были похожи на раскрывающиеся колючие бутоны. Когда Мелисса увеличила изображение, я увидел, что эти бутоны соединены между собой небольшим количеством тонких нитей и некоторые из этих нитей выглядят мохнатыми.

Конечно, я понял, что вижу начальные стадии развития второй структуры мозга, которая, встраиваясь в основную структуру, обеспечивает необычайные способности и свойства селферов. Я видел это в учебниках, но никогда не мог предположить, что подобная структура есть и у меня. Я всегда чувствовал себя самым обыкновенным человеком. Никаких особых способностей, кроме разве что технических, у меня не было.

– А это не ошибка? – спросил я осторожно. – Это мои карты?

Мелисса задумчиво рассматривала мою сегодняшнюю карту. Наконец, она сказала:

– Алекс, мы следим за твоей семьей много поколений. Эта мутация по линии твоего отца обнаружена уже больше шести сотен лет назад. До тебя наиболее сильно выраженные признаки были у твоей прапрабабушки Елены, она была отчетливым Потенциалом, но не успела стать селфером. Твою семью и Елену я вела лично. С Еленой мы работали вместе и были друзьями почти двести лет. Ее необратимая смерть была для меня большой потерей.

Мелисса замолчала. Надо же, в семье никто ни о чем не подозревал! Я даже не знал, что бабушка Лена служила в Космофлоте. Она была ксенологом, но умерла, когда я был еще маленьким и не интересовался ее работой.

– Когда ты родился, и я увидела твою карту, то так обрадовалась! У тебя было чрезвычайно много зерен. С первого дня твоей жизни я – твой Ведущий. Теперь пришло время сознательной работы. Стать селфером трудно.

– А быть селфером? – спросил я тихо.

– У нас нет выхода.

В последней фразе слово "нас" относилось и к человечеству, и к селферам, и конкретно к нам с Мелиссой.

На все человечество селферов сейчас было чуть больше двух тысяч, а проблем и забот... В истории Земли образовался некий замкнутый круг. Люди, улучшая условия своего существования, создали в конце второго тысячелетия искусственную среду обитания, которая обеспечила резкое возрастание численности вида *homo sapiens* и выжить без которой несколько миллиардов существ этого вида уже не могли. Но искусственная среда могла существовать только непрерывно развиваясь, что требовало все новых усилий со стороны человечества и новых затрат ресурсов планеты. Выход в космос оказался лишь следующим витком этой гонки, еще более сложным и опасным.

В настоящее время четырнадцать миллиардов человек продолжали осваивать, расселившись по планетоидам и многочисленным космическим базам, Солнечную систему и непрерывно расширяли зону своего присутствия в Галактике. Почти четверть объема Галактики человечество успело уже довольно подробно исследовать и начать использовать в своих интересах. В различных звездных системах уже имелось тридцать шесть планетарных поселений, больше сотни баз и орбитальных станций, а десятки экспедиций каждый год отправлялись за пределы исследованной части пространства. Человечество нуждалось в ресурсах и знаниях и, чтобы добыть их, вынуждено было затрачивать опять-таки все больше и больше ресурсов.

В процессе космической экспансии мы обнаружили девять иных цивилизаций и установили с ними дипломатические, культурные и торговые связи. Мы нашли двадцать две планеты, где вот-вот, в ближайшие миллионы лет, должен был появиться разум.

И всем этим масштабным нашим хозяйством надо было скоординированно и эффективно управлять... А еще были научные исследования во всем диапазоне человеческих знаний и внутренние проблемы человечества... И на все проблемы было всего две с небольшим тысячи селферов и несколько тысяч Потенциалов!

Селферы появились то ли как закономерный, то ли как парадоксальный результат процесса эволюции разумного вида. Наука, порождение разума, стимулировала его дальнейшее развитие и сделала интеллект главным фактором эволюционного отбора. Техногенная цивилизация, плод науки, резко увеличила уровень мутаций у всех видов планеты и, конечно же, у *homo sapiens*. Своеобразные мутации мозга, причем мозга высокоразвитого, привели к появлению нового типа существ, которые были способны сознательно управлять всеми функциями своего организма, перестраивать и строить новые ткани и органы, включая собственно мозг, по планам, вовсе не предусмотренным природой, и при этом все-таки во многом оставались людьми. Ну, а мелочи типа практической неуничтожимости или теоретического бессмертия были только некоторыми следствиями новых способностей: строить свой организм в соответствии с собственным желанием, наращивать память и развивать возможности мозга, создавать внутри себя специальные структуры и без внешних технических средств управлять полями, поддерживать связь на расстоянии многих световых лет, предвидеть будущее или уметь очень точно его прогнозировать...

Если бы не появились селферы, остатки человечества, возможно, еще и сейчас существовали бы в виде дичающих племен со взбесившимся генофондом на разоренной выпотрошенной замусоренной планете. И не было бы никаких надежд на возрождение человечества или на зарождение и развитие иного разума на Земле, лишенной всех ресурсов. Селферы смогли провести человечество по узкому единственно возможному пути между Сциллой и Харибдой войн, эпидемий, энергетических и сырьевых кризисов, перенаселений и опустошений и вывести в Космос.

А для селферов человечество было источником – и до последнего времени единственным – появления новых селферов. Долгое время попытки селферов размножаться обычным путем ни к чему не приводили. Обычные женщины от селферов-отцов рождали обычных людей, и изредка – Потенциалов. А женщины-селферы... Поле будущей матери-селфера, которое она не могла контролировать во сне, разрушало несформировавшийся мозг плода, и он погибал. Попытки выращивать зародыши селферов вне тела матери в лучшем случае приводили к появлению таких же Потенциалов, каким оказался и я, без всякой гарантии, что они сумеют стать настоящими селферами. У Мелиссы, Первого селфера, ее единственная дочь Катрин, она же Шемаханская Царица, родилась – это написано в школьных учебниках, – когда Мелисса была только Потенциалом и даже еще не подозревала о своей мутации. Отец Катрин был обычным человеком. Катрин родилась Потенциалом, унаследовав мутацию матери. Другие два Первых селфера – Майкл и Борис – были друзьями Мелиссы. Это редкостная случайность и большая удача для человечества, что сразу четыре Потенциала появились примерно в одно время и в одном месте, да еще и были знакомы друг с другом: они учились в одном университете, хотя и в разное время, и все они были физиками и работали в смежных областях науки.

Обнаружение и превращение Потенциалов в полноценных селферов было делом трудоемким и сложным, которое далеко не всегда завершалось успехом. Поэтому селферы не оставляли попытки получить свое потомство в виде не обычного человека или Потенциала, а настоящего селфера, пусть еще совсем не зрелого, но чей мозг уже при рождении содержал бы не просто зерна второй структуры, а настоящую сеть, хотя бы и не вполне развитую.

Проблема заключалась в том, что мозг каждого селфера очень индивидуален и генерирует поле, характеристики которого весьма сильно отличаются от характеристик полей других селферов. Конечно, на какое-то время селфер может перенастроить свой мозг в определенных пределах и установить связь с другим селфером, но полный резонанс практически недостижим, да и даже недолгий сеанс связи требует значительных усилий.

Принципиальное решение проблемы было найдено давно: поле спящей будущей матери должно компенсироваться суперпозицией полей сразу нескольких селферов. Но практическая реализация затруднялась сложностью подбора группы с полями, подходящими для эффектив-

ной компенсации. Кроме того, в группе должно было быть довольно значительное число селферов. Создание такой группы означало, что девять месяцев десятки селферов, специально подобранных для конкретного случая, будут заняты только одной проблемой – появлением на свет нового селфера, а их обязанности на это время должны взять на себя другие. Проблемы человечества такой возможности почти не давали.

Вот почему Мелисса должна была сделать все возможное, чтобы вырастить из меня селфера.

Я понял, что селфера из меня растили с момента моего рождения и что многое в моей жизни было совсем не случайным: смена школ и учителей, назначения на разные корабли и быстрое продвижение по службе...

Пока я пытался привыкнуть к мысли, что я – зигзаг природы, Мелисса достала из шкафчика за деревянной панелью бутылку из темно-синего стекла, два бокала и большое блюдо с пирожками.

– Алекс, давай отметим твой новый статус. – Она налила в бокалы густое вино. – За то, чтобы ты стал селфером!

Мы чокнулись и выпили. Это было не вино. Напиток имел запах апельсина, а по вкусу напоминал молоко.

– Что это за вино? Я такого никогда не пробовал.

– Конечно, потому что это не вино. Ты знаешь, что никто не может сделать из тебя селфера, кроме тебя самого, но процессу можно помочь. Эта жидкость содержит вещества, которые стимулируют развитие мозга, его второй структуры. Кстати, ты знаешь, что эти зернышки второй структуры – в некотором роде функциональные аналоги коры головного мозга? И такая структура не новое явление в природе. Например, мозг птиц устроен похожим образом.

"Боже, какая умница моя мама! – подумал я – Не зря она говорила, что разумным видом на Земле могли стать птицы!"

– Так что информация о второй структуре, – продолжала Мелисса, – содержится в определенной группе "молчащих" генов человека, и время от времени зачатки подобных структур в мозгу у людей проявлялись. Но чтобы развиваться, этим зачаткам необходима высокоорганизованная основная структура мозга.

Мелисса затянулась очередной сигаретой, а я активно закусывал "вино" пирожками, поскольку завтракал довольно давно, да и душевные волнения, как известно, возбуждают аппетит. Пирожки были изумительные: домашние, еще теплые, с мясом, с капустой и с вареньем. Не могу сказать, какие вкуснее. Неужели Адмирал сама печет пирожки? Поскольку Мелисса взяла всего один, я старался за двоих. В конце концов, не оставлять же их черстветь!

Мы выпили еще по бокалу за моих предков, не давших мутации исчезнуть. Мелисса продолжала:

– Вот "особые селферы". Они появились гораздо раньше нас, в другое время и в другой культуре. Вторая структура у них развита, но имеет иную конфигурацию: зерна соединены не в единую сеть, а в кольцевые структуры, не связанные между собой. Мы с ними плохо понимаем друг друга, у них действуют другие механизмы обработки информации, у них другая логика, какие-то другие смыслы существования. Они не идентифицируют себя ни с людьми, ни с нами. Даже между собой они практически не общаются...

В этот момент на комп Адмирала пришел вызов. Она включила только звук.

– Мам, так что, оказывается, я не лечу? – услышался возбужденный голос.

"Это же Шемаханская Царица! Господи, никогда не думал, что попаду в такую компанию! И, похоже, теперь навсегда. Надо потихоньку привыкать".

– Киса, я просто не успела тебе объяснить. Тебе пришлось так срочно нас покинуть...

– Мама, но ты же видела, меня вызвали в Риву! Могла бы скинуть вопросы по Альбине и Альбе на меня или на комп флаера!

– Кисонька, но ты же понимаешь, узнала бы ты чуть раньше или чуть позже, все равно никуда не деться. Посмотри внимательнее страницы 58 и 59 протокола. Без тебя не справиться. Кроме того, а кто Сэму поможет?

– Ну почему опять я?! Я хочу полететь! Имею я право отдохнуть и поучаствовать? А Сэм и сам должен, это его дело! А по Альбине с Альбой Ирина все организует! И Рита ей поможет! Успеют и без меня! В конце концов, если бы все вскрылось раньше, я бы уже все проблемы сняла! Если надо, то с головами!!

– Киса, ты же понимаешь, у Ирины с Ритой нет твоего опыта. Пусть они работают с тобой и учатся. Нам улететь через две недели. Транспорты за это время точно не отправить. Хорошо, если ты справишься недели за три. Ты понимаешь, что месяц – недопустимо много, на базах и так тяжело будет. Слава богу, суперкарго "Патрика" оказался таким внимательным! Представь себе, какая была бы катастрофа!.. А Сэм, конечно, виноват, сам вляпался и нас всех вляпал. Но ему надо помочь.

Похоже, развивался небольшой скандал в семействе Первых селферов. Вот уж не думал... Тем временем Мелисса включила полную связь с защитой, и я оказался предоставлен сам себе.

"Так, значит, Шемаханская Царица хочет куда-то вместе со всеми, видимо, селферами, лететь и поучаствовать в чем-то, а ее мать, то есть, Адмирал, ее не берет на мероприятие, выдвигая в качестве причины внезапно возникшие проблемы. Интересно, почему? И что за мероприятие? А кто такой Сэм, который вляпался? И во что? С Альбиной и Альбой, скорее всего, понятно: срыв поставок, без которых обе базы погибнут". При этой мысли мне стало как-то нехорошо.

И тут я почему-то ясно вспомнил разлетевшиеся в приемной листы, которые поднимал с пола. Рукописный текст – экзотика, и его читать трудно, особенно вверх ногами, да я тогда и не пытался читать. Просто сейчас эти листы стояли у меня перед глазами, и я мысленно пробовал разглядеть их получше. Что-то в них было такое, из-за чего они мне вспомнились именно сейчас. Вообще-то бумага и рукописные тексты являются наиболее надежным хранилищем секретов. В компе секрет хорошо не спрячешь, а в том, что селферам есть что прятать, я уверен. По крайней мере, от глупости людской.

Как я мысленно ни пытался перевернуть в нормальное положение текст, как ни вглядывался мысленно в мелкий почерк, разобрать написанное не смог. Но! На трех листах встречались одинаковые красивые закорючки, более крупные, чем другие буквы. Похоже, это были заглавные буквы "А". С заглавных букв "А" на разных листах начинались слова различной длины. На одном листе – очень длинные слова. Может, "Атананариву"? Уже хорошо, в масть. Поскольку это столица Мадагаскара, финансовая Мекка Земли, где находится Министерство Шемаханской Царицы. Атананариву все называют, конечно, "Рива". Туда-то Катрин и вызвали с какого-то совещания, где без нее всплыла история с транспортом на Альбину и Альбу.

Я хорошо себе представлял, о какой катастрофе, судя по всему, шла речь. Дело в том, что обе огромные базы существуют на полном внешнем обеспечении, кроме воздуха, воды и энергии, конечно. Снабжение осуществляется регулярными рейсами, задержка которых грозит базам если не гибелью, то переходом в консервационный режим ожидания, смотря на сколько задержка. В любом случае перебои в снабжении оборачиваются массой потерь и проблем. Расписание рейсов транспортов составлено таким образом, чтобы периоды подготовки грузов и загрузка транспортов на Альбину и Альбу не совпадали, поскольку работы эти очень объемные и организационно весьма сложные. Но в этот раз, как я знал, в результате мелких неприятных случайностей "Виктор Синицын", транспорт Альбины, опоздал, и они с "Патриком Роузом", транспортом Альбы, встали в доки на профилактику и под погрузку практически одновременно. Чтобы не перекрывать грузовые потоки и максимально полно использовать резервы,

"Виктора" поставили поближе, в Лунный Док, а "Патрика" – в Большой Док, который движется, как планета, по корректируемой околосолнечной орбите, чуть дальше от Солнца, чем Земля.

Из услышанного разговора следовало, что дня три тому назад суперкарго "Патрика" обнаружил в своих трюмах грузы, предназначенные для Альбины, и нехватку грузов, предназначенных для Альбы. Случайно перепутать маркировки и накладные еще на Земном терминале или на Лунных складах, полагаю, было проще простого, тем более в состоянии аврала, поскольку "Виктор" сильно опаздывал. Я давно обращал внимание на то, что система маркировки грузов начальными буквами названий планет назначения чревата. Особенно в данном случае: и Альбина – "Alb...", и Альба – "Alb...". Хорошо, что "Виктор" еще не успел уйти! Учитывая, что база на Альбе – военная, а на Альбине – биологическая научно-исследовательская, народу на Альбине пришлось бы туго без своих специфических грузов.

Понятно, что авральная перезагрузка кораблей будет напоминать пожар в сумасшедшем доме в момент землетрясения. И понятно, почему в этом случае не обойтись без Шемаханской Царицы с ее уникальными мозгами селфера-математика и опытом финансиста-экономиста, управляющего потоками ресурсов человечества не одну сотню лет.

Но при чем здесь припомнившиеся мне листы на полу в предбаннике? С Ривой уже понятно. На других двух листах слова с буквой "А" покороче означают, наверное, "Альба", а подлиннее – "Альбина". Ну и что? А, там стояли даты! Букв в названии месяца было совсем мало... Май! А сейчас – заканчивается июнь! Так, так, так... Похоже, что Адмирал была в курсе проблем с "Виктором" и "Патриком" еще в мае, когда погрузка только начиналась. И спокойно молчала? Ставя под удар судьбу Альбины? Не может быть! А если вся история организована и аккуратно рассчитана ею самой? Тогда, конечно, никакой угрозы нет, но видимость грядущей катастрофы – полная. Но зачем? Только чтобы не пустить родную дочку на какое-то выездное мероприятие? Что же это должно быть за мероприятие, чтобы уж даже селфера не пускать??? Как, однако, мамочка доченьку вокруг пальца обводит? А? Вот тебе и финансовые мозги. А мамочка хороша!

Тут мамочка-Адмирал завершила беседу с дитем. Похоже, все получилось. Не важно, что дитю почти полторы тысячи лет. Мать все равно старше и опытнее.

– Ну, – сказала Мелисса умиротворенно, – еще по бокалу?

Я набрался наглости и рискнул:

– За удачно завершённую операцию!

– Ха! Неплохо! Я никогда в тебе не сомневалась! С тобой будет приятно работать.

Мы выпили.

Я обнаглел окончательно и спросил:

– Мэм, а почему вы разговаривали с дочерью по обычной связи?

– Алекс, ты сюда прилетел на флаере?

– Да.

– А почему не на "Джо"?..

– ...

– И вообще, мы так ленивы. Мы все – сибариты, эпикурейцы и даже где-то гедонисты, – она помолчала, – а приходится все время вытирать человечеству соплю, не гнойные, так кровавые! А теперь – не только человечеству, ...! Это утомляет.

Мы молча потягивали "вино".

– Мэм, а почему вы сказали, будто мы с вами давно хорошо знакомы? Я видел вас только в Академии, на смотрах и на экзаменах.

Она улыбнулась:

– Ты был мой любимый ученик.

Адмирал пригладила волосы, на лице ее обозначились высокие скулы, на носу появилась небольшая горбинка. На меня смотрела мадам Ванесса. Она усмехнулась:

– Я ведь уже сказала, что стала твоим Ведущим сразу после твоего рождения.

Тут в моей душе зашевелились страшные опасения, и я осторожненько спросил:

– А кем еще вы были в моей жизни?

– Ну, видишь ли, я все-таки – Адмирал, да и других дел у меня хватает, не только в Космофлоте. Больше времени ни на какую роль для тебя я найти не смогла. Но я все время наблюдала за тобой. И очень пристально.

Надеюсь, я не покраснел. Интересно, она в курсе всего-всего?

Она продолжала:

– Должна сказать, что до сих пор ты оправдывал все мои ожидания. Ты молодец. Ну, кое-что заставляло меня улыбнуться. Но стыдно за тебя не было никогда.

"Интересно, а знает ли она про Барракуду? Наверняка знает. А про альфьюрит?"

Ее лицо вновь приобрело черты Мелиссы. Но рука, в которой она держала сигарету, вдруг начала отчетливо зеленеть, кожа загубела и потрескалась, изящные пальцы удлинились, утолщились и искривились, длинные ногти превратились в загнутые треугольные когти, зеленая кожа потемнела и покрылась сероватым налетом.

"Игуанодон, нижний мел", – сообразил я и решил посмотреть, что будет дальше. Надо сказать, что эта огромная лапа с остатками серебристого лака на когтях и сигаретой между "пальцами" выглядела омерзительно. Своеобразный у селфферов юмор, однако.

Мелисса смотрела на меня. Я молчал. Зелень на коже начала подниматься выше, к локтю.

– А можно потрогать? – спросил я с интересом, протягивая через стол руку. – Всегда хотел узнать, каков *Iguanodon bernicisatensis* на ощупь.

Мелисса рассмеялась.

– Ах да! Я и забыла. Ведь твоим первым увлечением, еще в самом нежном возрасте, была палеонтология!

Действительно, мое раннее детство прошло в окружении странных животных. Поскольку мой отец – археолог, а мама – биолог, естественным пересечением их интересов была палеонтология. Да и познакомились они на раскопках очередного кладбища динозавров в Южной Сибири, на границе зоны вечной мерзлоты. Помню, года в два-три моим любимым развлечением было разглядывание картинок в монографиях с реконструкциями обликов вымерших животных по их окаменелым костям. А в детской с большим потолочным голоэкраном я играл среди жутких тварей палеозоя и мезозоя. Они бродили по моей комнате, жили своей жизнью, издавали странные душераздирающие звуки, сражались и пожирали друг друга. В этих голофильмах были и постоянные персонажи, среди которых у меня имелись свои любимцы. На одном симпатичном маленьком стегозавре, которого я называл "коник", мне очень хотелось покататься, и я не понимал, почему я никак не могу на него залезть. Других животных, которые мне сильно не нравились, я все время пытался потоптать ногами и, поскольку это не удавалось, очень сердился. Иногда я засыпал на теплом полу детской, а надо мной с хрустом и трубным ревом продолжали бродить какие-нибудь бестелесные диплодоки. Когда к моим родителям приходили друзья, они постоянно возмущенно удивлялись, как это малютке позволяют играть в такие страшные жестокие фильмы, а папа посмеивался:

– Ребенок должен знать жизнь!

Тем временем лапа игуанодона побледнела и сморщилась, и Мелисса сняла со своей руки, как перчатку, сухую тонкую пленку и выбросила ее в камеру мусоросжигателя за настенной панелью.

– Мэм, – решился я задать вопрос, – а в бронтозавра вы можете превратиться?

– В моей локальной базе данных, – она показала на свой лоб, – записи бронтозавра нет, но я могу скачать по Сети. Это будет самый настоящий бронтозавр и для самих бронтозавров, и для любого, у кого нет под рукой необходимой аппаратуры, чтобы обнаружить внутри него мой мозг. Но ты представь, сколько я должна съесть, чтобы набрать необходимые тридцать

тонн? А потом? Потом их надо будет куда-то деть... Так что без крайней необходимости... Вот, правда, на Саракосте, помню, быть ящером мне, в общем-то, понравилось. Они там похожи больше всего на наших *Tarbosaurus bataar*, знаешь, на тех, из верхнего мела.

Я кивнул. "Как же, как же, знаю, знаю". Тарбозавры в голофильмах мне не нравились как никто другой, но топтать и даже просто пинать их ногами я как-то не осмеливался, уж слишком они были громадные и злобные.

– Вообще-то, – продолжала Адмирал, – теоретически верхнего предела массы нет, но при больших массах и объемах встает проблема управления, – я имею в виду масштабы уже космические. А вот нижний предел масс и габаритов, конечно, существует. Ну не смогу я превратиться в мышку! Или даже в кошку. Алекс, а что мы все сидим за столом? Давай переберемся на веранду.

Она подошла к большому окну, до сих пор закрытому длинными желтыми шелковыми шторами, и оказалось, что это не окно, а стеклянная дверь, за которой была веранда с такими же желтыми шторами и дверью, выходящей на крыльцо. Мы вышли на веранду, где стоял массивный диван, такие же массивные кресла и тяжелый деревянный столик.

– Ты располагайся, а я сейчас, пожалуй, сделаю нам кофе, – сказала Мелисса.

Я вышел на крыльцо. Вид на озеро почти полностью был закрыт лесом, спускающимся к берегу. Прямо напротив крыльца, по другую сторону дорожки из гранитных плит, росла огромная голубая ель. Нижние ветки подсохли, и землю под ними устилал ковер из прошлогодних иголок. Правее ели от дорожки ответвлялась гранитная лестница, спускающаяся к озеру. По сторонам лестницы росли невысокие кусты с белыми соцветиями. На солнце над кустами висели стрекозы, время от времени мгновенно меняющие свою позицию и вновь зависающие над цветками почти неподвижно. Трепещущие прозрачные крылья были почти не видны и только окружали радужным ореолом длинные сегментированные тела. Огромные шарообразные глаза и слегка поджатые суставчатые лапки были точно такими же, как и у *Meganeura*, чудовищной стрекозы палеозойской эры, когда природа была больна гигантизмом, но только сегодняшние стрекозы были в десятки раз меньше. Как хорошо, что за сотни миллионов лет они так измельчали! И как хорошо, что нас в палеозое еще не было!

На солнце набежала тучка, пейзаж сразу потерял свою праздничность, и тут-то я этот пейзаж и узнал. Узнал голубую ель. Узнал лестницу к озеру. Узнал стрекоз. Я знал, что находится за углом веранды, и знал, что будет дальше в ближайшие две минуты. Я слишком часто видел эту картину во сне. Вернее, на грани яви и сна. Но все ли со мной в порядке? Не схожу ли я с ума? Может, это мне все кажется?

– Мэм! – позвал я Мелиссу.

– Мэм, – повторил я, когда она вышла на крыльцо, – пожалуйста, посмотрите: там, за углом веранды, под цветами львиного зева, должен ползти большой жук с рогами, похожими на олени. Сейчас он встретится с другим таким же жуком, и они сцепятся своими рогами. Пожалуйста, проверьте.

Мелисса спустилась с крыльца и завернула за угол.

– Да, – сказала она, возвращаясь, – жуки там. Можешь посмотреть сам.

Я посмотрел. Все было точно так, как во сне.

– А сейчас, мэм, когда эта тучка откроет солнце и через двадцать секунд на него наплывет другая, вот здесь, в просвете над лестницей, мы увидим на озере две лодки-восьмерки с женскими командами. Все девушки будут в синей форме с белой полосой. И мы увидим, как вторая лодка обгонит первую.

Все так и случилось. Я объяснил, стараясь говорить спокойно, что много раз видел эту картину во сне.

– Да, типичная проскопия. А что еще ты видел? – спросила Мелисса заинтересованно.

"По крайней мере, я не сошел с ума".

Мы вернулись в кабинет.

– Мэм, я вижу много разных картин, но не понимаю того, что вижу. Не могу описать объекты, которые вижу, потому что для них я не подберу названий. И я не понимаю смысла происходящего. Да и сегодняшнюю картину я считал только навязчивым сном, просто почему-то очень ярким и отчетливым.

– А то, что ты видишь, тебе не кажется ужасным? Или катастрофичным? Устрашающим? – Мелисса настойчиво продолжала меня расспрашивать.

– Нет, все картины выглядят довольно буднично, просто я не понимаю, что именно я вижу, мне все совершенно не знакомо.

Мелисса кивнула, как мне показалось, успокоено.

– Пожалуй, могу вспомнить только две картины, которые мне более-менее понятны, хотя ничего подобного я в жизни не видел, – продолжил я. – Я часто вижу какой-то зал, большой и высокий, – я закрыл глаза и сосредоточился, – со сводчатым потолком и узкими стрельчатыми окнами от пола почти до самого потолка. За окнами угадывается парк с высокими деревьями с густой листвой, сквозь которую пробиваются яркие лучи солнца. Кое-где в окнах вставлены цветные витражи, и, когда на них попадают солнечные лучи, по залу, довольно сумрачному, бегают цветные зайчики. В зале стоят столы с наклонными столешницами. Я смотрю на зал сверху, с галереи или с балкона, и вижу внизу людей. Они ходят по залу или сидят за столами и листают большие фолианты. Мне кажется, что это – библиотека, хотя таких библиотек я никогда не видел ни в жизни, ни в фильмах. Я просто стою и смотрю, ничего особенного не происходит.

– Ты ведь никогда не был на Тароосе...

– Нет, мэм, это совсем не похоже на Тароос. По крайней мере, на то, что я видел в съемках.

– С другой стороны, не столь уж многое из съемок мы и показываем... Ну, хорошо. А что еще ты видел более-менее понятное?

– Еще очень часто вижу, как я медленно спускаюсь, возможно, на посадочном модуле, на остров, который виден мне через очень широкий иллюминатор. Или, может, иллюминатора и модуля вообще нет? А я спускаюсь на антиграве? Остров небольшой, почти круглый, весь поросший темно-зеленым лесом, над которым кое-где возвышаются ослепительно-белые купола. Лес необычный. Много деревьев с большими листьями вроде пальм или папоротников. Заросли подходят к самой воде, и линии берега не видно. Море выглядит темно-синим, но у острова оно светлее, почти бирюзовое. Солнце скрыто слоем облаков. Весь горизонт затянут туманной дымкой, и невозможно разглядеть, где кончается вода, а где начинается небо. Общее ощущение какое-то тревожное. Все это совсем не похоже на Землю, я ведь над Землей полетал достаточно, чтобы не перепутать.

Мелисса задумчиво помолчала.

– На Саракосту, пожалуй, тоже не похоже, – сказала она, – даже если забыть про купола.

– Мэм, все остальное я просто не смогу описать...

Тут опять раздался вызов по связи, и Мелисса сразу поставила полную защиту.

Я расслабился и попытался привести в порядок свои мысли.

Да, этот день был для меня богат на открытия. Я узнал так много всего и сразу... И не все открытия мне были приятны. Я осознавал, что прошлая моя жизнь закончилась, но чтобы к этому привыкнуть, мне нужно было время.

Мне захотелось встать и пройтись.

На стене кабинета я увидел рамку голоэкрана. Я подошел и тронул панель управления. Это оказалась закольцованная съемка двух женщин – Мелиссы и ее дочери. Они стояли на скалистом берегу моря у парапета из белого мрамора. Очень красивые женщины. Конечно, в нашем мире, когда каждый может с помощью косметологов изменить свою внешность в очень

широких пределах, красотой удивить трудно. Но их красота была особенной. Пожалуй, главным были не черты их лиц, а внутренняя гармония этих черт.

Но какими же разными они были! Трудно было поверить, что это – мать и дочь. Мелисса казалась нежной и светлой, несмотря на твердый взгляд серых глаз. Ее дочь, темноглазая и смуглая, с удлинённым овалом аристократического лица, выглядела более утонченной и загадочной. Женщины стояли, обнявшись, и улыбались. Ветер развевал и переплетал соломенные пряди с прядями каштановыми. Закольцовка была выполнена идеально: казалось, они вечно стоят на высоком морском берегу и радостно улыбаются ветру и солнцу.

Мне захотелось посмотреть и другие съемки. Я включил следующий сюжет, но едва на экране появился заснеженный лес, как я услышал, что Мелисса закончила разговор и выключила связь. Я отключил экран и вернулся к столу.

Но продолжить разговор нам не пришлось.

На этот раз Мелиссу вызвал человек с очень темной кожей. Не узнать его было невозможно. Это был Сэм Ричардсон, постоянный глава Администрации Президента. Сэм был негром, что было большой редкостью среди селферов. Он был очень старым селфером, из тех, кто стали Потенциалами еще до Эпохи Глобальных Эпидемий. Эти эпидемии почти полностью уничтожили все расы, кроме белой. Среди случайно уцелевших монголоидов и негроидов не оказалось ни одного, кроме Сэма, носителя мутации, определяющей наличие второй структуры мозга. Из сравнительно молодых селферов десятка три были метисами, унаследовавшими необходимые гены от белого отца или белой матери, и только один из них получил свои особые гены от Сэма. Да и среди всего населения Земли негров и азиатов сейчас было совсем немного, несмотря на все программы возрождения рас. Уж слишком обеднел их генофонд. Несколько больше было метисов, но и они имели совсем небольшую часть генов погибших рас.

В учебниках истории утверждается, что точно так и не удалось установить, была это расовая война или же глобальные эпидемии XXII века являлись результатом естественного процесса образования новых штаммов вирусов в их природных анклавах в перенаселенных регионах Юго-Восточной Азии и Африки?

В конце XXII века из 26 миллиардов жителей Земли более 22 рождалось, размножалось и умирало именно в Африке и Юго-Восточной Азии, в регионах, не способных даже просто прокормить обитающие там народы. Ни о каком развитии речь уже не шла. Рост населения, обреченного на чудовищные условия существования и быструю смерть от голода, болезней и войн, постоянно продолжался. Война за выживание шла не только между людьми, но и между людьми и природой. Все, что растет и движется, воспринималось местным населением только с точки зрения способности утолять голод. Спасение последних экземпляров уникальных животных и транспортировка их в Австралию превратились в кровавую военную кампанию.

Страны остальных регионов, страдающие, скорее, от сокращения численности населения, тем не менее, давно и прочно закрыли свои границы от потока искателей сытой жизни, поскольку искатели эти, проникнув в развитые страны и обретя спокойную жизнь в достатке, к местному населению никакой благодарности не испытывали. Наоборот. Полтора века террора заставили даже самых стойких гуманистов признать, что гуманитарная помощь, попытки развития местной экономики, осуществление культурных, медицинских и общеобразовательных программ приводят всегда только к одному-единственному результату: дальнейшему росту населения со всеми сопутствующими прелестями жизни. Воззвания к разуму наталкивались на специфический менталитет, местные традиции и повальную неграмотность. Не помогли и добавки в продукты гуманитарной помощи контрацептивов. Все усилия четырех миллиардов разумного человечества словно проваливались в бездонную, все расширяющуюся прорву. В какой-то момент было принято решение предоставить "раковые опухоли" планеты их собственной судьбе.

Правительства некоторых стран перенаселенных регионов делали попытки ограничить рождаемость и уменьшить свое население всевозможными средствами, сначала мягкими, потом жесткими, затем путем "Непопулярных Мер" и даже "Тяжелых Решений". Результатами этих попыток были свержения правительств, жестокие акции против работников международных организаций, локальные конфликты и гражданские войны. А численность населения упорно росла. Настал момент, когда остальному миру пришлось активно защищаться, уничтожая рвущиеся через границы многотысячные толпы готовых на все голодных людей, сбивая допотопные перегруженные самолеты и топя морские транспорты, набитые истощенными людьми.

Именно в это время разразилась первая расовая эпидемия. В дельте реки Меконг появился вирус, поражающий только организмы людей с определенной комбинацией генов, характерной для монголоидов и части метисов, получивших от родителей именно данную комбинацию. Эта болезнь убивала практически сто процентов инфицированных. Чрезвычайно высокая скорость распространения определялась тем, что больной человек первые дни чувствовал себя практически здоровым, был активен и успевал заразить всех, с кем вступал в контакт. Агония была неожиданной и стремительной. Внешне здоровые люди внезапно падали на землю и через несколько минут переставали дышать. В привычной к болезням и смертям Азии на новую болезнь обратили внимание только тогда, когда целые города оказались завалены разлагающимися на жаре трупами, среди которых бродили редкие выжившие, почти обезумевшие люди. Ужас усугублялся тем, что все бегущие из обезлюдивших селений сами являлись вирусносителями и разносили инфекцию все дальше и дальше. О том, что вирус поражает исключительно представителей монголоидной расы, стало понятно, когда болезнь как-то проникла через заблокированные границы на территорию России, в Европу, в Австралию и в Северную Америку. К моменту, когда Бенджамину Смиту удалось найти вакцину против этого вируса, названного "Смерть Азии", на земном шаре осталось менее одного процента представителей желтой расы.

Еще не прошел шок от страшной картины опустошения Азии и миллионов смертей в остальном мире, как обнаружили города мертвых в Родезии. На этот раз вирус, "Родезийская лихорадка", поражал исключительно людей, имеющих участки ДНК, характерные для негроидов. Все в той же лаборатории Бенджамина Смита вакцина была создана сравнительно быстро, но об Африке речь уже не шла, поскольку населению обеих Америк, на три четверти состоящему из негров и мулатов, ее требовалось огромное количество. Несмотря на помощь Европы и России в производстве вакцины, успели спасти очень немногих.

Когда подкатила третья волна эпидемии, уже не расовой, а этнической, поражающей население арабского мира, Ближний Восток решил, что эпидемии – дело рук белых расистов из Северной Америки, и послал на этот континент четырнадцать Больших Бомб. А заодно и восемь Больших Бомб на территорию Европы. Восемнадцать ракет с бомбами удалось уничтожить в полете, что тоже было совсем небезобидно для планеты, но три ракеты попали в цель на территории Америки, и одна – в Европе. После этой бомбардировки миру было не до спасения арабов, тем более что одна из ракет поразила цель в небольшом городке Голд Лейк Сити в штате Северная Дакота, где в это время в лаборатории Бенджамина Смита проходил экстренный международный съезд вирусологов...

В общем, когда эпидемии закончились, на Земле осталось менее трех миллиардов человек, и среди них – очень мало представителей рас, которые теперь называют "малые расы". А в чем была причина эпидемий – в бунте ли природы, в нечеловечески ли злом деянии людей, – точно установить так и не удалось.

Вот почему среди селферов представителей малых рас чрезвычайно мало. И Сэм – самый известный из них.

Тем временем Сэм устало говорил:

– Мелисса, пойми, этот идиот просто вышел из-под контроля. Он заявил, что лично решит возникшую проблему и не даст произойти катастрофе. Он назначил на среду экстренное заседание Всемирного Совета и собирается там выступать. А прямо сегодня он хочет дать интервью во Всемирных Новостях, чтобы, по его словам, "оповестить человечество об угрозе, нависшей над базой на Альбине, с целью сплотить его перед лицом огромной беды и возглавить всеобщую борьбу за ее предотвращение". Что мне делать? Он на увещания не поддается и рвется выступать, решать и управлять.

– Нам с этим всепланетно-избранным мучиться еще одну тысячу триста девяносто восемь дней. Деть мы его никуда не можем, поскольку при нас Президенты никуда не деваются. Поэтому я не просто разрешаю, а настойчиво тебе рекомендую объяснить Гарри все открытым текстом...

По традиции все избираемые должности занимали обычные люди, причем сроки пребывания на всех постах равнялись четырем годам. Селферы же оставались в тени, на вторых и третьих ролях, причем ролях постоянных. Когда я вернулся из рейса и увидел и услышал в Новостях свежее избранного красавчика Президента, мне сразу показалось, что он – не самый удачный вариант всенародного избранника.

– ...Во-первых, – продолжала Мелисса, – ты извинишься перед Гарри за то, что ты из-за личного недосмотра допустил его избрание на столь высокий пост. Во-вторых, доведешь до сведения Гарри, что ему не положено ничего решать, поскольку на Земле все решают совсем другие. В-третьих, объяснишь Президенту, что его святая и единственная обязанность – сохранять лицо перед человечеством, что бы ни случилось, и уверенно произносить те и только те слова, которые ты ему продиктуешь.

– Лисса, я его хорошо изучил, после таких слов он патетически воскликнет: "Выходит, я простая марионетка?" – и ударится в истерику.

– Тогда ты ему скажешь: "Да, ты простая марионетка, но это твоя работа, и, если будешь слушаться и хорошо выполнять свою работу, наша благодарность будет безгранична, конечно, в разумных пределах".

– Это все хорошо. Но ты пойми, он о себе уже возомнил. На какие меры я могу пойти, если он закусит удила?

– Знаешь, мне кажется, – задумчиво произнесла Мелисса, – что его жена – очень разумная женщина...

– Понимаю.

– И еще. Ты же его изучал очень тщательно. Чего он боится? На подсознательном уровне? Сэм подумал.

– Он из Флориды. Там много земноводных. – Сэм помолчал. – И еще он боится Катрин, это точно.

– Ну, все понятно! Видно, он уже успел достать Кису, и она показала ему аллигатора. Или каймана. Если ее разозлить, это у нее получается почти автоматически. Так что у тебя проблем нет. Если он заартачится, пригрози вызвать Кису.

Я представил себе, как прелестное тонкое лицо Шемаханской Царицы искажается яростью и стремительно тянется к Президенту мордой каймана. Да... Мне стало даже жалко Гарри. С другой стороны, ежели у него не хватало ума понять правила игры...

И большое спасибо Мелиссе за то, что она показала мне только игуанодонову лапку. Даже учитывая мое детское увлечение палеонтологией, я мог бы опозориться просто от неожиданности.

Моя мудрая мама нередко мне повторяла, что женская внешность очень обманчива. Как часто, оказывается, она бывала права! Надо бы напрячься и вспомнить, что еще она пыталась до меня донести, а я по глупости своей пропускал мимо ушей...

– Но ведь Катрин, – не успокаивался Сэм, – вместе с вами улетает через две недели, а я остаюсь один и с транспортом, и с Гарри!

– Не расстраивайся. У меня для тебя есть хорошая новость: Киса остается. И транспорты полностью берет на себя.

– Боже! Какое счастье! Как тебе это удалось?

– Ну, тебе лучше не знать.

– Мелисса, спасибо! Спасибо за помощь. В ситуации с Гарри виноват только я. Я недооценил воздействие его внешности на женщин, особенно на женщин-универсалов. И то, что сейчас многие специалисты далеко от Земли. Казалось бы, такие очевидные факторы. Наверное, я старею.

– Ну, в конце концов, это – первый твой прокол за шестьсот сорок лет.

– Второй.

– Я понимаю, что ты не можешь забыть Маргариту, хотя прошло уже столько времени. Но это был совсем другой случай. Ведь Маргарита безукоризненно отработала два срока и только потом решила, что в награду мы должны сделать ее селфером. Что ты мог изменить? Она так и не захотела понять, что селфером можно только СТАТЬ. Не бери ответственность за ее необратимую смерть на себя, она так решила, и ты не мог ей помешать. Марго была максималистка и жила по принципу "все – или ничего". Кому, как не тебе, это знать?

– Я же не просто ее изучал, я ее любил и должен был предвидеть.

– Нет, никто этого не смог бы предотвратить. Не вини себя.

– Но с Гарри я точно подложил всем свинью, и только сейчас понимаю, какого размера. Простите меня.

– О чем ты говоришь? Бог с ним, с Гарри. Не верю, что ты всерьез опасаясь с ним не справиться. Я думаю, что тебя выбила из колеи эта мелкая неприятность только потому, что тысячу лет ты все делал безошибочно и слишком привык к своей непогрешимости. И потом, вспомни, кто спас и меня, и Кису, и Бориса с Майклом, и вообще все человечество? Мир существует благодаря тебе...

Тут я, наконец, обратил внимание на одну странность: изображение Сэма в голокубе едва заметно мерцало. Такое мерцание означало, что включена акустическая защита. А я все слышал. Вот так фокус! Видимо, при этой мысли я дернулся. Мелисса бросила на меня взгляд и включила полную защиту связи.

"Так, похоже, молочно-апельсиновое "вино" из синей бутылки действует". Я прислушался к своим ощущениям в голове. Нет, ничего особенного. Интересно, а способность слышать через акустозащиту теперь у меня останется навсегда, или это только на время действия "вина"? Я вспомнил, как пытался мысленно по памяти разглядывать листы, которые мельком видел, когда собирал их с пола в приемной, и решил, что это тоже результат действия "вина". Но технические способности и то, что Мелисса назвала проскопией, у меня были и раньше. Интересно, как "вино" повлияет на них? Тут я сообразил, что ближайшие годы, а может, и десятилетия, мне предстоит постоянно прислушиваться к себе, анализировать себя, переделывать, развивать... "Боже, как это скучно, – подумал я, – бедные селферы!" Понятно, что я не мог так быстро привыкнуть к тому, что теперь я тоже принадлежу к их числу.

С другой стороны, неуязвимость, вечную жизнь и способность мгновенно превращаться в аллигатора нельзя получить автоматически, ничем не жертвуя. Мой дядя Леон, помимо утверждений о невозможности существования бесплатных пирожных, еще частенько напоминал, что за все надо платить. Внезапно мне пришла в голову мысль, что за безграничные, или почти безграничные, возможности плата не может ограничиваться всего лишь некоторой скукой. Так чем же мне придется платить? И тут я осознал, что не знаю даже приблизительного ответа на этот вопрос.

Парадокс заключался в том, что, живя в мире, чье существование зависело практически полностью от деятельности селферов, я очень плохо представлял себе их жизнь и сущность их деяний. Нет, конечно, существовали горы материалов о селферах, учебники, статьи и монографии. Даже в школе был отдельный курс "Селферы и их роль в истории человечества". Но проблема заключалась в том, что человек, рождаясь в мире, каким бы этот мир ни был, воспринимает его совершенно естественным и единственно возможным вариантом мира. Большинство людей и умирает в этом искреннем убеждении.

Мое поколение родилось в мире, который более тысячи лет управлялся селферами. Селферы стали неотъемлемой частью жизни человечества, и частью наиболее постоянной. Они так же привычны и необходимы, как воздух, которым мы дышим. Но селферы и их жизнь так же далеки от обычных людей, как все еще далека от нас соседняя галактика. Для обычного человека вероятность оказаться Потенциалом ничтожна. Редчайшая мутация, фокус природы. Никто никогда не мечтает стать селфером, потому что от человека это никак не зависит. Поэтому изучение селферов и не является повальным увлечением человечества. Во всяком случае, я людей с таким хобби вообще никогда не встречал. Кроме того, я думаю, селферы и сами позаботились, чтобы народ ими не особо интересовался. Я обращал внимание на то, что материалы о селферах чрезвычайно легко доступны, но они так скучны, в такой научно-академической манере изложены... А если учесть, что в школе курс "Селферы и их роль в истории человечества" изучается во втором и третьем классах, когда у детей масса других актуальных проблем и разнообразных интересов... Так что взрослый человек обычно считает, что все о селферах он узнал еще в школе, а если даже он и попытается выяснить что-то дополнительно, то утонет в еще более занудных, чем школьный учебник, специфических, с графиками, таблицами и многоэтажными формулами, текстах. И я не был исключением.

И вот я столкнулся с суровой действительностью, – с редчайшим шансом стать селфером. Но чего мне это будет стоить? Хочу ли я быть селфером? И могу ли я отказаться? А знаю ли я, от чего отказываться? И можно ли, в принципе, отступить? Может, мой мозг продолжает изменяться независимо от моего желания? Оказалось, что у меня нет ответа ни на один из этих вопросов.

Применительно к науке я прекрасно понимал, что "знать" и "привыкнуть" – разные вещи. Но вот в жизни, как оказалось, я не задумывался о том, что к существованию селферов я просто привык, ничего, по сути, о них не зная. Вот, например, я услышал в разговоре Мелиссы с Сэмом, что Сэм спас человечество и Первых четырех селферов, но не понял, о чем шла речь. Я такого факта из курсов истории не помню. Может, и в официальную историю селферы вписали далеко не все? Или вписали не так, как было на самом деле? Надо постараться постепенно разобраться во всем. У меня главный источник информации о селферах – Мелисса, тем более что она – мой Ведущий. Но захочет ли она сказать мне правду, всю правду? Я же видел, что даже дочери и Сэму она сообщает далеко не все. Но другого варианта у меня просто нет.

Мелисса, наконец, завершила беседу с Сэмом Ричардсоном.

– Кофе мы с тобой так и не выпили. Все давно остыло, надо варить снова.

Мы вышли на веранду.

– Садись в кресло, я сейчас быстренько приготовлю, – сказала Мелисса и унесла кофеварку с остывшим кофе в помещение за открывшейся, как дверь, деревянной панелью в стене кабинета.

Я сел в массивное кресло, оказавшееся неожиданно мягким и очень глубоким.

Вскоре Мелисса принесла свеже сваренный кофе, достала из маленького буфетика большие чашки и налила в них кофе. Она подвинула поближе ко мне массивный столик и поставила на него чашку. Я с удовольствием маленькими глотками пил обжигающий напиток. Кофе был замечательный, крепкий, ароматный, с каким-то незнакомым, но очень приятным привкусом. Когда я допил чашку, у меня слегка закружилась голова.

Мелисса тем временем выдвинула ящичек буфета, достала оттуда новую пачку сигарет и стала их распечатывать, отступив за угол дивана, стоящего напротив кресла, в котором я сидел. Тут я почувствовал очень слабое прохладное дуновение откуда-то сверху. Я успел слегка удивиться, что ветерок подул с потолка, а не из открытой двери веранды, после чего мне стало не до наблюдений за ветерком.

На меня внезапно обрушилось осознание того, что я люблю Мелиссу. Люблю ее больше всего на свете, люблю давно, люблю беспредельно. Я вдруг понял, что всю жизнь тщательно прятал эту любовь глубоко внутри своего существа, не решаясь признаться себе в этом чувстве. И вот сейчас я вспомнил, как ждал ее приездов в Академию, с каким замиранием сердца наблюдал за каждым ее движением, поворотом головы, взглядом. Как счастлив был, если ее взгляд останавливался на мне, когда она обходила строй курсантов. Как ревностно я следил за теми счастливчиками, которые удостоивались беседы с ней. А в школе, когда Мелисса-Ванесса читала нам лекции, я ловил каждое ее слово, не сводя с нее преданных детских глаз. После уроков я поджидал ее, чтобы поговорить с ней о чем угодно, лишь бы поговорить, провожал до флаера и стоял, задрвав голову в небо, пока ее флаер не терялся в облаках. А каким страшным было мое горе, когда мы должны были уехать из Москвы, от мадам Ванессы! И вот сегодня я рядом с Мелиссой, смотрю на нее, говорю с ней! И теперь я буду рядом с ней всегда! Ничто не разлучит нас!

Мне хотелось дотронуться до нее, обнять ее, раствориться в ней. Горячая волна захлестнула мое сознание, стирая мысли. Из темной глубины моего существа рвались наружу древние инстинкты, требуя немедленных действий. Что-то незнакомое мне, сильное, непреодолимое, толкало меня вскочить, упасть на колени, броситься, ползти к ее ногам, схватить ее, сжать в объятиях, повалить, подмять, молиться ей... Сквозь красную пелену в глазах я смотрел на стоящую у стены Мелиссу, и она казалась мне одновременно и недостижимой богиней, и законной добычей. Ее силуэт дрожал и расплывался в моих глазах, превращался в образы всех женщин мира, в ЖЕНЩИНУ, желанную и доступную, просто надо встать, сделать шаг, протянуть руки, не сдерживать себя, утолить желание... Только одна мысль удерживала меня: НЕЛЬЗЯ. Я не знал, почему – нельзя. Я не хотел знать. Но настойчиво и тупо билось в висках: нельзя, нельзя, нельзя...

Из последних сил я сдерживал, сжимая кулаки, скрипя зубами, выгнувшись дугой, свое напрягшееся, требующее немедленных действий тело. Из груди рвался вопль, и я до боли напрягал горло, чтобы не закричать. Болели сведенные судорогой мышцы, болели выворачивающиеся от усилий суставы, болело сердце, выпрыгивающее из груди, кровь молотками стучала в висках...

Я не понимал, сколько времени прошло, но, наконец, в глазах моих едко защипало, потекли слезы, мышцы расслабились, а в груди разлилась холодная горечь. Я осознал, что по-прежнему сижу в кресле, и непереносимая боль со слезами вытекает из глаз моих и никак не может вытечь...

Мелисса сидела на столике передо мной и курила, выпуская зеленоватый резко пахнущий дым мне прямо в лицо. Я, видимо, уже давно дышал этим дымом. Увидев, что я пришел в себя, Мелисса отошла, погасила сигарету в пепельнице, где уже лежала горка окурков, налила в мою чашку остывший кофе и почти насильно заставила меня выпить его. Я глотал кофе вместе со слезами. Мелисса молча, осторожно погладила меня по мокрой щеке.

Я долго сидел неподвижно, обессиленный, без мыслей. Горечь, разлитая в груди, постепенно собиралась в комок и, наконец, заползла в сердце длинным ледяным стержнем.

– Прости, – сказала Мелисса, – прости, я знаю, какую боль причинила тебе. Но другого выхода не было. Теперь все закончилось.

– Что это было? – спросил я хрипло. Горло от сдерживаемого крика опухло и саднило.

– Газ "РЛ-46". Химическое оружие четвертого поколения, из категории "несмертельное оружие", естественно, давно запрещенное, – Мелисса говорила подчеркнуто бесстрастно, – это вещество отдаленно напоминает по своему действию амфетамин, но неизмеримо сильнее. Оно не убивает, оно делает человека рабом его бессознательных желаний, животных инстинктов, обычно подавляемых разумом. Представь, что облако такого газа опустилось на город противника или в расположение вражеских войск. Этот газ, подобно феромонам, не имеет запаха, и человек не осознает, что вдыхает его. Газ хорошо растворяется в крови, и молекулы его быстро проникают в мозг и начинают управлять эмоциями и действиями человека, если такое существо еще можно назвать человеком... Человек становится очень опасен для ближайшего окружения. Без антидота это вещество выводится из организма только через несколько дней. А за несколько дней много чего может случиться. Есть и другие подобные вещества. Их когда-то применяли в военных действиях, так что они хорошо изучены. Ну, а теперь ты знаешь темные стороны своего существа. Но все уже позади. Все закончилось благополучно.

– Мелисса, – сказал я.

Она бросила на меня удивленный взгляд.

– Мелисса, зачем? Для чего это было надо?

– Видишь ли, в последние дни ты подошел к такому этапу развития второй структуры твоего мозга, когда может возникнуть серьезная опасность неправильного соединения второй структуры с основной. В результате некоторые центры мозга могут быть разрушены, а другие соединятся нежелательным образом. Так мы не раз теряли Потенциалов, пока не поняли, что происходит, и не нашли способы предотвратить эти процессы. Теперь на этом этапе развития второй структуры мозга Потенциалы обычно проводят год-другой по 12-15 часов в день в аппарате, подобном тому, что снимает карту мозга. Под постоянным медицинским контролем на мозг воздействуют импульсы электромагнитного поля, сфокусированного на определенных зонах и блокирующего их, пока вторая структура не сформируется в безопасную конфигурацию. У тебя ситуация осложнилась тем, что развитие второй структуры, как я увидела сегодня на твоей карте, уже перешло в самую опасную фазу, когда стандартные методы блокировки не очень надежны. И я решила рискнуть, применив очень эффективный химический способ блокировки, мгновенно дающий необходимый результат. Я была почти уверена, что все получится, и вот, как видишь, все получилось... Получилось правильно.

Я дала тебе сначала ускоритель процессов, "вино", и ждала, когда наступит оптимальный момент для химического воздействия. Без ускорителя нужный момент пришлось бы ловить не один день. Сигналом, что пора действовать, было то, что ты "услышал" разговор при включенной акустической защите. Ты ведь понимаешь, что воспринимал отнюдь не звуковые волны?

В твой кофе я добавила катализатор. Пока ты допивал кофе, совсем не случайно такой горячий, катализатор уже поступил в твой мозг. И тогда я направила на тебя из баллона в потолке струю газа "РЛ-46", который ты и вдохнул. Этот газ концентрируется именно в тех областях мозга, которые надо изолировать от второй структуры. Когда он уже попал в нужные области, а это было видно по твоему состоянию, настало время ввести в твой мозг особый антидот. Этот антидот – весьма нестойкое химическое соединение, оно получается при горении вещества, входящего в состав моих специальных сигарет. Ты получил антидот, вдыхая сигаретный дым. Этот антидот не разрушает молекулы газа "РЛ-46", а в присутствии катализатора вступает с ним в реакцию соединения. Образовавшееся вещество очень устойчивое, оно долго сохраняется в опасных зонах мозга и является той самой необходимой химической защитой, надежным препятствием для проникновения в эти зоны элементов второй структуры.

Химическим методом мы пользуемся крайне редко, так как сложно правильно рассчитать проведение всех этапов реакции. Да и воздействие "РЛ-46" на некоторых Потенциалов приводит к весьма неприятным ситуациям. С аппаратурой все продолжается очень долго, зато

просто и надежно, если, конечно, не упущено время, как у тебя. С помощью химии, если все рассчитано правильно, нужный эффект достигается быстро. И почти безболезненно.

Мелисса прошла по веранде, потом вернулась ко мне. Она заметно волновалась.

– В твоей ситуации существовали две опасности, – продолжала она, – во-первых, я не знала, какой будет твоя реакция на газ. Конечно, на этот случай на веранде есть некоторые устройства. Но, слава богу, ничего не понадобилось. Тебе практически удалось противостоять воздействию "РЛ-46". Молодец, спасибо тебе. Другая опасность заключалась в том, что я могла что-то неправильно рассчитать, и сейчас какие-то центры твоего мозга уже были бы "закорочены".

– И что случилось бы тогда?

– Тогда... Ну, тогда ты бы уже не спрашивал меня об этом. Но не будем о плохом. Все прошло прекрасно. Правда, когда я поняла, что ты слышишь наш с Сэмом разговор, то испугалась, что можно опоздать. У тебя процесс шел очень быстро. Ну, а теперь все позади, и дальше все будет хорошо.

Что-то в словах Мелиссы меня смущало. В ее объяснениях чудилась какая-то нестыковка, какая-то недоговоренность. Наверное, дело в том, что весь сегодняшний день я видел, что Мелисса не совершает действий однозначных или имеющих только одну цель. Я не мог не принять ее объяснения, наверное, все было правдой, но всей ли правдой? Что она мне не договаривает? И так ли уж было необходимо проводить эту химическую атаку? Если риск был так велик, надо ли было идти на него? Я не был уверен в этом до конца. И потом, она рисковала не своей, а моей жизнью. Рисковать чужой жизнью было для нее, наверное, делом привычным. Я ощутил себя игрушкой в руках высшего существа, жалкой мышкой в лапах у кошки.

На этот раз, слава богу, для мышки все закончилось хорошо.

– Я хотел бы умыться и вообще прийти в себя.

– Конечно. Здесь есть ванная, прошу.

Дверью в ванную комнату оказалась, как и следовало ожидать, одна из деревянных панелей в стене кабинета. Ванная была большой и удобной, разве что бассейна там не наблюдалось. Я склонился над умывальником и долго держал голову под прохладной струей. Потом взял с полки чистое полотенце, стал вытирать волосы, и мой взгляд упал на полочку над умывальником, на которой располагался обычный для ванной набор со щетками, баночками, тубиками и прочими мелочами. Я с нежностью подумал, что до каждой вещи дотрагивалась Мелисса, и мне тоже захотелось прикоснуться к ним.

В общем, было очевидно, что для меня ничего не закончилось. Мои чувства к Мелиссе никуда не исчезли. И я никогда не смогу опять загнать их в какой-нибудь глухой угол своего сознания. Я не хотел этой любви, но она жила во мне, она была частью меня, она пульсировала в каждой клетке моего существа.

Я понимал, что воздействие газа я пережил сравнительно легко лишь потому, что большую часть своей жизни я подавлял усилиями разума не столько животные инстинкты, сколько свою любовь к Мелиссе. Я подумал, что даже хорошо, что испытал на себе это подлое оружие, потому что оно освободило мое сознание от мной же установленных запретов, и я обнаружил в себе любовь. Теперь я понял, почему с женщинами у меня никогда не получалось ничего хорошего и почему расставания с ними я переживал так легко. Просто сердце мое было уже занято, только я не позволял себе в этом признаться. Я любил Мелиссу!

Мой разум опять пытался взять вырвавшиеся из-под запрета чувства под контроль: "Она так легко рисковала твоей жизнью!" А чувства сопротивлялись: "А может, она спасала мою жизнь?"

Разум говорил: "Эта любовь безумна, Мелисса невообразимо старше тебя, она – монстр. В любую минуту она может превратиться хоть в крокодила, хоть в астероид". Но теперь я знал, что буду нежно любить ее, даже стань она тарбозавром.

Разум твердил, что любовь к селферу смертельна, расплата за нее – годы жизни. Но я готов был заплатить всей оставшейся жизнью за одно мгновение счастья с ней.

Наконец, разум выдвинул главный аргумент: "Твоя любовь безнадежна, у Мелиссы есть Майкл". Да, мне выпало счастье несчастной любви. В нашем мире свободных союзов селферы меняют партнеров не реже, чем обычные люди, но изредка селферы образуют особый союз, союз очень прочный. Я не знаю, в чем причина таких постоянств, но известно, что разрушить подобную связь невозможно. И у Мелиссы с Майклом была именно такая связь, длящаяся уже полторы тысячи лет.

Все доводы разума были бессильны. Я просто знал, что мое место в жизни – там, где она. Это, как в детской игре "холодно-горячо". Всю жизнь было "холодно", а сегодня было очень "тепло". Я был рядом с Мелиссой, – я был на своем месте. Сейчас я просто не понимал, как я мог всего час назад размышлять, не стоит ли мне отказаться от перспективы стать селфером, и задумывался о цене, которую надо заплатить за жизнь рядом с Мелиссой.

Но тут из какого-то дальнего угла моего сознания выбрался маленький человечек, который ухитрился там затаиться и спрятаться от газа "РЛ-46". Этот человечек распрямылся, взглянул мне в глаза из зеркала над умывальником и вкрадчиво спросил: "А как же Надя?" Да, Надя. Оказывается, ее образ никуда не исчез, несмотря на любовь к Мелиссе.

Я перестал понимать себя, я запутался в самом себе. Во мне разум боролся с чувствами, и чувства не были однозначны. Я болел безумной бессмысленной безнадежной двойной любовью.

Боже, как все это было нелепо! Умом я понимал, что меня мучает какой-то воображаемый выбор, которого на самом деле не было и быть не могло. Для Мелиссы я только объект работы, а Надя вообще не знает о моем существовании. Но очевидная глупость страданий не делала мои терзания менее реальными. Это была реальность моего внутреннего мира, который, в отличие от мира внешнего, весь и состоит из подобных терзаний и фантазий, из мук и надежд. Именно внутренний мир и является истинной реальностью каждого человека.

Запутавшись в противоречивых мыслях и чувствах, я стоял, опершись руками о раковину, и разглядывал себя в зеркале. Надо было как-то подводить итоги сегодняшнего дня. Еще утром я осознавал себя героем-капитаном одного из самых больших земных космических кораблей, человеком цельным, спокойным, сдержанным, уверенным в себе, так сказать, в меру циничным, знающим жизнь оптимистом без особых проблем. Все, произошедшее в последние часы, поставило под сомнение мои представления о мире, в котором я прожил полвека. Более того, как оказалось, я не знал самого себя. Во мне тайно зрели зерна иного разума, а я не подозревал об этом. Во мне скрывались сильные чувства, а я считал себя холодным и бесстрастным.

Из зеркала на меня смотрел новый человек, и он отменил мою прежнюю жизнь. Теперь у меня были другие цели и другой смысл жизни.

Но я впервые осознал, насколько я уязвим и как бесконечно одинок. Безнадежно одинок в родном мире, внезапно ставшем непонятым и чужим.

И теперь я не чувствовал себя единым целым. Мой внутренний мир был расколот на части, а в сердце застыл ледяной стержень, холодный клинок.

Я вспомнил древнюю притчу о мальчике Кае, которому Снежная Королева вонзила в сердце осколок ледяного зеркала, а добрая девочка Герда растопила этот лед своей любовью. Мне стало так жалко себя, что на глаза навернулись слезы. Несчастье Кая заключалось в том, что, получив осколок в сердце, он потерял способность любить, а мое несчастье состояло в том, что я приобрел такую способность. А главное, у меня была Снежная Королева, но не было любящей Герды.

Я еще немного пожалел себя, умылся и расчесал волосы щеткой, ее щеткой. Надо было жить дальше.

Я вышел из ванной. В кабинете было пусто. На крыльце в потоке солнечных лучей стояла Мелисса. Нет, не Мелисса. Женщина, стоявшая ко мне спиной, была одета в длинную просторную блузу из живых лепестков белых маков и белые брюки. Это был последний писк моды, с которым я ознакомился лишь потому, что так была одета Надя, когда ее снимали для выпуска Новостей. Мама потом объяснила мне, что лепестки цветов покрывают очень тонкими специальными пленками, после чего из них собирают одежду, соединяя лепестки в цветы и целые букеты.

Блуза на женщине была точно такой же, как на Наде, это я точно помнил, поскольку много раз прокручивал тот короткий сюжет Новостей. Солнце било мне в глаза, я шурился и пытался рассмотреть женщину.

Женщина повернулась и шагнула на веранду. Это была Надя.

Я решил, что в результате пережитых волнений сошел с ума, и на всякий случай впал в уже привычное для меня состояние столбняка.

Надя сказала голосом Мелиссы:

– Ну, как тебе моя новая роль?

Это было выше моих сил. Доведенная до отчаяния мышка может на мгновение стать львом. Я впал в ярость и взбунтовался: "Какое право имеет Мелисса, будь она хоть пупом Вселенной, так издеваться надо мной?! Сначала травить меня какой-то дрянью, выворачивая душу наизнанку, а теперь насмехаться над моими человеческими чувствами?!" К счастью, лев замешкался, преодолевая столбняк. Спустя несколько секунд разум взял верх над эмоциями, и я сообразил, что Мелисса никак не может знать о моих мечтаниях о Наде. Селферы – не телепаты. Они могут, конечно, устанавливать связь с другими селферами, но читать мысли обычных людей, слава богу, еще не в силах.

Тем временем Мелисса продолжала:

– Эту роль я готовлю уже полтора года. Мне еще в раннем детстве хотелось стать балериной, но я была слишком толстой для балетной школы. И вот теперь представился такой случай. Мне нужна была новая маска, и я выбрала роль балерины. Ты случайно не успел посмотреть какие-нибудь спектакли с моим участием? Они пользуются успехом.

– Да, – тупо ответил я.

"Значит, Надя – это Мелисса, а Мелисса – одновременно и Надя?" Боже, какое счастье! Я наконец-то опять стал единым целым, придя в согласие с самим собой. Все стало понятно. Я люблю одну Мелиссу, какие бы обличия она ни принимала, какие бы роли ни играла. В Надю я влюбился и сразу осознал эту влюбленность, потому что подсознательно угадал в ней Мелиссу, а разум насчет Нади никаких запретов не выдвигал. Мир опять стал ясным и простым. Жизнь была прекрасна и удивительна!

– Мелисса, вы прекрасны! – невпопад воскликнул я.

– Я рада, что тебе понравился мой новый облик. Тебе надо к нему привыкнуть.

Я чуть не проговорился, что этот облик уже месяц не дает мне спокойно спать, но все-таки сдержался.

– Так тебе понравились какие-нибудь мои спектакли? Я старалась, – сказала Мелисса немного кокетливо, видимо, она полностью вошла в роль звезды балета.

– Больше всего мне понравился балет "Китайский сад", где вы танцуете умирающую девушку. А еще – "Богиня тэров", особенно последняя сцена, где вы с главным тэром рука об руку стремитесь ввысь, к звездам.

– Да, эта сцена и мне нравится. А с Шерром ты скоро познакомишься.

Я хотел сказать, что мне нравится и "Лебединое озеро", и "Братя по разуму", и все, что угодно, лишь бы она присутствовала в спектакле в любой роли. Но усилием воли я не дал рту открыться.

– Ну что ж, – сказала Мелисса, – "...И летний вечер вечно синий сквозь летний день идет ко мне". Ты, конечно, перекусил пирожками, но пора бы и пообедать. Полетим ко мне домой, на мой остров. Моя домоправительница, Валентина Петровна, кстати, это она печет пирожки, обещала сегодня на обед приготовить мой любимый борщ и котлеты. Я проголодалась.

Я почувствовал, что тоже не прочь поесть.

– А ты предупредил родителей, что можешь отлучиться надолго? Ты останешься у меня. Завтра мы поговорим о твоём втором назначении, и потом ты будешь очень занят.

Я заверил Мелиссу, что никаких проблем нет, никто меня не ждет, даже родители. "Да если бы даже и ждали", – добавил я мысленно.

Мелисса сменила блузу из маковых лепестков на адмиральский китель, одновременно изменяя черты лица. И вот только светлая прядь, не убранная в причёску, осталась от образа Нади.

Мелисса спросила меня, не возражаю ли я, если мой флаер пока поставят на стоянку Департамента. Как я мог возражать? Мелисса по внутренней сети вызвала дежурного и отдала ему распоряжения, сообщив, что я улетаю вместе с ней. Потом она собрала какие-то свои мелочи в стандартный флотский кофр, и мы вышли в коридор. Она закрыла дверь кабинета № 23, в который я вошел в прошлой своей жизни сегодня утром.

Затем через двустворчатую дверь в торце коридора мы попали на широкую лестницу, спустились на три пролета и оказались в огромном ангаре, где и была стоянка машин Департамента.

Мелисса набрала на настенном пульте команду, и часть потолка, который снаружи являлся большой поляной, опустилась, став пандусом, выходящим в парк. Флаер Мелиссы стоял недалеко от входа в ангар. Он оказался того же типа, что и мой, но его кабина была побольше, четырехместной. Я скромно сел сзади.

Мелисса подняла флаер и на антигравях аккуратно вывела его из ангара, а потом включила планетарные двигатели.

– Ты не против, если мы не будем торопиться и полетим в атмосфере? – спросила у меня Мелисса. – Тут недалеко, в Атлантике, "У Геркулесовых столбов, где плавал Одиссей". Или он в Атлантике не выходил? А плавал исключительно в Средиземном море? Ты не помнишь?

Я не помнил. И вообще, на Одиссея мне было глубоко наплевать. Я вдруг почувствовал себя так хорошо, так уютно, так свободно. На своем месте. Все было правильно в этом лучшем из миров.

Какой-то частью своего сознания я понимал, что все еще нахожусь в некоторой степени под действием газа "РЛ-46".

"Интересно, – мимолетно подумал я, – как долго он еще будет влиять на мои чувства? И что будет потом? Буду ли я потом любить Мелиссу?"

Но сейчас это было совсем не важно. Сейчас я был полон любви. Я был счастлив.

– Мелисса, а что означает буква "К" в названии Департамента? – Я решил, наконец, получить ответ на беспокоившую меня все утро загадку.

– А ты как думаешь?

– Вообще-то я думал, что "К" означает "контрразведка".

Мелисса усмехнулась, и я понял, что мои фантазии на тему контрразведки имеют под собой вполне реальную почву.

– В названии этого Департамента, – она выделила голосом слово "этого", – буква "К" означает "Корнезо". Мы летим туда через две недели.

"Корнезо! Лучший земной курорт в известной нам части Галактики! Так вот куда стремилась Шемаханская Царица отдохнуть и в чем-то поучаствовать! И что же, чтобы не пустить дочь на курорт – на безобиднейшую планету-курорт, – Мелисса и провела сложнейшую операцию с грузами для Альбины и Альбы??? Операцию, которая в принципе могла иметь очень

тяжелые последствия для всей Земли? Боже, что же там такое ожидается, на Корнезо? В чем мне предстоит участвовать вместе с Мелиссой? Ясно, что мое второе назначение связано именно с этой поездкой. Мелисса сказала – завтра. Ну что ж, завтра так завтра".

Хотя мне было очень интересно узнать, в чем дело, следовало иметь выдержку и не выглядеть любопытным мальчишкой. Кроме того, пожалуй, сегодня для одного дня и так случилось всего более чем достаточно.

Я поймал себя на том, что хочу хорошо выглядеть в глазах Мелиссы совсем не потому, что она мое высшее и непосредственное руководство. Сегодня она сказала, что ей ни разу еще не было за меня стыдно. А когда она узнает про альфьюрит? Ведь рано или поздно, но Мелисса узнает. Что тогда она подумает обо мне?

Мое хорошее настроение от этих мыслей, естественно, испортилось.

– Алекс, в чем дело? – спросила Мелисса. – Что случилось?

Селферы, конечно, не телепаты. Но они – эмпаты. Настроение людей они чувствуют превосходно. Неважно, что я не выдал перемены своего настроения ни словом, ни движением. Мелисса уловила, что мое состояние изменилось.

И тут меня прошиб холодный пот. Я запоздало сообразил: "Значит, она была в курсе всех моих сегодняшних метаний???" С другой стороны, Мелисса вела себя так, как будто ничего особенного со мной и не происходило. "Возможно, она отнесла всплески моих эмоций на счет проклятого газа? Хорошо бы".

– Что с тобой?

В голосе Мелиссы звучало неподдельное беспокойство.

Я решил из двух зол выбрать меньшее. Я не смогу жить спокойно в ожидании того, что она узнает историю про альфьюрит, да еще неизвестно, как ей эту историю преподнесут...

– Мелисса, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, – я должен вам кое-что рассказать.

– Да? Подожди секунду.

Она отпустила штурвал и повернулась вместе с креслом в мою сторону, но не стала включать автопилот. В ее флаере я вообще не заметил никаких сложных приборов. Панель управления была предельно проста, не было даже кабелей для подсоединения к разъемам встроенных процессоров, не было и гнезд для таких кабелей. Но когда она повернулась ко мне, то заката рукав на левой руке, и из локтевого сгиба выросли какие-то тоненькие упругие "усики", вытянулись метра на полтора и вползли в два крошечных неприметных отверстия в панели управления.

"Черт, – подумал я, – да она просто соединилась с системами флаера напрямую, и без всяких разъемов!" До сегодняшнего дня я очень мало сталкивался с селферами и никогда с ними не работал. Одно дело, знать об их возможностях теоретически, и совсем другое – увидеть это самому.

– Так в чем дело? Рассказывай.

И я рассказал ей всю историю про альфьюрит.

Она выслушала меня спокойно и даже немного посмеялась, особенно когда дело дошло до нашей дискуссии с бедным Билли. У меня отлегло от души.

– А ты, случайно, не строил планы изъять санитарный блок из капитанской каюты на "Джо" и установить его в своем личном жилище? – ехидно спросила она, когда я закончил свой рассказ.

Я уверил Мелиссу, что был бы рад, если бы глаза мои никогда в жизни больше не видели этот волшебный минерал, даже в музее. Не говоря уже о том, что личным жилищем я до сих пор не обзавелся, о чем она должна была бы знать. Когда я бываю на Земле, то обычно стараюсь побыть с родителями.

– Или в Крыму в хорошей компании, – все так же ехидно добавила Мелисса.

"В хорошей компании? Ах да, с Луизой", – сообразил я. Господи, когда-то я думал, что люблю Луизу. Со мной ли это было? Конечно, я помнил всю свою жизнь, но помнил так, как помнят сцены из известного фильма. Сейчас мне казалось, что все это было не со мной, сегодняшний я – совсем другой человек.

– Ладно, Алекс. Ничего страшного не случилось. Ты здесь вообще ни при чем, просто попал в своеобразную ситуацию. Действительно, и молчать нельзя, и сообщить руководству – народ подставить. Они же от чистого сердца. Но Степаныч! Старый жук! В самом деле, интересно, где он этот альфьюрит раздобыл? Ничего, на следующей неделе мы будем уже в Лунном Доке, а там я со Степанычем и разберусь. Проведу внеплановую проверку качества профилактических работ на "Джо", заглянем в капитанскую каюту, и санитарный блок я посету совершенно естественным образом. И ты будешь ни при чем. Алекс, а альфьюрит действительно так хорош?

– Мне трудно сказать. Ну, сверкает. Я там чувствовал себя как-то неуютно.

– Понятно. А Билли, чтобы он не волновался, скажи при случае, что ты уже сам доложил руководству, не упоминая о нем. Конечно, не стоит уточнять, какому именно руководству ты доложил. И попроси Билли никогда не вспоминать о том, что он видел в твоей каюте. Понимаешь, просто я с ходу тоже никак не могу сообразить, что с этим сокровищем делать дальше. Надо сначала послушать, что скажет Белов. Может, там, где он это чудо света взял, еще много чего лежит. И интересно, где.

Тем временем оказалось, что мы уже подлетели к острову Мелиссы. Если знать, на что обращать внимание, а я уже знал, все было понятно. Небольшой остров неправильной формы, слегка вытянутый, имел две конусообразные горы. Одна, повыше, видимо, была давно потухшим вулканом. Рядом с ней, почти вплитык, возвышался конус поменьше. Мне было очевидно, что на месте бывшего вулкана в океанское дно углублен док, или, скорее, верфь, с крейсером класса А. Крейсер, в отличие от транспортника типа "Джо", имеет гораздо меньший диаметр и конусообразный нос, который и возвышался горой. Остров зарос лесом, а нос крейсера, покрытый почвой, со ступенчато поднимающимися террасами, представлял собой парк с коттеджами, бассейнами, цветниками, лестницами и озерами. Гора поменьше получилась из вынутой при строительстве верфи породы. Объем породы был меньше объема верфи, поскольку часть породы в процессе строительства была сильно спрессована и сплавлена в материал стен верфи. На горе поменьше тоже имелись строения и угадывались небольшие поля и сады.

– А что расположено на терриконе? – Я употребил термин, который, как я помнил из уроков истории, означал отвалы пустой породы рядом с шахтами, в которых добывали уголь.

– Так, значит, ты уже догадался.

– Да, я понял еще на Снагове, что Департамент "К" располагается на доке со средним транспортником.

Мне очень хотелось задать несколько вопросов. Но я удержался.

Мелисса помолчала, потом проговорила:

– Ну, раз ты сам догадался... Знаешь, во времена моих родителей была такая популярная песня: "Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути". В истории Земли были народы, которые забывали, что гарантией мирной жизни может быть только военная мощь, и за такую забывчивость эти народы платили страшную цену. У нас, конечно, есть "запасные пути" и "бронепоезда", но их никогда не бывает достаточно. Сейчас кроме официального космического флота в доках освоенной нами части Галактики имеется еще почти два таких же флота в различной степени консервации, причем на кораблях идет постоянная модернизация. На Земле доки с кораблями стоят под всеми территориями, занимаемыми Космофлотом, и под всеми усадьбами селферов. Ты потом увидишь, что все селферы свои жилища устраивают на островах или на берегах крупных водоемов, и вовсе не потому, что любят поплавать в откры-

той воде. Это секретная программа, которая имеет кодовое название "Депо", и занимается ею Департамент "Д". Мы программу "Депо" не афишируем по нескольким причинам.

О Департаменте "Д", как и о Департаменте "К", я раньше тоже никогда не слышал. Действительно, в Космофлоте к вопросам секретности относятся серьезно.

Тем временем флаер сел на площадку на одной из средних террас, открылись ворота в "скале", и флаер вкатился в большой ангар, где стояло десятка два флаеров, и пассажирских, и грузовых.

Мелисса не торопилась выходить и продолжала:

– Первая причина совершенно очевидная – это вопрос сохранения военной тайны. В случае агрессии противник не должен подозревать о нашем реальном потенциале. Всей полной информации обладает весьма ограниченный круг людей. Ну, и селферы, конечно. Личный состав наших секретных объектов, покидая территорию базы, совершенно не помнит, где проходит службу и чем занимается. Если человек покинул базу временно, в его спецпроцессоре работает программа возврата в заданное время в определенное место, в пункт сбора, откуда его доставляет к месту службы специальная команда. Стирание памяти входит в условия контракта. Конечно, при возврате на базу или при иной необходимости память возвращают. Не зря же мы ставим всем служащим в Космофлоте спецпроцессоры.

Тут я начал лихорадочно соображать, все ли годы своей службы я помню отчетливо. Вроде все. Однако я припомнил, что несколько раз встречал ветеранов, очень гордых своей службой на флоте, но никогда не рассказывавших никаких флотских историй. Они только многозначительно поглядывали на собеседников и таинственно улыбались. Теперь мне стало понятно, что им просто нечего было рассказать, они просто ничего не помнили!

– Вторая причина секретности программы "Депо" состоит в том, что человечество последнюю тысячу лет живет очень спокойно и обеспеченно. Люди расслабились. Им трудно представить себе, что такое война. Они, хотя и привыкли полагаться на решения селферов, просто не поймут, зачем нужны огромные затраты на содержание запасных флотов, когда никакой очевидной угрозы нет. При этом народ быстро сообразит, что в наличии имеются дополнительные ресурсы, и решит, как это уже неоднократно бывало в истории Земли, что ресурсы эти надо тратить вовсе не на увеличение военного потенциала, а на дальнейшее улучшение жизни простых людей и их развлечения. Помню популярный одно время лозунг: "Каждому – по дворцу!" А там недалеко и до мысли, что можно и не работать, и не учиться... Знаешь, ведь значительная часть наших психологов постоянно занимается проблемой формирования новых потребностей у населения, чтобы существовали стимулы для работы.

Изобилие для цивилизации порой страшнее разрухи. Ведь и сейчас, несмотря на все наши генетические программы, стремление к познанию, к творчеству, к созидательному труду присуще только одной четвертой части человечества. Большая часть населения будет работать, только если есть необходимость заработать на жизнь, вернее, на определенный уровень жизни. А семь процентов населения в каждом поколении вообще ни при каких условиях не желают ни учиться, ни работать. Конечно, мы можем себе позволить роскошь содержать этот балласт, но их же надо еще развлекать, чтобы они были хоть чем-то заняты... Раньше этот процент был в два-три раза больше, да еще такие люди отличались повышенной агрессивностью. Это была очень серьезная проблема.

С агрессивностью мы научились справляться давно, так что сейчас миллиард пассивных бездельников тихо сидит по домам, ест, спит и переключает сетевые развлекательные каналы. Но чтобы они не мешали остальному человечеству, на них работает почти десять миллионов специалистов, в основном психологов, социологов и работников культуры. Для человечества единственная ценность этой части населения заключена в мутациях, носителями которых они являются. Ведь никогда заранее не знаешь, какая именно мутация окажется вдруг необходимой человечеству. Эти семь процентов, как и все остальные, сдают свой геноматериал. Конечно,

Комитет по Генетике практически никогда не дает этим людям разрешение ни на собственных, ни на приемных детей, но их геноматериал остается в хранилищах Комитета.

– Вообще-то, – продолжала Мелисса, – с этим тихим миллиардом уже давно никаких проблем не возникало. Но вот на последних выборах они вдруг проявили необыкновенную активность. Ты слышал наш разговор с Сэмом. Нового президента выбрали фактически они, те, кто раньше в выборах никогда не участвовал. Сэм не сумел предугадать, что им так понравится Гарри. Действительно, мы только сейчас разобрались, в чем дело. Просто Гарри очень похож на них – нейтрально-смазливый, малообразованный, неумный, невыразительный, вообще никакой. Его бессмысленные предвыборные выступления были очень похожи на их любимые шоу. И он ни разу не высказал ни одной мысли, которая была бы непонятна этому миллиарду. По этим же причинам он понравился и большинству универсалов, особенно женщинам. Гарри не выстраивал таким образом свою кампанию специально, он – действительно один из них, только чрезвычайно активный. Надеюсь, ничего подобного больше никогда не повторится, иначе – хоть вводи специальный экзамен для избирателей.

Но вернемся к программе "Депо". Есть еще одна причина не оповещать о ней широкие слои населения. Дело в том, что в случае возникновения дискуссий на тему: "На что будем тратить избыточные ресурсы?" человечество осознает очень неприятную для себя истину: все, точнее, практически все, на Земле и в сфере обитания человечества принадлежит нам, селферам. Поэтому, собственно, мы и распоряжаемся всем. Очень не хочется столкнуться с уязвленным самолюбием четырнадцати миллиардов людей. Поэтому мы свою собственность очень аккуратно маскируем, образуя многочисленные Комитеты, Комиссии, Фонды, Акционерные общества и тому подобное.

Тут я не выдержал и спросил:

– И какая часть "всего" принадлежит селферам?

Мелисса помолчала, подумала и наконец со вздохом тихо сказала:

– Восемьдесят четыре и семь десятых процента всего достояния человечества. Катерина управляет фактически ресурсами селферов. Обычные люди владеют всякими мелкими предприятиями, типа мастерских, кафе, магазинчиков. Все остальное – наше, и весь Космофлот – наш. Бюджет Всемирного Совета формируем мы, и мы решаем, какие средства предоставить Совету для публичного дележа. Обеспечение программ, подобных "Депо", а их немало, тоже идет из наших средств, но минует официальные структуры власти.

– А как же известные крупные промышленники? Например, "Верфи Вебера"?

– Семейство Веберов имеет только полтора процента акций "Верфей", еще два процента – у мелких акционеров, остальное – наше, через Фонды и Компании. Просто Веберы – самые крупные из акционеров, и они давно согласились дать свое имя этому концерну. За это Веберы имеют некоторые привилегии, например, бронь на десять мест в год на курорт на Райском Местечке.

Не могу сказать, что я не подозревал о чем-то подобном относительно устройства своего родного мира, но масштаб...

– Значит, все человечество – только марионетки в руках кукловодов?

– Так было всегда. Весь вопрос только в том, кто именно является кукловодом. Важно, чтобы кукловоды были разумными и чтобы они не были временщиками. Главные беды случались, когда народами управляли либо безграмотные идеалисты, либо корыстные мерзавцы, которые жили по принципу "после меня – хоть потоп". Видишь ли, человечество смогло выжить лишь потому, что в критическом периоде истории селферы уже существовали, и именно они, то есть мы, стали кукловодами.

Селфером, современным кукловодом, не может стать случайный, или непригодный, или психически неуравновешенный человек, как это часто бывало в прошлых эпохах. Для развития второй структуры нужен очень высокоорганизованный мозг. Разум, достигший такого уровня

развития, не способен творить зло. Так же, как дурак не может творить добро просто потому, что он не способен прогнозировать все следствия своих деяний, не говоря уже о том, чтобы отличить добро от зла.

Но, для того чтобы стать селфером, недостаточно одного только высокого уровня интеллекта, необходимы еще и другие качества, которые раньше называли "душа". В конечном счете, проблема сводится к активности работы определенных участков мозга. Если в этих областях интенсивность электрохимических процессов недостаточно высока, то при развитии второй структуры некоторые центры мозга могут быть разрушены, и Потенциал погибнет. Иначе говоря, чтобы стать селфером, Потенциал должен испытывать очень сильные эмоции, от бурных восторгов до страданий. И в том, что селферами не могут стать холодные, бесчувственные люди, есть логика эволюции. Селферами становятся только те, кто способен сострадать, сочувствовать, сопереживать. Но чтобы научиться состраданию, Потенциал сам должен пройти через все круги ада. Ну, раньше-то с этим проблем не было. А вот сейчас, в нашей размеренной, тепличной жизни, подобрать каждому Потенциалу его персональный ад, – Мелисса усмехнулась, – задача не из легких.

Я с горечью подумал, что лично для меня, похоже, эта задача совершенно естественным образом уже решена.

– Ну ладно, – сказала Мелисса, – засиделись мы с тобой в кабине. Прошу ко мне в гости.

Однако меня очень волновал один вопрос, который Мелисса так и не прояснила.

– Мелисса, еще минуту. А программа "Депо"? Она что, осуществляется просто так, на всякий случай? Или есть реальная угроза человечеству?

– Понимаешь, мы всегда сознавали возможность столкновения с враждебной нам цивилизацией, поэтому и ведем программы типа "Депо"... И хотя до сих пор не обнаружено ни одной агрессивной расы, и реальной угрозы человечеству пока нет... Но... Мы с тобой сегодня говорили о проскопических видениях. Так вот, у всех селферов бывают видения, в которых разворачиваются очень неприятные события. – Мелисса вздохнула. – В общем, это картины войны с каким-то внешним врагом. Что это за враг, и откуда он появится – пока не совсем ясно. Но вот сравнительно недавно произошло кое-что очень тревожное.

Два года назад нам удалось поймать передачу на пси-волнах. Это был призыв к контакту цивилизации, похоже, довольно близкой к нам по своему техническому уровню. Передача велась из области, расположенной на другом конце нашей Галактики, и пси-сигналы прошли вблизи центра Галактики. Передача была искажена, и определить точно, из какого района она пришла, было очень сложно. Однако нам удалось, используя антенны одной из отдаленных баз, построенных, кстати, по проекту "Депо", установить с этой цивилизацией контакт и примерно определить ее месторасположение. Мы даже сумели договориться об обмене экспедициями. Расстояние до области обитания акрейлов – так они себя называли – больше 60 тысяч световых лет. Так далеко мы еще никогда не летали, и экспедиция требовала серьезной подготовки... Мы начали готовить экспедицию, но вскоре получили сообщение от акрейлов, что они очень обеспокоены случаями бесследного исчезновения их кораблей. А потом акрейлы замолчали. Совсем замолчали.

Я понимал, что все это может означать. Гибель, причем достаточно быстрая, цивилизации земного уровня означала присутствие в Галактике опасного и беспощадного врага. И вопрос только в том, где и когда мы с ним столкнемся. И будем ли готовы к этой встрече.

Мелисса продолжала:

– Конечно, сейчас мы направляем все усилия человечества на повышение безопасности нашего существования. Мы всерьез начали готовиться к неизбежной войне. Но с кем и с чем мы столкнемся? К чему готовиться? И сколько времени у нас в запасе? Месяц? Год? Тысяча лет? И тот ли это враг, которого мы видим в своих видениях?

То, что я услышал, было столь же устрашающим, сколь и неопределенным. Но очевидно было одно: подобную информацию доносить до человечества нельзя. И хотя ходили смутные слухи о контакте с какой-то новой расой, но ничего тревожного в этих слухах не было. Да и никаких процессов, направленных на усиление военной мощи Земли я не заметил. Хотя... Вот разве что я обратил внимание на увеличение почти вдвое приема в Академию Космофлота... Но связал я это лишь с расширением пространства обитания человечества. И еще, пожалуй, я отметил, что по Сети стали крутить слишком много исторических фильмов о войнах и катастрофах, сериалов о доблестных десантниках и офицерах Космофлота и новых, отлично сделанных фантастических боевиков...

Мелисса вздохнула и опять заговорила:

– Безусловно, подготовка к грядущей войне – это главное. Но есть и другие проекты, которые жизненно важны для Земли, и проблемы, которые не терпят отлагательства. И предстоящая нам операция на Корнезо – из их числа. Давай не будем сейчас думать о бедах, которые то ли случатся, то ли нет, а займемся делами сегодняшнего дня.

Я решил последовать совету Мелиссы и не тревожиться понапрасну о том, что, может, вообще никогда не произойдет. Тем более что я никак не мог повлиять на ход мировых событий.

Мелисса наконец отключилась от пульта управления флаером, и тонкие "усики" втянулись обратно в ее руку. Мы выбрались из флаера и на лифте поднялись на шестой уровень.

– На этом уровне мой коттедж, и тебе я приготовила домик здесь же.

Из лифта мы попали в просторный светлый холл, отделанный белым мрамором. Три широких коридора расходились в разные стороны.

– Вот этот коридор ведет в мой коттедж, – сказала Мелисса, – а сюда – к тебе. Располагайся, отдыхай, обедать будем примерно через час.

Коридор был довольно коротким и заканчивался дверью, открывающейся в холл коттеджа, который частично находился внутри горы. Мне показалось, что лифт, которым мы поднялись, и мраморный холл находились за пределами крейсера, а вот коттедж Мелиссы имел, наверное, вход внутрь корпуса.

Я обошел свое временное пристанище. Большой холл, соединенный широким проемом с гостиной, выходящей на террасу, и спальня-кабинет с двумя дверями в какие-то помещения. Одна дверь открывалась в ванную комнату с небольшим окном, за которым росли кусты на склоне горы. Другая дверь вела в темное помещение без окон. Когда я зажег свет, оказалось, что это – гардеробная со шкафами, стеллажами, вешалками, зеркалами и камерами чистки и стирки. Шкафы и стеллажи были заполнены комплектами мужской одежды, обуви и белья. Размер был мой.

Похоже, Мелисса была уверена, что я пройду сегодня все испытания и появлюсь в этом коттедже. Меня охватило какое-то странное чувство, названия которому я не знал. С одной стороны, мне было приятно, что она верила в меня, заботилась о моем удобстве и готовилась к моему приезду. А с другой стороны, почему-то было грустно, и ждалось сердце, и холодный клинок в груди напомнил о себе.

Я покинул гардеробную и продолжил осмотр. Из холла можно было попасть на кухню, оборудованную по всем правилам, со шкафами и холодильниками, заполненными всеми мыслимыми видами продуктов. С такой кухней можно было провести в осаде не один месяц или принять гостей, десятка два приятелей-сослуживцев.

Я еще немного побродил по комнатам и понял, что мне здесь очень нравится. Если бы я сам устраивал свое жилище, то сделал бы все именно так. Широкие окна распахивались в парк, и между деревьями далеко внизу был виден океан. С террасы ступени спускались на большую площадку, выложенную гранитом и окруженную цветущими кустами жасмина, волны аромата которого сменялись свежим морским дуновением. Под кустами жасмина стояли две деревян-

ные скамейки, а на площадке у небольшого фонтанчика – плетеные кресла с подушками и устойчивый плетеный столик.

В комнатах распахнутые окна прикрывали светлые легкие занавески, которые шевелил ветерок, а раздвинутые шторы были темными и тяжелыми, что позволяло при желании отгородиться от внешнего мира, зажечь вечером настольную лампу и почувствовать себя вне времени и пространства.

Мебели было немного, но диваны и кресла были удобными, а во всех комнатах на столиках или полках в простых вазах стояли цветы. Сначала я удивился тому, что обстановка выглядит очень скромно, особенно в свете тех сведений о состоянии селферов, которые мне только что сообщила Мелисса. Мне довелось бывать у многих своих знакомых в роскошных особняках и помпезных апартаментах, не чета этому жилищу. Но через несколько минут я осознал, что чувствую себя в этих незатейливо обставленных помещениях исключительно удобно и уютно. Это был дом для жизни, причем для жизни очень комфортной. Все было рассчитано до мелочей: размеры и расстановка, формы и расцветка, углы и наклоны, высоты и расстояния, мягкость и фактура, структура и твердость. Дом был гармоничен и радовал все органы чувств человека. Из этого дома не хотелось уходить. Пожалуй, я попал в совершенный дом.

Здесь не было никаких безделушек, только в гостиной на полке лежали большая морская раковина с семью "рогами" и марсианский "пушистый" камень, а на стене над диваном висели две картины в черных деревянных рамах. Похоже, это были единственные "предметы роскоши" во всем коттедже. Но когда я рассмотрел картины, то понял, что ценность картин превышает стоимость нескольких коттеджей, даже таких совершенных. И так просто повесить эти картины на стене в гостевом домике может позволить себе действительно только самый богатый человек планеты.

Я был уверен, что эти две картины – неизвестные миру работы Ольги Маковской из знаменитой серии "Вид из окна", причем не отдельные картины, а диптих. Во всей серии композиция картин всегда была совершенно одинакова: из распахнутого наружу двустворчатого окна с широким подоконником, на котором лежат различные предметы, открывается вид сверху, с высоты нескольких этажей, на некий пейзаж. Отличаются же картины серии видами из окна и натюрмортами на подоконнике.

На картинах, которые висели в гостиной, был изображен вид из окна – пейзаж одной и той же местности: между невысокими холмами были переброшены низкие каменные мосты с короткими пролетами между массивными быками, а вдали на холме стоял небольшой замок с башенками.

Но на одной картине на склонах холмов нежно зеленел еще прозрачный весенний лес, а под мостами лениво текла широкая река. Все было пронизано золотистым предвечерним светом, и только в оврагах между холмами лежали холодные густые тени. Замок, окутанный легкой дымкой, казался конечной целью далекого путешествия, местом, где тебя ждут, и куда ты стремился всю свою жизнь. На широком подоконнике стоял медный кувшин с узким горлышком и крышечкой на цепочке, лежали книги в кожаных переплетах, скрипка и несколько камней, среди которых затерялся марсианский "пушистый" камень.

На другой картине та же местность представляла собой пустыню: желтые холмы, сжигаемые беспощадным солнцем, те же мосты, полузатопленные песчаными барханами, все тот же замок вдали, растворяющийся в полуденном мареве, с бесцветными флагами, уныло повисшими на башнях, дорожки следов на песке, высокое, наполненное какой-то звенящей пустотой белесое небо. В этом пейзаже была своя прелесть, подобная очарованию выцветшего гобелена. А на подоконнике прозрачную стеклянную вазу с ромашками окружала россыпь тропических фруктов, среди которых влажно блестели белым и розовым перламутром разнообразные морские раковины. Между ананасом и манго лежала гроздь морских груш с Корнезо.

Самое большое собрание картин из серии "Вид из окна" находилось в Москве, в музее на Волхонке, и я проводил в зале Маковской долгие часы каждый раз, когда попадал в свой родной город.

Работы Маковской нравились далеко не всем. Кто-то считал, что их реализм граничит с банальным натурализмом, другие возмущались соединением несовместимого в ее работах. А я ее картины очень любил. Они завораживали меня удивительно реалистичными пейзажами несуществующих миров и в то же время тревожили неким привкусом легкого безумия, странностью сочетания предметов в натюрмортах и видов в окнах. Иногда, глядя на картины Маковской, я думал, что начинаю понимать эту логику несоответствия и парадоксальную гармонию реализма изображения и ирреальности изображаемого.

Одной из особенностей "Видов из окна" было абсолютное отсутствие на картинах людей. Но при этом возникало отчетливое ощущение: люди просто случайно не попали "в кадр", еще секунда – и на пейзаже кто-то выйдет из-за угла, появится из-за поворота тропинки, а из комнаты протянется рука взять дымящуюся в пепельнице сигарету или подхватить падающее с подоконника яблоко...

Маковская была странной личностью, она жила уединенно, редко показывалась на публике, пренебрегала мнением искусствоведов. И ее смерть лет 120 назад выглядела тоже странно: она отправилась на Большой Риф поплавать в коралловых зарослях и не вернулась. Через десять дней нашли ее дыхательный аппарат, зацепившийся за кораллы рифа на глубине метров сорока. Были версии и о трагической встрече с акулами, и о самоубийстве...

И вот теперь я разглядывал новые, неизвестные мне картины, в которых, кроме знакомых мне особенностей, было еще нечто иное, что беспокоило меня, но ускользало от моего сознания.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я сообразил, что марсианский "пушистик" на картине – это тот же камень, что лежит на полке в этой же комнате, а рядом с ним – одна из раковин, изображенных на второй картине. Значит, Мелисса приобрела не только сами картины, но и оригиналы, с которых они написаны? Подобного я не видел даже в музеях.

Интересно, если такие ценности так просто лежат в гостевом коттедже, что же находится в ее собственном доме? Может, Мелисса так же, как и я, любит картины Маковской и у нее есть еще какие-то ее работы?

Тем временем приближался обед. Я решил, что картины смогу рассматривать еще столько, сколько мне захочется, но пора бы и привести себя в порядок. Мне надо было принять душ и переодеться. Конечно, космофлотская форма – вещь совершенно особая, но у меня была атавистическая привычка каждый день все-таки принимать душ и отправлять форму в стирку. Умом я прекрасно понимал, что это не сделает нас с формой чище, но мне было приятно постоять под струями воды и надеть "чистую" одежду. Похоже, что и моей форме тоже нравились ежедневные водные процедуры. Поместив форму в камеру, я установил режим "НАНОТЕХ" и "КВАЗИЖИВ", а сам отправился под душ.

После душа я не стал выбирать новую одежду в шкафах, а достал из своего кофра легкие светлые брюки и пеструю рубашку с короткими рукавами и надел легкие сандалии.

Я спустился к фонтанчику, сел в плетеное кресло, стоящее в тени, и стал смотреть на неторопливые океанские волны, накатывающиеся на береговую линию далеко внизу. Вчера примерно в это самое время я так же спокойно сидел в кресле на веранде в лагере археологов и получил странную депешу. Надо же, это было только вчера!

Минут через десять появилась Мелисса и сказала, что обед уже ждет нас на веранде ее коттеджа. Я пошел за ней между кустами жасмина по гранитной дорожке.

С веранды коттеджа Мелиссы открывалась панорама океана с огромным багровым солнцем, опускающимся к горизонту сквозь гряду кучевых облаков.

На веранде был накрыт стол, на белоснежной скатерти мне сразу бросилась в глаза большая супница, над которой поднимался пар, и я почувствовал, что очень голоден. Обед состоял из простых блюд, но как же все было вкусно! Борщ со сметаной был совсем не такой, какой варила мама, но тоже очень вкусный. Я не мог удержаться и попросил налить еще тарелку. Гора котлет в кастрюльке с подогревом мне показалась огромной, но когда я съел шестую котлету, с луком, с хрустящей поджаристой корочкой, то с тоской обнаружил, что котлеты уже закончились. Надо сказать, что и картошка, поданная на гарнир, и помидоры были совершенно необыкновенного вкуса. Оглядев стол, я обнаружил еще блюдо с фруктами и персик в специальной посудине.

– Я вижу, тебе понравилось, как готовит Валентина Петровна. Она хорошо изучила мои вкусы. Удачно, что наши вкусы совпадают.

Я попросил передать мою искреннюю благодарность домоправительнице и заверил Мелиссу, что никогда не ел ничего вкуснее, и при этом совершенно не кривил душой.

– На самом деле, – сказала Мелисса, – дело не только в искусстве повара. Когда мы полетали к острову, ты спросил, что находится на "терриконе". Так вот, там – биостанция. Они заняты исследованиями некоторых инопланетных форм жизни и, кроме того, имеют небольшие сады-огороды и ферму. Все, что мы на острове едим, кроме хлеба и кондитерских изделий, это продукты местного хозяйства. Понятно, что биологи не могут не экспериментировать, и те сорта, что они здесь получают, очень часто становятся генетическими образцами для промышленного производства. Ну, и конечно, все их достижения пополняют хозяйство моего крейсера. То, что ты сегодня ел, – совершенно новые сорта. И мясо – тоже от реальных животных новых пород, еще не запущенное в заводское производство. Ты еще попробуй персик!

Персик был размером с волейбольный мяч. Мелисса, аккуратно сняв с персика часть шкурки, отрезала нам по хорошему ломтику. Сок через дырочки верхней тарелки стекал в поддон. Набралось почти по половине стакана. Пока я ел свой ломтик, отрезая по кусочку острым ножом, сока в моей тарелке набралось еще на треть стакана. Персик был хорош. Я думал, что смогу съесть еще не один кусок, но когда выпил сок, то понял, что – все. Я был сыт и умиротворен. Даже муки несчастной любви временно отступили на второй план.

Мелисса откинулась на стуле и закурила. Какое-то время мы молча наслаждались приятным вечером и закатом над океаном. Высоко в небе уже появились первые звезды.

Мелисса первой нарушила молчание:

– Завтра я расскажу тебе, почему на Корнезо мамы пугают детишек непослушной бабочкой, а сегодня ты свободен, отдыхай.

– Мелисса, а могу я вас кое о чем спросить?

– Если не по службе, то – конечно.

– В гостиной моего коттеджа висят две картины Ольги Маковской, о которых я раньше не знал, – начал я осторожно.

– А что, ты знаешь все ее картины? – спросила Мелисса со странной интонацией.

– Я думал, что знаю, хотя иногда из частных коллекций вдруг появляются новые, ранее неизвестные. Но как только они попадают в каталог Сети, я отслеживаю.

– И что, они тебе нравятся? – интонация Мелиссы была все та же.

– Да. Конечно, мне нравятся многие художники, например, почти все импрессионисты, Грачев, Каменски, Уайдлер. Но картины Маковской – совершенно особенные, их я люблю больше всего. Не знаю, в чем дело, но они действуют на меня очень сильно. Хотя я и не все понимаю.

Мелисса молчала.

– А может, у вас есть еще ее работы? И потом, я обратил внимание, что в моем коттедже на полке лежат "пушистик" и раковина, оригиналы к натюрмортам. Как вы их достали?

– Легко.

– Ну да. Вы, наверное, были знакомы с Маковской?

– В каком-то смысле.

Мы помолчали.

– Мелисса, простите за назойливость, но, если у вас есть еще ее картины, может, вы мне их покажете?

Она вздохнула и со смешком сказала:

– Так они действительно тебе нравятся? Ее работы? Ну, пойдем.

Мы прошли гостиную, на стенах которой не висело ни одной картины, и через холл по длинному коридору попали в большое помещение со стеклянными стенами и потолком, тоже наполовину прозрачным. Эта часть дома была сейчас в тени, и в комнате царил полумрак. Пахло красками и какой-то химией. Мелисса зажгла яркий свет. Помещение оказалось мастерской. Стеллажи, уставленные разнообразными предметами, столы с разбросанными красками и кистями, подрамники с натянутыми холстами, мольберты. Картины без рам, повернутые к стене.

– Так тебе нравятся мои картины? – опять с усмешкой спросила Мелисса и начала разворачивать картины ко мне лицом. Это были "Виды из окна", которых не было в каталогах, картины, которые я никогда раньше не видел.

Наконец она сняла ткань с одного из мольбертов, на котором стояла незаконченная картина, и я прозрел.

– Так Маковская – это вы?!

– Я думала, ты догадаешься чуть раньше. Вот что значит – совершенная легенда прикрытия! Тебе действительно в голову не приходило, что никакой Маковской вообще не существовало?

– Нет...

– И даже когда лет через сто после ее "смерти" стали появляться все новые неизвестные ее картины?

– Нет, даже в разговорах никаких сомнений ни от кого никогда не слышал...

– Вообще-то я попала в собственную ловушку. Я слишком рано ее "погубила". Понимаешь, селферам часто необходимо появляться в обществе в качестве обычных людей, и иногда – людей достаточно известных. Этаким вариантом Гаруна аль Рашида. С этой целью мы выбираем себе время от времени какие-то маски, поддерживая иллюзию реально живущих людей. Сейчас моя маска, как ты видел, Надежда Назарова, молодая балерина, уже получившая некоторую известность.

Мелисса, очевидно, скромничала. Назарова была уже признанной звездой.

– "Маковская" была не просто моей очередной маской. Еще в детстве я подавала большие надежды в живописи, и когда окончила школу, то долго колебалась, куда поступать: в Академию художеств или в университет. Наконец я сообразила, что рисовать смогу в свое удовольствие и без академии, а получить ответ на вопрос "как устроен мир" без серьезного образования невозможно. Первые работы из серии "Вид из окна" были написаны очень давно, еще до Эпохи Глобальных Эпидемий, но они погибли, когда я... – тут Мелисса запнулась, – в общем, в период войн за передел мира после эпидемий. И когда мне понадобилась очередная маска... Нет, – поправила себя Мелисса, – на самом деле, когда у меня появилось свободное время, мне захотелось рисовать, и я решила сыграть роль художницы. Потом в определенный момент мне надоела моя серия, и Маковская исчезла. Но через некоторое время у меня опять начали появляться какие-то идеи. Когда новых картин стало много, я решила устраивать "появления из коллекций". Очень неудобно, но не могу придумать никакого другого варианта.

– А почему нельзя просто объявить правду?

– Алекс, я тебе сегодня уже говорила о чувстве уязвленного самолюбия миллиардов. Понимаешь, эволюция человека как разумного вида достигла критической точки где-то в

двадцатом веке. Это было время массового расцвета талантов, массового появления первых Потенциалов, большинству из которых, к сожалению, не суждено было стать селферами. Чуть ли не целое тысячелетие после этого периода человечество разбиралось с идеями и следствиями идей, родившихся в двадцатом веке. А многие "новые" идеи оказывались забытыми, в свое время не востребованными, теориями и изобретениями. Но главное, что в двадцатом веке человечество начало распадаться фактически на два подвида, поскольку именно с этого периода интеллект стал основным фактором полового отбора.

– Результат сегодня очевиден, – Мелисса усмехнулась, – хотя и не осознан большей частью общества. Двадцать пять процентов населения составляют интеллектуалы, известные как "специалисты", а семьдесят пять – остальные. И эти части общества не смешиваются между собой, более того, они все больше и больше расходятся и генетически, и в образе жизни. Надо сказать, мы прилагаем большие усилия, чтобы факт разделения человечества по уровню интеллекта не бросался в глаза. Слишком хорошо из исторического опыта известно, какие социальные последствия могут иметь место при осознании широкими слоями общества того или иного вида неравенства людей. Даже термины "специалист" и "универсал" придуманы именно с целью маскировки истинного положения вещей. Не случайно очень большая часть специалистов – это психологи и социологи, которые работают именно в области общественных отношений.

– Те, кого мы называем "специалисты", – продолжала Мелисса, – являются и "источником" Потенциалов, и творческой силой в обществе. Понятно, что наиболее яркие достижения, как в науке, так и в искусстве, принадлежат именно Потенциалам и селферам. Ведь талантливый человек талантлив во всем. Но осознание обществом этого факта будет иметь чрезвычайно неприятные последствия. Поэтому большинство селферов занимаются искусством под видом обычных людей, часто даже якобы "универсалов". И мы никогда не выступаем в спортивных соревнованиях, – Мелисса рассмеялась, – потому что это просто нечестно. Но наука и искусство – это другое дело, это мы себе позволяем.

– Мелисса, а чем еще, кроме живописи и балета, вы занимались?

– Ну, не все сразу. Конечно, у меня было не так уж много свободного времени, но кое-что... При случае узнаешь. А теперь я оставлю тебя одного. Можешь рассматривать здесь все что угодно, а у меня сегодня есть еще дела. Когда будешь уходить, просто погаси свет. Пока. Спокойной ночи. До завтра.

И Мелисса ушла, оставив меня одного наедине с ее картинами.

На мольберте стояла картина, пейзаж на которой был завершен. Ночной океан, шторм. Вспышка молнии высветила почти затонувшую каравеллу. В разрывах несущихся в черном небе туч видны были две бледные луны. А на подоконнике распахнутого окна изящная чашечка с дымящимся кофе соседствовала с сетевиком, налобной повязкой для третьего, фасетчатого, глаза и двумя книжными пластинами... Справа на подоконнике оставалось пустое место еще для какого-то предмета, его контуры были слегка намечены, но я не смог разобрать, что это будет за вещь.

Из законченных работ мое внимание почему-то сразу же привлекла картина, на которой из окна был виден раскинувшийся на равнине город, вернее, небольшой городок, пыльный и какой-то сонный. Маленькие домишки производили общее впечатление унылой обшарпанности. Грязные улицы, чахлая растительность, никаких ярких пятен. Тоскливый пейзаж. Даже солнечный свет казался усталым и безрадостным. Скучный мир. А на подоконнике, на небрежно брошенной сверкающей шкуре снежного волка с Альбины, лежали железная палица и железная же шестипалая перчатка с шипами на всех суставах.

Картина производила очень странное впечатление. Я смотрел на нее и почему-то никак не мог оторваться, не мог отвести взгляд и отойти. И чем дольше я смотрел на эту картину,

тем сильнее меня охватывало ощущение тревожного ожидания, какой-то непоправимой предопределенности и безнадежного отчаяния.

Наконец я сделал над собой усилие и отвернулся. Я закрыл глаза и почувствовал, что очень устал. У меня не осталось душевных сил, чтобы рассматривать остальные картины.

Я вышел на улицу. Свежие запахи влажной ночи, изумрудная листва, прозрачная в пробивающихся сквозь нее лучах садовых фонарей, теплый свет из двух окон коттеджа Мелиссы с трудом вытесняли из моего сознания чувство отчаяния, которое вселила в меня эта картина в мастерской. Я вдыхал ночной воздух и повторял себе, что на картине – всего лишь придуманные образы, нигде и никогда не существовавший мир. Но эта картина стояла у меня перед глазами, и глупое сердце ныло от предчувствия грядущей беды, от невозможности ее предотвратить.

Мне не хотелось заканчивать сегодняшний день с этим тяжелым чувством, и я решил немного погулять по парку, прежде чем идти спать.

Я вышел на площадку перед своим коттеджем и посмотрел на звезды. Со дна воздушного океана их было видно так мало, они так приветливо мигали, выглядели такими безобидными...

Постепенно стрекотание ночных насекомых и мерный шум прибора вернули меня к действительности, в которой, насколько мне было известно, ничего плохого сейчас не происходило.

"Пока все идет хорошо!" – вспомнил я известный анекдот... Хотя действительно, для меня пока все шло очень хорошо, так хорошо, как еще вчера не могло и присниться.

Я поднялся на террасу своего коттеджа и немного постоял, глядя ввысь и вслушиваясь в окружающий меня мир. В лунном свете поблекли яркие краски и стерлись контрасты, мелодично журчал фонтанчик, цветы жасмина исходили оглушающим ароматом.

Не зажигая света, я прошел в спальню, благо комнаты через окна освещала луна. А может, я просто не хотел сегодня еще раз увидеть пейзажи с замком? Черт возьми, в чем же фокус в этих проклятых картинах? Почему они просто душу у меня вынимают? "Это сегодня, раньше такого не было, – понял я, – может, дело в том, что сейчас происходит у меня в мозгу? Но я же ничего особенного не чувствую. Только картины достали".

Я улегся на широкую кровать, оказавшись очень удобной. Даже пневмослой не надо было регулировать, он оказался подкачан в точности так, как я любил. Стены спальни были покрыты видеообоями, но мне не хотелось вообще ничего ни смотреть, ни читать. Я включил на стенах заставку "Большие цветы", она была похожа на обои в моей детской спальне в Кавенго, но, когда цветы начали тихонько покачиваться из стороны в сторону, а бутоны открываться, мне стало как-то неприятно, я отключил видеообои, и стены вернули себе спокойный серый цвет.

Я завернулся в простыню, и тонкая ткань превратилась в кокон, отгораживающий меня от всего мира. Я закрыл глаза и думал, что немедленно засну, но как бы не так! События сегодняшнего дня, такого долгого, такого странного и такого важного для меня, мелькали в моем сознании. В какой-то момент я сообразил, в сколь необычном месте я нахожусь. Я лежал в постели в коттедже, стоящем в саду, выросшем на конической крышке верфи, в которой спрятан один из самых больших крейсеров Земли. Мне стало смешно. Я привык находиться глубоко в недрах корабля и представить себе не мог, что буду спать фактически на его поверхности! Забавно.

А в нескольких десятках метров от меня, практически под одной крышей со мной лежит в своей постели – или еще работает? – Мелисса, моя любовь, такая близкая и такая невыносимо недоступная... Мои мысли и чувства приняли вполне определенное и совершенно нежелательное направление. Я напомнил себе, что я – не просто мужчина и не просто человек, а, как сегодня выяснилось, бурно развивающийся Потенциал, который вот-вот проклюнется

в настоящего селфера. Значит, надо учиться управлять своими чувствами. Я стал учиться и очень быстро понял, что не зря Мелисса говорила, что селфером стать очень трудно.

Надо было срочно переключать мысли на какие-то другие проблемы. Краткий обзор самых насущных из них показал, что во всех моих проблемах неизменно присутствует Мелисса. К счастью, обнаружилась проблема под названием "Корнезо", в которой роль Мелиссы мне была пока совершенно не известна, кроме того, что она создала целый Департамент "К" и мы с ней всего через две недели летим на Райское Местечко. Правда, я пока не знал, с какой целью мы туда отправляемся, и в каком качестве туда полечу я.

На Корнезо я еще никогда не бывал. И вообще знал о Корнезо не так уж много. В основном мои представления ограничивались сведениями из курсов Академии и передач по Сети.

Я, конечно, знал, что Корнезо мы обнаружили без малого пятьсот лет назад, что это – планета земного типа у звезды, очень похожей на Солнце. Разумеется, абсолютно одинаковых звезд и планет во Вселенной не существует. Корнезо уступает Земле в плане разнообразия природных условий и запасов полезных ископаемых. Честно говоря, в части полезных ископаемых различия уже в прошлом. Но во многом Корнезо лучше Земли: чуть меньше гравитация, чуть больше кислорода, гораздо более ровный климат, мелкий теплый океан, огромное количество островов, всего один не очень большой материк со спокойным ландшафтом, животный мир не имеет опасных или неприятных представителей. Чрезвычайно удобная, приятная и красивая планета, не планета, а парк, просто рай, поэтому ее все и называют "Райское Местечко". А вот моя мама, когда заходит разговор о Райском Местечке, обычно качает головой и говорит: "Бедная Корнезо!" Я никогда не мог понять, почему – бедная? А мама не объясняла. Да я особенно и не спрашивал. Ведь все знают, что Райское Местечко – лучший на свете курорт, только вот для большинства людей практически недоступный.

Дело в том, что Корнезо является родиной разумного гуманоидного вида, очень похожего на нас, на вид *homo sapiens*.

Главным отличием всего живого мира этой планеты от живого мира Земли является то, что они – "правые". Мы – условно "левые", они – "правые". То есть их ДНК закручены по отношению к нашим ДНК в другую сторону. Мы зеркально-симметричны. Тип пространственной симметрии ДНК есть равновероятная случайность эволюции. На наших планетах ДНК случайно завернулись в разные стороны. В этом факте были и свои плюсы, и свои минусы. На мой взгляд, плюсов было больше.

Главное, что мы не могли заразить друг друга. Мы были взаимно стерильны. У нас – свои вирусы, у них – свои. Особенно важной и удачной эта особенность стала представляться всем после открытия Альбины, тоже "левой", как и Земля, но со своим чудовищным набором супер-активных вирусов и прочей гадости. А с Корнезо в этом плане мы были взаимно безопасны.

Были, конечно, некоторые проблемы с усвояемостью корнезианской пищи, поскольку не только ДНК, но и ряд больших органических молекул, например аминокислоты, были пространственно зеркально-симметричны по отношению к земным. Но проблемы питания – это такие мелочи при наличии больших транспортников!

В общем, мы могли – и хотели! – свободно разгуливать по Корнезо и радоваться прелестям жизни. Попросту говоря, все человечество дружно стремилось отдыхать на Корнезо. И было готово за это хорошо платить, делаясь своими ресурсами, возможностями и достижениями. Но не тут-то было.

Спокойные, дружелюбные, несколько туповатые аборигены оказались неожиданно упрямыми. Они с удовольствием встречали наши экспедиции, прекрасно приняли наше посольство, но почему-то не хотели широких контактов, развития торговли и обмена туристами. Да и свое посольство на Землю они до сих пор так и не отправили. Понадобилось почти триста лет, чтобы уговорить их устроить для нас хотя бы очень маленький курорт.

Может быть, дело в странном, с нашей точки зрения, устройстве их общества? У них нет ни государств, ни местных властей. Просто в каждом поселении обязательно есть особый человек, который имеет право решать некоторые вопросы. Эти особые люди – их называют что-то вроде "гоэ" – появляются в селениях, приплывая с острова Анайри, на который нас, землян, ни разу не приглашали. Странно, но в этом тишайшем, безопаснейшем мире гоэ всегда окружают четыре телохранителя, которые, судя по всему, навечно "прикованы" к нему. "Прикованы" физически: талию гоэ охватывает пояс-обруч из очень прочной местной пластмассы, к которому длинными плетями-цепями присоединены пояса его телохранителей. В поселениях не бывает больше одного гоэ. Когда приплывает новый, прежний возвращается обратно на Анайри. Гоэ встречаются на праздниках, когда вместе собираются жители разных селений и островов, но особо тесных контактов между гоэ мы не наблюдали. Они всегда держатся обособленно. Гоэ с телохранителями обычно живут на окраине поселений. Иногда их зовут для каких-то дел, иногда они приходят к жителям сами. Но гоэ решают не все вопросы. Есть какие-то вопросы, которые решают только женщины селения, собравшись вместе, тихо поговорив и попев свои песни...

Тем не менее, корнезианцы как-то ухитряются формировать общее мнение в планетарном масштабе и сообщают его нам через ближайшего гоэ. С тех пор как здесь открылось наше посольство, с землянами обычно официально контактирует очередной гоэ острова Лалуэ, острова, который аборигены согласились предоставить землянам сначала для размещения посольства, а потом и для открытия курорта. Надо сказать, что гоэ Лалуэ и другие гоэ, как и вообще многие корнезианцы, равно мужчины и женщины, часто посещают посольство и проводят с удовольствием время в компании землян. Они с интересом слушают рассказы о Земле и о нашей жизни. Но не более того. Их любопытство никогда не переходит в фазу действий.

О жизни же своего общества, казалось бы, такой простой и даже примитивной, аборигены рассказывать не склонны. От обсуждения нежелательных тем они всегда ловко ускользали. Этому весьма способствует одно из их физических отличий от землян: корнезианцы имеют существенно больший частотный диапазон произносимых и слышимых ими звуков. Нас они слышат прекрасно, а мы услышать в их языке можем только часть звуков, и для общения нам необходимы трансляторы, главная проблема которых – полнота словаря. Если бы не селферы, мы вообще понимали бы и знали бы только то, что корнезианцы сами захотели бы нам сообщить.

Замечу, что и мы, конечно, не так уж наивны и тоже не абсолютно искренни. Не обо всех наших возможностях аборигены должны знать, не обо всех наших деяниях мы обязаны их информировать. У нас, жителей Земли, такой богатый исторический опыт в части хранения секретов и тайн... Очевидно, что в посольстве аборигены знакомятся с хорошо отселективированной информацией. А туристов мы снабжаем транслятором с весьма ограниченным словарем и на время пребывания на Корнезо вставляем им обязательный процессор-блокатор, чтобы простой человек не сболтнул чего лишнего. Поэтому аборигенам ничего не известно о селферах и их возможностях.

Но проблема словаря – не единственная во взаимоотношениях наших цивилизаций. Так, дружелюбные и покладистые корнезианцы установили несколько жестких запретов, действующих для всех землян без исключения.

Самый главный – это запрет на посещение материка. На Корнезо – огромное количество больших, средних и маленьких островов и всего один материк, немногим больше Австралии, находящийся в северном полушарии в довольно высоких широтах. Так вот, нам безо всяких объяснений запрещено его посещать. Надо сказать, сами корнезианцы на материке тоже совершенно не бывают и даже не живут на ближайших к матерiku островах.

Конечно же, мы не нарушаем договоренностей и запретов. Но то, что не запрещено – разрешено, не так ли? Естественно, несколько наших спутников непрерывно наблюдают за всей

планетой, и в том числе за материком. И как ни странно, за четыре с лишним сотни лет наблюдений ничего особенного не обнаружено! Можно даже сказать, вообще ничего. Сплошь заросший лесом материк. Никого. Ничего. Даже животных крупных нет, так, мелочь. Даже гор приличных нет, даже крупных рек. Разве что пожары порой случаются, естественно, после гроз. Ну, если бы еще и гроз на Корнезо не бывало, это была бы уже не планета, а утопия. Особенно внимательно мы изучали ландшафты после пожаров, когда обнажалась почва, обычно укрытая буйной растительностью. Но нет, ничего интересного, никаких следов человеческой деятельности. С помощью спускаемых зондов тоже ничего не нашли, ни странного, ни особенного, ни опасного. Может быть, мы просто не понимаем, что надо искать?

Запретной зоной объявлен еще и остров Анайри, обитель гоэ.

Помимо этих запретных зон землянам, ученым и сотрудникам посольства разрешено бывать где угодно и когда угодно, а вот туристы вне острова Лалуэ могут путешествовать только в составе экскурсий. Вот с последним ограничением лично я совершенно согласен!

Первое время основные наши исследования касались системы Корнезо, но звездники и планетологи быстро разобрались со всеми своими вопросами, поскольку с точки зрения космологии все объекты системы совершенно обычны и никакого интереса не представляют. А вот поле деятельности для биологов, лингвистов, этнографов, психологов и социологов на Корнезо оказалось весьма обширным.

Поскольку Корнезо была бедна металлами и органическими энергоносителями, цивилизация здесь, в отличие от земной, техногенной, имеет ярко выраженный биологический характер. Аборигены чрезвычайно эффективно используют ресурсы живого мира планеты, в основном ресурсы океана, который дает не только разнообразную растительную и животную пищу, но и огромное количество различных продуктов, вырабатываемых морскими растениями и животными. Даже те металлы, небольшое количество которых аборигены все-таки используют, получают при сжигании определенных водорослей, богатых железом, никелем, вольфрамом и медью. А серебро, золото и алюминий накапливаются в особых органах у животных типа скатов, причем эти органы аборигены удаляют у живых скатов раз в три-четыре года, после чего они отрастают новые такие же органы, и так в течение всей их долгой жизни. Волокна для своих прекрасных тонких тканей корнезианцы также получают из водорослей. Несколько видов пластмасс производятся при смешивании соков разных водорослей, иногда с добавлением крови морских животных. Раковины моллюсков тоже широко идут в дело. И так далее. Даже свои жилища, обычно одно- или двухэтажные, они строят с использованием даров моря.

Надо сказать, что корнезианская цивилизация задала нашим биологам несколько загадок.

В первую очередь, до сих пор непонятно, почему так мала их численность. Корнезианцев всего сто с небольшим миллионов, причем их численность сохраняется практически неизменной, как удалось установить, уже несколько тысяч лет. А ведь Корнезо может легко вместить и прокормить не менее пяти миллиардов.

А то и все пятнадцать, если учесть еще одну загадку аборигенов: они немного автотрофы, фактически частично растения. Другими словами, в их крови содержится пигмент типа хлорофилла, который на свету является катализатором синтеза сахаров из воды и углекислого газа. Поэтому в организме аборигенов никогда нет недостатка в энергии и углеводах, им достаточно выпить воды и выйти подышать на солнышке, таком богатом ультрафиолетом. Хлорофилл в крови и придает их коже отчетливый приятный зеленоватый оттенок, который усиливается на солнце и почти не заметен в тени. Так что, собственно, пищи им требуется не так уж и много, в основном для восстановления запаса микроэлементов и отдельных белков, которые не синтезируются в их организме.

Наши биологи уже лет четыреста пытаются научиться проделывать фокус с внедрением хлорофилла в метаболизм человеческого организма, но, увы, такой фокус выходит только у селферов. Но селферы еще и не то могут.

Удивительно, что корнезианцы при этом являются единственным видом на планете, который представляет собой и животное, и растение одновременно. Удивительно, но биологи до сих пор не смогли обнаружить предков корнезианского разумного вида. Конечно, аборигены – порождение Корнезо, этому есть тысячи доказательств, но вот от кого они могли произойти, совершенно не понятно.

В общественной жизни корнезианцев странностей, с точки зрения землян, еще больше.

Общество на Корнезо носит ярко выраженный "патриархальный" характер. На всех островах в небольших очень похожих друг на друга поселениях течет спокойная, неторопливая жизнь. Практически натуральное хозяйство, нет никаких общественных производств, промышленных и культурных центров, нет торговли, нет науки, нет миграций, нет информационных коммуникаций... При этом на всей планете – единый язык, даже без диалектов, общество очень однородное, отсутствуют видимые конфликты, нет даже следов никаких религий, нет властей в нашем понимании, нет политики, нет общественных движений. Даже из искусств у них имеются только аудиоформы и прикладные изобразительные виды, направленные на украшение жилищ, быта и человека.

Такая вот однообразная, безобидная и вялая цивилизация. Неподвижная, неизменная на протяжении тысячелетий. Цивилизация без истории, застывшая на золотом песке океанских пляжей.

Одни земные ксеноисторики и ксеносоциологи использовали для характеристики цивилизации Корнезо термины "стагнация" и "застой", а другие – "гармония с природой" и "общественное равновесие". Однако ни те, ни другие не смогли вразумительно объяснить ее особенности, в том числе определенной скрытности в отношениях с нами и нежелания расширения связей с Землей.

Тем не менее, за половину тысячелетия неразгаданные загадки Корнезо утратили свою свежесть и новизну. К особенностям Корнезо просто привыкли, тем более что никаких событий там не происходило.

Единственным событием, связанным с Корнезо после ее обнаружения, причем событием, суперважным для Земли, стало открытие на острове Лалуэ курорта.

Эта мечта землян сбылась почти двести лет назад, когда корнезианцы наконец-то согласились отдать нам в аренду этот остров. Понятно, что с этого момента научные загадки Корнезо стали мало кого, кроме специалистов, интересовать.

Курорт "Райское Местечко" стал целью и символом удавшейся жизни для миллиардов землян. Посетившие курорт не только становились местной достопримечательностью, не только хранили в семьях, как драгоценность, сувениры с Корнезо, но часто постоянно носили особые золотые значки в форме острова Лалуэ с буквами РМ из мелких бриллиантов, и даже делали себе на скуле золотом и брильянтовой крошкой вечную татуировку аналогичного вида.

Побывать на курорте "Райское Местечко" можно четырьмя способами: в качестве туриста, в качестве работника Курортной Сферы Обслуживания – КСО, в составе бригады артистов и в составе команд лайнеров, курсирующих между Землей и Корнезо.

Остров Лалуэ невелик, и именно это обстоятельство ограничивает количество одновременно отдыхающих там туристов. Каждый заезд – десять тысяч человек. Смена – три месяца. В год курорт посещают, таким образом, сорок тысяч отдыхающих. Сфера обслуживания курорта состоит тоже из десяти тысяч работников с контрактом на два года, причем обновление состава происходит в скользящем режиме. Конечно, иногда кто-то по каким-то причинам покидает "Райское Местечко" раньше окончания срока контракта, но это случается довольно редко.

Артистов обычно набирается сотен пять-шесть. Бригада не только выполняет миссию развлечения туристов, но и выступает перед аборигенами, которые всегда с нетерпением ожидают, когда очередная группа земных артистов прибудет на гастроли на ближайшие острова. А некоторые корнезианцы даже специально приезжают на концерты и фестивали на Лалуэ.

Исключительным успехом всегда пользуются цирковые представления, выступления театральных групп и танцевальные номера, поскольку ничего подобного на Корнезо нет. Нашу музыку и пение корнезианцы принимают снисходительно, если музыкальные инструменты имеют хорошие частотные фильтры и не производят лишних звуков, неконтролируемых слухом землян. В культурную программу, осуществляемую бригадой, входят также передвижные выставки предметов искусства и исторических ценностей Земли, а также фестивали старых и новых голофильмов, постоянными хитами которых становятся обычно комедии и любовные мелодрамы. Некоторые комедии, например "Приключения Марика", аборигены готовы смотреть раз по двадцать, каждый раз одинаково впадая в восторг. Им явно не хватает событий и переживаний.

Перевозки между Землей и Корнезо осуществляют большие транспортники типа моего "Джо", переделанные в пассажирские лайнеры. Конечно, для обслуживания в полете туристов, артистов и пассажиров, состоящих из специалистов-ученых и работников посольства, кроме обычной команды на лайнере летает небольшая армия разнообразного обслуживающего персонала численностью шесть тысяч человек, Корпус Стюардов.

На линии работает пять таких лайнеров, носящих имена самых известных фантастических миров, придуманных древними писателями. Это "Арракис", "Барраяр", "Коннекис", "Маджипур" и "Олассон". Поскольку полет между Землей и Корнезо длится три месяца, то шесть месяцев, по дороге туда и обратно, туристы должны развлекаться на корабле. Конечно, на больших транспортниках хватает места для разнообразных кафе и ресторанов, залов и залчиков, бассейнов и спортивных площадок, но существенной частью развлечений в полете являются территории лайнера, оформленные в соответствии с миром, в честь которого назван тот или иной корабль. Среди туристов бывает много народа, стремящегося попасть на вполне определенный корабль, чтобы пожить в мире своей мечты. Такие туристы меняются очередью и готовы ждать чуть ли не лишний год, чтобы попасть на определенный корабль. Те, кому такая театрализованная обстановка не по душе, живут в семизвездочных апартаментах, оформленных совершенно традиционно.

Понятно, что для решения всех вопросов, связанных с "Райским Местечком", в Комитете по Туризму и Отдыху существует особый Департамент "РМ", штат которого составляет больше половины штата всего Комитета ТО. И главное, чем занимается Департамент "РМ", это очередь на "Райское Местечко". Комитет ТО отвечает за половину заезда, за пять тысяч мест, билет на которые можно купить. Понятно, что билеты фантастически дорогие, но количество желающих никогда не уменьшается. Многие копят деньги лет по сто, чтобы попасть на "Райское Местечко". Чтобы получить место в очереди, надо заплатить аванс в четверть стоимости билета и ждать как минимум лет двадцать, пока подойдет твоя очередь. Если к этому моменту ты не можешь внести оставшуюся часть суммы, то можешь поменяться очередью с тем, у кого денег в этот момент хватает. Некоторые предусмотрительные родители занимают очередь для своих детей, внося аванс на билет, как только ребенок рождается. Очередь можно подарить, завещать и т.п. Бывали редкие случаи, когда люди по каким-то причинам просто продавали свою очередь. И всем этим занимается Департамент "РМ". Он же занимается и подбором обслуживающего персонала на "Райском Местечке".

Получить работу на "Райском Местечке", да еще на два года – заветная мечта любого универсала. Но какой квалификацией надо при этом обладать! Надо пройти строжайший предварительный генетико-психологический отбор, а затем победить в профессиональных конкурсах, проходящих по олимпийской системе, и только тогда ты попадешь в список претендентов. Впрочем, очередь претендентов гораздо короче очереди туристов, и ждать отправки по контракту приходится каких-нибудь два-три года. Важно за это время не утратить квалификацию и пройти окончательную проверку перед заключением контракта.

Еще пять тысяч мест в каждом заезде распределяются Всемирным Советом и его Министерствами и Комитетами по Спорту, по Культуре, по Образованию и Профессиональной Подготовке, а также общественными организациями. Все эти образования имеют свои квоты, безобразная борьба за передел которых происходит на каждом заседании Всемирного Совета, что мы и имеем счастье постоянно наблюдать в Новостях. Эти пять тысяч мест распределяются бесплатно между победителями всевозможных конкурсов, фестивалей, олимпиад, соревнований и т. д. и т. п. И если заработать деньги на отдых на "Райском Местечке" реально имеют шансы только специалисты, то получить билет на Корнезо, победив в каком-нибудь конкурсе типа "Кто дальше плюнет?", может надеяться любой универсал.

Теперь, после сегодняшних разговоров с Мелиссой, я понял, что все, связанное с "Райским Местечком", – хорошо продуманная социальная политика селферов.

Служить в Космофлоте на лайнерах трассы Земля-Корнезо стремятся многие, и это понятно. Вся команда и Корпус Стюардов при каждой парковке на орбите Корнезо имеют право на три дня отдыха на Лалуэ, поскольку выгрузка-погрузка пассажиров и грузов обычно длится дней семь-восемь. Капитанами и старшими офицерами на этих лайнерах служат ветераны с особыми заслугами, те люди, на примерах подвигов которых воспитывают курсантов Академии, люди, чьи имена навечно вписаны золотыми буквами в историю Космофлота.

Кстати, я вспомнил, что месяц назад на Корнезо ушел "Маджипур", капитан которого Джордж Тимурович Вельяминов, ему я сдавал в Академии курс "Стратегия и тактика использования двигателей различных типов при межзвездных перелетах". Тут я стал по привычке прикидывать план использования двигателей на трассе Земля-Корнезо – и почему-то никак не мог припомнить, в каком Галактическом рукаве расположен Маджипур, поэтому у меня никак не сходилась баланс времени полета туда и обратно...

Я рассчитывал полеты между Землей и Корнезо, но все время оказывался то на Маджипуре, то на Краю Света, где Начальник Стройки вместе с Руководителем Экспедиции у костра в степи под гитару проникновенно исполняли "По рукавам Галактики скитаясь, я забывал о собственной звезде...". А когда я опустился на Арракис, он же Дюна, к моему шаттлу со всех сторон устремились песчаные черви, которыми управляли люди с пронзительно синими глазами, и когда уже из огромных глоток червей повеяло жаром их внутренних вечных топок, Мелисса взяла меня за руку и сказала: "Мы летим на Корнезо", но в рубке "Джо" второй пилот, Стив Попов, сверкая своим третьим глазом, повязка с которого была снята и лежала на панели управления, у окна, распахнутого в пространство с видом на Крабовидную Туманность, повторял страшным голосом: "Я не могу отключить двигатели Вульфа!", а на экранах уже высвечивались координаты Солнечной системы, и Вельяминов, стоя у доски, объяснял, почему нежелательно, находясь в пылевом облаке, менять режим работы параллельно включенных Ф-двигателей...

Я проснулся, перевернулся на другой бок и тут же попал в знакомый кошмар, который, с разными вариациями, последние годы снился мне регулярно.

... Я очень спешил, но двигался мучительно медленно, как в воде, по бесконечным коридорам орбитальной станции "Альбина-3" в поисках того единственного человека, чей коммуникатор еще передавал сигнал "ЖИВ". Он должен был быть где-то здесь, во внутренних блоках станции, но вокруг я видел только необратимо, бесповоротно мертвых людей, вернее, то, что было когда-то людьми, и что трудно было теперь узнать под пузырящимися наростами, выпирающими из форменной одежды. На мне был скафандр высшей защиты, потому что только он мог выдержать в потоке горячей плазмы время, необходимое для надежной стерилизации. На переднем щитке скафандра пламенел орден "Пурпурной Звезды", который я потом, гораздо позже, получил за свои действия на "Альбине-3". Но это меня почему-то не удивляло, я только беспокоился, что орден не выдержит стерилизации и сгорит в потоке плазмы. Я шел через лаборатории, заглядывал в жилые помещения и видел только изуродованные трупы. Наконец

я добрался до блока консервации, где обрабатывали и хранили в криокамерах биологические образцы, прошел через тамбуры с герметичными дверями и увидел в одном из морозильников белое лицо Стефана. Дверца соседнего морозильника была распахнута, и, заглянув туда, я обнаружил свой санитарный блок на "Джо", где в альфьюритовом бассейне плавала Барракуда, которая спросила голосом Мелиссы: "Так тебе нравится, как я танцую свои картины?" На площади унылого пыльного городка Надя крутила бесконечные фуэте, а на ее правой руке была надета железная шипастая перчатка. Мама подошла ко мне и сказала: "Саша, у женщин такая обманчивая внешность!" И тут, наконец, пламя охватило меня и морозильник со Стефаном внутри, и я сквозь скафандр почувствовал жар бушующей плазмы...

Я проснулся в холодном поту, судорожно дыша. Я лежал на кровати в коттедже, на острове Мелиссы, на планете Земля. Была еще глубокая ночь. Я включил ночник, встал, зашел в туалет, потом на кухню и достал из холодильника бутылку минеральной воды, открыл ее и стал пить прямо из горлышка. Этой же ледяной водой я умыл лицо. Бутылку с остатками воды я взял с собой в спальню и поставил на полку у кровати, лег, погасил ночник.

Я закрыл глаза, но сон никак не шел. Я хотел бы забыть "Альбину-3", но не мог.

Это был мой второй полет в качестве капитана "Джо". Полет к Альбине не был плановым рейсом, туда регулярно ходит "Виктор Синицын". Мой "Джо" направлялся на Фризу, просто по дороге мы должны были сделать небольшой крюк и закинуть тонн двадцать оборудования на орбитальную станцию "Альбина-3". Уже в системе Альбины, за подлетный час к станции, с "Альбиной-3" внезапно прервалась связь, а через восемнадцать минут после этого по всем коммуникационным каналам завыл сигнал высшей опасности "ВО".

Станция была на орбите, внешне выглядела совершенно нормально, но попытки установить хоть какую-то связь закончились ничем. Вдруг на одной из частот, предназначенных для связи внутри станции, удалось обнаружить слабый, пробивающийся из внутренних помещений, единственный сигнал "ЖИВ", подаваемый чьим-то личным коммуникатором. Сканирование станции не обнаружило никаких технических неполадок. Видимо, беда случилась с людьми.

По "Инструкции..." положено было отправить на станцию разведгруппу, но это была Альбина, и беда с людьми могла быть только одна: очередной супервирус. К сожалению, даже Космофлоту не чужды бюрократические проволочки, и "Инструкция..." еще не успела учесть все аспекты работы на Альбине.

Если бы не сигнал "ЖИВ", я просто сразу же в нарушение любых инструкций отправил бы станцию со всем ее содержимым к местному солнцу, и не успокоился бы, пока не убедился, что она сгорела в звездной топке. Если бы на "Джо" был селфер, на поиск живого человека отправился бы он. Но ни одного селфера на борту моего корабля в том полете не было.

На самой Альбине постоянно работали два селфера. Я немедленно, как только осознал ситуацию, связался с ними. Но они в это время сопровождали экспедиции непосредственно на поверхности планеты и оставить там без страховки десятки людей не имели права. Чтобы вернуть экспедиции в центральный лагерь, в приемлемый уровень безопасности, требовались часы, которых у последнего живого на "Альбине-3" скорее всего не было.

Я не мог ни уничтожить станцию с живым человеком, ни выполнить "Инструкцию...", рискуя жизнью членов моего экипажа, отправляя разведгруппу почти на верную мучительную смерть. А сигнал "ЖИВ" не умолкал.

Я мог рискнуть только своей жизнью.

Главная проблема была в возвращении на корабль. Учитывая невероятную живучесть и приспособляемость супервирусов Альбины, что лишний раз подтвердила гибель персонала станции, было ясно, что при возвращении на корабль мне и выжившему человеку со станции, если получится его спасти, ограничиться стандартными процедурами стерилизации невозможно. Мы полагали, что человек на станции выжил только потому, что в момент, когда вирус

вырвался на свободу, он был по какой-то причине облачен в скафандр высшей защиты. Никакого другого варианта возможности уцелеть на зараженной станции мы вообразить не сумели.

Все оставшееся время подлета к Альбине мы с офицерами "Джо" пытались придумать такой способ стерилизации скафандров, который был бы надежнее всех способов, применявшихся до сих пор. В итоге я лично отрегулировал на минимально возможный уровень мощности один из детонационных реактивных двигателей "Джо". В камере этого двигателя человек в скафандре мог продержаться, по расчетам, секунд тридцать. Этого должно было хватить для надежной стерилизации. Регенерационные камеры, конечно, тоже были наготове.

Когда "Джо" подошел к "Альбине-3", я передал командование своему старпому, Елене Гольдберг. Мне помогли надеть скафандр, и я в шлюпке отправился к станции.

К счастью, вся автоматика станции была исправна, и я без проблем попал внутрь. В момент трагедии, как потом выяснилось, на станции находилось четыре тысячи триста восемнадцать человек. Умирали они тяжело, но, видимо, достаточно быстро. Многих агония застала непосредственно на рабочих местах, ведь они готовились принять грузы с моего корабля, все знали, что "Джо" уже в системе. Но большинство успели выбраться в коридоры, видимо, надеясь найти там помощь, и умирали уже там.

Я шел по коридорам, которые казались мне бесконечными, обходя трупы, перешагивая через еще совсем недавно живых людей, которые теперь представляли собой всего лишь биомассу для недолгого пиршества чужой агрессивной жизни. Я не мог себе позволить отвлекаться на эмоции, тратить время на тех, кому нельзя было уже ничем помочь. Я спешил найти того, кто был еще жив.

Как позже выяснилось, очередная экспедиция с поверхности Альбины прошла все процедуры стерилизации и люди, как положено, провели в карантинных блоках стандартные две недели, после чего, совершенно здоровые, как все в этом были убеждены, вышли во внутренние помещения станции. Судя по всему, кто-то из них в этот раз "прихватил" с собой с поверхности Альбины особо устойчивый к стерилизации кристаллизованный вирус, который в карантине "проснулся", попал в человеческий организм, "освоился" там и, чрезвычайно быстро мутировав, начал взрывообразно размножаться через два дня после того, как человек покинул карантин.

Когда у первого носителя нового вида вируса появился на коже крошечный пузырек, наполненный мутной жидкостью, "Джо" как раз вошел в систему.

В это время Стефан Валенски, один из известных биологов, уже четвертый год работающий на станции, в герметичном блоке заканчивал консервацию очередной партии биообразцов, и камера глубокой заморозки была уже готова к ее принятию. И тут по внутренней сети ему позвонил его молодой коллега, Саша Смирнов, и, поскольку "Джо" был уже на подходе, пригласил пойти пообедать пораньше, чтобы потом спокойно заниматься приемкой заказанного оборудования. В процессе разговора Стефан увидел, как у Саши на лбу возник прозрачный пузырек и тут же лопнул. Валенски сумел мгновенно понять, что это означает. Он переключился на рубку. Там находились два связиста. Они корчились в судорогах на полу, а кожа на их лицах и руках уже пузырилась и "вскипала". Они не реагировали ни на его призывы, ни на вызовы с "Джо". Но Валенски заметил, что у одного из них височный процессор был все еще подключен к аппаратуре рубки. Стефан через свой процессор вошел в коммуникационную систему станции и соединился с каналом, к которому был подключен связист. Стефану пришлось практически слить свое сознание с сознанием агонизирующего, полуразрушенного мозга и заставить умирающего человека приподняться и задеть рукой один из красных тумблеров аппаратуры. Это судорожное движение включило сигнал "ВО", который и предупредил наш корабль.

Стефан был очень хорошим биологом и опытным космофлотчиком. Он чрезвычайно быстро и, как оказалось, совершенно правильно оценил ситуацию и просчитал все варианты

развития событий. В самом плохом варианте погибали все люди на станции, включая его самого, весь экипаж "Джо" и, возможно, какая-то часть человечества. В хорошем варианте, если бы экипаж "Джо" разобрался в ситуации, станция со всеми без исключения людьми, живыми и мертвыми, должна была бы быть уничтожена. Существовал еще почти невероятный вариант, что его и других выживших, если они еще есть, сумеют спасти.

Стефан был мужественным и трезвым человеком. Он решил, что имеет смысл не просто надеяться на невероятный вариант фантастической удачи, а попытаться повысить свои шансы выжить и постараться максимально облегчить задачу спасателям, если будет проводиться операция по спасению.

Ситуация на станции была парадоксальной: самое, как считалось, опасное место, консервационный блок, в котором находился Стефан, оказалось сейчас самым безопасным. Заражена была вся станция, а он был надежно изолирован глубоко внутри смертельно опасной зоны.

Стефан понимал, что выходить из герметичного блока в обычном биоскафандре нельзя. Этот скафандр был рассчитан на стандартные процедуры стерилизации, которые в данном случае оказались недостаточными. Он прекрасно понимал, что единственный абсолютно надежный способ стерилизации – высокотемпературное пламя – биоскафандр выдержать не мог.

Тут его взгляд упал на готовую к приему образцов криогенную камеру. Она явно лучше биоскафандра была способна какое-то время держать температуру в тысячи градусов. Но она была невелика. Один человек мог бы с трудом втиснуться туда. Но воздуха в объеме камеры было слишком мало, чтобы человек продержался в течение времени, необходимого для того, чтобы вынести камеру со станции, доставить на "Джо" и обработать. За это время мозг, лишенный кислорода, погибнет, и никакая регенерационная камера уже не поможет. Кислородные баллоны от биоскафандра были слишком велики, и человек с ними в криокамеру не помещался. Стефану надо было придумать, как выжить без кислорода примерно полчаса.

Валенски очень хорошо знал, что все организмы Альбины, а также некоторые земные насекомые и даже один вид земных лягушек – американская лесная – способны совершенно безболезненно переносить глубокую длительную заморозку, именно этими вопросами он занимался много лет. Однако человек – не лягушка.

Собственно, одна из проблем, ради решения которых работали, рисковали жизнью и умирали на Альбине люди, была задача создания технологии криогенного анабиоза, и эта задача для человека пока что решена не была. Вода, находящаяся в клетках человеческого организма, при низких температурах кристаллизуется, и образующиеся острые мини-кристаллы разрушают структуру клеток. Организмы Альбины, как и отдельные организмы Земли, постоянно или сезонно накапливают в клетках вещества, чаще всего сахароподобные, которые при заморозке предотвращают образование водных кристалликов и разрушение клеток. Для человека такие вещества подобрать пока не удавалось.

Но! Во-первых, у него не было другого выхода. Во-вторых, он хотел лишь того, чтобы его мозг не погиб в течение нескольких десятков минут. Он надеялся, что охлажденный мозг, а он беспокоился сейчас только о собственном мозге, будет жить без кислорода достаточно долго, и эта надежда основывалась на многих научно подтвержденных фактах. И еще он надеялся, что недавно полученная им модифицированная глюкоза может оказаться тем самым подходящим веществом для технологии криоанабиоза человека...

Все препараты были под рукой.

Стефан понимал, что ситуация разрешится тем или иным образом в течение двух-трех часов. Подготовка организмов к криогенизации требовала много времени, и он, решившись, сразу начал вводить себе в кровь модифицированную глюкозу. Но через некоторое время Стефан понял, что процесс идет слишком медленно. Тогда он забрался, скрючившись, в криокамеру и, не закрывая дверь, пил залпом стаканами эту глюкозу, молясь богам, чтобы его не начало рвать и чтобы сознание не отключилось слишком быстро. Когда Стефан уловил, что

перестает контролировать ситуацию, он сумел еще ввести в артерию на шее последний шприц с глюкозой. Как он захлопнул дверь камеры, он уже не помнил.

Так я и нашел его, белого и покрытого инеем, с лицом, притиснутым к смотровому лючку камеры, со шприцем под подбородком. Я был прав, что торопился. Я успел. К счастью, криокамеры были мобильными, на колесиках. Мне даже не пришлось отдираТЬ от пола морозильник со Стефаном, надо было только отсоединить кабели и шланги.

Я бежал по кораблю, как никогда раньше не бегал, и толкал перед собой морозильник со Стефаном. Должен признаться, у меня не всегда получалось объезжать человеческие останки. Но я говорил себе, что им уже все равно. В скафандре полной защиты есть сервоприводы, но они работают медленно, и я их отключил. Вот когда я пожалел, что никогда серьезно не занимался спортом! Минут через десять мне уже казалось, что легкие мои выгорели без всякой плазмы, а горло, казалось, долго терли наждаком. Пот застилал глаза, сердце бешено колотилось, а мышцы вообще отказывались работать. Я добрался до выходного тамбура станции, как говорится, "на зубах" и буквально заполз в шлюпку, волоча за собой криокамеру.

Отдышавшись несколько секунд, я по связи дал команду завести шлюпку в камеру двигателя "Джо". Я надеялся, что замороженный человек в железном ящике не успеет прожариться весь целиком за рассчитанные тридцать секунд стерилизации. Еще я приказал отправить станцию и мою шлюпку к звезде для уничтожения. Не знаю, как мой экипаж сумел разобрать мои команды, я не говорил, а страшно сипел и шептал, но, спасибо, экипаж меня не подвел, все сделал правильно. Когда шлюпку завели в камеру двигателя, я из последних сил вытащил из нее криокамеру, дал команду выводить шлюпку наружу, после чего прохрипел: "Включайте". И тут я сообразил, что слабым местом в морозильнике является смотровой лючок. Все, что я успел сделать – прижаться к нему животом и крепче обхватить криокамеру руками, застопорив сервоприводы скафандра. Уже зажмурившись, под опущенным забралом шлема я успел зафиксировать ослепительную вспышку и потерял сознание.

Потом мне рассказали, как с меня срезали остатки скафандра и формы вместе с кожей и кусками мяса. Как выглядел Стефан, с которого бессмысленно было что бы то ни было срезать, потому что то, что не обуглилось, было кристаллизовано (увы, надежды ученого!)... Но мозг его уцелел, и осталось неповрежденным некоторое количество костной ткани, что позволило запустить регенератор, из которого Стефан вышел через пять месяцев уже на Земле. Я же выбрался из регенератора, когда "Джо" был на подходе к Солнечной системе, и даже находился на мостике при заходе в Лунный Док, можно сказать, привел корабль домой. Конечно, на мостике я стоял в обычной одежде, поскольку моя форма не вынесла плазменной стерилизации, она очень многое взяла на себя, я благодарен ей за выполненное до конца предназначение.

Расследование трагедии и анализ действий всех участников операции показали, что все – и Стефан, и команда "Джо", и я – действовали единственно верным образом. Двадцать шесть человек получили различные награды, а мы со Стефаном – ордена "Пурпурной Звезды". Церемонию вручения наград даже показывали в Новостях по Сети.

"Инструкция..." вышла в новой редакции с учетом трагедии на "Альбине-3". Кроме того, были разработаны усовершенствованные методы стерилизации, модифицированы биоскафандры, и теперь на каждой из орбитальных станций Альбины постоянно находится, по крайней мере, один селфер...

Стефан жив и здоров, но в экспедиции больше не ездит, он теперь преподает в Академии ксенобиологии.

Новую форму мне вырастили довольно быстро, поскольку все характеристики моего образца в мастерской Космофлота имелись. Но абсолютно точных копий быть не может, и с клоном моей формы мы привыкали друг к другу несколько долгих месяцев, пока не стали идеальными симбиотами.

Я заснул, когда солнце уже всходило, и кошмары меня отпустили. А потом сны стали приятными, даже слишком приятными. Проснувшись, я с грустью подумал, что до селфера мне еще очень и очень далеко, поскольку я не могу пока управлять не то что снами, но даже мыслями наяву и простейшими функциями своего здорового мужского организма. Я пошел в ванную и минут десять простоял под прохладным душем.

Моя чистая форма уже ждала меня за дверцей камеры освежителя. Было бы разумно надеть форменные белые брюки, их конструкция предотвращала возникновение неловких ситуаций, неизбежных, когда на кораблях в тесном круглосуточном контакте могут находиться довольно длительное время смешанные коллективы. Именно эти брюки позволили мне достойно держаться перед Мелиссой даже под действием "РЛ-46". Но, несмотря на все их замечательные качества и несомненное удобство, мне хотелось почувствовать себя в отпуске и выбрать что-нибудь сугубо гражданское, подходящее для отдыха на субтропическом острове у бассейна под пальмами.

Я распахнул шкафы со столь любезно подготовленным для меня набором одежды на любой случай жизни, включая длительную зимовку, и довольно быстро обнаружил то, что хотел найти. Это были широкие, длинные, почти до колен, белые шорты. Под них я надел плотные голубые плавки. Выходить к завтраку с голой волосатой грудью я посчитал неприличным, и натянул на себя синюю майку с короткими рукавами и острым вырезом у горла.

Я подошел к зеркалу, чтобы поправить волосы, и мне неожиданно понравилось то, что я там увидел.

Десять дней, проведенные в степи на берегу Колутона, не прошли даром. Кожу мою покрыл золотистый загар, прекрасно оттенявший выгоревшие на солнце и немного отросшие волосы, обычно имевшие неопределенный светлый цвет. Мои невыразительно-серые глаза вдруг оказались подсвечены яркой синева майки. Я улыбнулся, и на загорелом лице сверкнули белой полоской зубы. Но хорошее настроение тут же сменилось печалью. Для кого мне быть привлекательным? Мелиссе до моей внешности – как до соседней галактики.

В таком настроении я вышел на террасу и облокотился на перила. На выложенной камнем площадке в тени деревьев с перистыми листьями и желто-розовыми метелками соцветий уже стоял большой стол, накрытый тонкой белой скатертью, и легкие плетеные кресла. Из-за угла коттеджа появилась Мелисса, осторожно направляя огромный поднос-антиграв, уставленный тарелками, чашками, вазочками, чайничками и бог знает еще чем. Она провела поднос до стола и установила его в центре.

На Мелиссе было просторное светло-зеленое платье из очень тонкой ткани. Оно струилось и обволакивало ее фигуру, ветерок шевелил длинный подол. Я не мог отвести от Мелиссы взгляд.

Мелисса села в кресло и тут увидела меня.

– Доброе утро! Как тебе спалось на новом месте?

– Доброе утро! Спасибо, вы все предусмотрели. Коттедж очень удобный. И все – совершенно в моем вкусе.

– Я же говорила, что хорошо тебя знаю, – засмеялась Мелисса.

"А если знаешь, значит, мучаешь меня сознательно? Или не понимаешь, как трудно мне быть рядом с тобой, спать под одной крышей с тобой и не иметь права даже дотронуться до тебя?.. Или ты искренне не понимаешь мое состояние? Этого не может быть, ты же селфер! И такая опытная женщина!"

Мелисса задумчиво посмотрела на меня и улыбнулась:

– Алекс, тебе так идет синий цвет!

Я понял, что с этого момента синий цвет будет основным в моей одежде, когда я не в форме.

– Белый – тоже очень неплохо, но этот синий!

Она помолчала.

– Знаешь, и у меня ведь бывают проскопические видения, которые я не могу себе объяснить. Но когда я увидела этот синий оттенок... Нет, я все равно не понимаю. Ладно, давай завтракать.

Завтрак был песней. Нет, сборником песен. Начиная с необыкновенной манной каши в серебряной тарелочке – с амброзией они ее, что ли, варят – и заканчивая чашечкой изумительного черного кофе (а до этого я выпил кружку кофе с молоком). Тонкие ломтики тающего во рту мяса, яйцо всмятку с белым хлебом и сливочным маслом, сыры на любой вкус, удивительные помидоры с биостанции, творог трех сортов, сметана и сливки, мороженое с абрикосовым, земляничным, вишневым и смородиновым вареньем... И над всеми тарелочками, вазочками и чашечками порхали изящные ручки Мелиссы, выступающей в роли радушной хозяйки. Наконец я почувствовал себя удавом, проглотившим семейство кроликов. Да, селферы любят жизнь и умеют получать от нее удовольствие. Но, пожалуй, через несколько дней с такими обедами и завтраками я просто не влезу в свой скафандр.

Допив кофе, Мелисса закурила и встала.

– Так, у тебя всего час свободного времени, а потом займемся делами. Встретимся вон там, у бассейна. – Мелисса показала на гранитную лестницу, ведущую с площадки куда-то вниз.

В это время из-за угла коттеджа вышла высокая черноволосая женщина средних лет. Мне показалось, что в ее движениях присутствует нечто не совсем обычное.

– Это Валентина Петровна, моя домоправительница. Она в отставке, в прошлом – десантник, была со мной во Второй экспедиции на Саракосту, – понизив голос, сообщила мне Мелисса.

"В этом случае, – подумал я, – домоправительнице должно быть хорошо за двести! Но свои навыки десантники сохраняют, видно, до последней минуты жизни..."

Когда Валентина Петровна подошла, я встал и коротко поклонился.

– Валя, знакомься, это – Алекс, мой Потенциал.

– Валентина Петровна, рад познакомиться. Спасибо за завтрак, и за вчерашний обед, и за бесподобные пирожки! Вы изумительно готовите! Невозможно удержаться от добавок! – Моя благодарность шла из глубины души, дислоцирующейся, несомненно, в желудке. – И я очень благодарен вам за то, как вы подготовили мне коттедж, огромное спасибо! Там так удобно, так красиво! Такие изумительные букеты!

Тут я вспомнил, что мне рассказывал отец о хороших манерах былых времен, и я протянул руку, чтобы поздороваться, а когда она протянула мне свою, я склонил голову, поднес ее руку к губам и поцеловал. Надеюсь, это не выглядело нелепо. Возможно, я сделал что-то и не совсем правильно, но ветерану-десантнику явно было очень приятно.

– Ну, – смущенно проговорила Валентина Петровна, – я все сделала, как сказала Лисса, а цветы она сама выбирала.

Мелисса бросила на Валентину Петровну короткий взгляд, и та смутилась еще больше.

– Да, составление букетов – одно из моих хобби, и я пользуюсь любым случаем, – небрежно бросила Мелисса. – Встречаемся через час, пока.

И она, прихватив со стола сигареты, легким шагом стремительно удалилась в сторону своего коттеджа.

"Ничего себе, – сказал мой внутренний голос, – что бы это значило?" Я был озадачен.

Чтобы не показать, что я обратил внимание на эту короткую сцену, я спросил у Валентины Петровны:

– Разрешите, я помогу вам убрать со стола?

– О, как мило, благодарю, – ответила она, но было видно, что она расстроена и недовольна собой: в десантных войсках актерскому искусству не обучают.

Составляя посуду на поднос, я был рассеян, мысли мои метались, сердце билось в ускоренном ритме. Я быстренько отвел поднос, следуя за Валентиной Петровной, на кухню своего коттеджа. Оказалось, что за одной из створок шкафа находится маленький лифт, на котором Валентина Петровна с подносом и уехала на какой-то нижний уровень.

Я в задумчивости вышел в сад, пробрался сквозь кусты жасмина и стал спускаться по склону вниз. Вскоре я попал в часть парка, невероятно похожую на Ливадию. На склоне росли итальянские сосны, на земле сквозь многолетние наслоения длиннющих сухих иголок пробивалась редкая трава, солнце освещало склон под тем же углом, что и на побережье Крыма, так же пахла нагретая солнцем кора с потеками смолы. Внезапно я наткнулся на маленький павильончик. Стены его, и внутри, и снаружи, были выложены выпуклыми камнями и ракушками, среди которых, составленные из осколков цветного стекла, змеились водоросли, плавали яркие рыбки и извивались осьминоги. Внутри павильончика стояли несколько плетеных кресел и столик.

Я сел в кресло и решил привести свои мысли в порядок. Я припомнил все детали, все мелочи последних суток и пришел к неутешительному выводу, что Мелисса просто играет мной, что все было подстроено: и разлетевшиеся по полу бумаги, и разговоры по связи, и образ юной девушки в прихожей, и образ Нади, и картины "Маковской", и проговорившаяся о цветах домоправительница. Разыграть все это ей было совсем не сложно. Она прекрасно знала, когда я вошел в Департамент, и специально приоткрыла окно. Разговоры с Катрин и Сэмом могли быть записаны, и запись прокручена в нужный момент. То, что я люблю картины "Маковской", ей было прекрасно известно... Она просто тестировала меня, а разговор ловко поворачивала в нужную сторону.

Но все ли тесты Мелиссы я распознал? И все ли тесты прошел? И желала ли она, чтобы я влюбился в нее? Если да, то зачем? Для большей преданности? Но разве не достаточно преданности офицера Космофлота своему Адмиралу? Или она считает необходимым, чтобы я страдал? И с этой целью будет бесконечно меня дразнить, сводить с ума? Чтобы процесс превращения в селфера завершился быстрее? Да, это жестоко. Но через какие жестокости прошла она сама? И другие селферы?

В стройную картину моих подозрений не укладывались два момента: во-первых, Мелисса никак не могла знать, что я еще раньше влюбился в ее маску Нади, а во-вторых, невозможно было предугадать, что я заговорю о цветах в своем коттедже.

Я так и не смог прийти к однозначному выводу.

Никогда бы не подумал, что любовь – такая сложная работа. Ей-богу, кораблем командовать проще!

Самое удивительное, что я размышлял о том, что Мелисса играет со мной, как кошка с мышкой, без всякой горечи. Почему-то мне это было даже приятно. Да, пусть я – мышка, но я – ЕЕ мышка! И потом, она же думала обо мне, когда планировала мое тестирование, когда подбирала для меня комплект одежды и когда составляла букеты для моего коттеджа!

"О, коварная любовь! Даже смерть от руки любимой ты готов считать знаком ее любви к тебе!" – нехстати всплыли в памяти слова из пьесы Джима Боуди "Заводи Марса".

Но страдать от любви оказалось так... так потрясающе, так восхитительно! Это было больно, но это была странная, очень острая и сладостная боль! И мир вокруг стал ярче и объемнее, жизнь моя наполнилась каким-то новым, неведомым мне ранее смыслом. Никогда раньше я не чувствовал себя таким живым, что ли. Боже, я прожил больше пятидесяти лет и не подзревал даже, чего был лишен! Мне стало жалко людей, не испытавших любви, принимавших за любовь примитивный результат действия гормонов. До вчерашнего дня я сам был из их числа.

Час, отпущенный мне на прогулку, подошел к концу, и я, все в том же смятении чувств, отправился на встречу с Мелиссой.

Когда я спустился по указанной мне лестнице, поворачивающей на следующем уровне парка под прямым углом и ведущей еще ниже, то попал на большую каменную площадку с бассейном, вокруг которой росли высокие деревья, непривычное сочетание пальм, сосен, дубов и лип.

Деревья вокруг бассейна были посажены с таким расчетом, чтобы часть бассейна всегда оставалась в тени. Так что, хотя солнце стояло уже высоко, затененный уголок был, и там стоял большой низкий стол и пара надувных пляжных кресел.

Мелисса уже была здесь, в дальнем конце бассейна, выложенного бирюзовой плиткой. Она лежала неподвижно в голубой воде, подставив лицо солнечным лучам, и не видела, что я пришел.

На одном кресле был небрежно брошен белый халатик и пара желтых полотенец. На другом были аккуратно сложены два бледно-зеленых. Я понял, что это кресло предназначено для меня.

Сняв шорты и майку, я прыгнул в бассейн и баттерфляем, шумно, чтобы оповестить Мелиссу о своем присутствии, поплыл к ней. Черт, надо быть честным перед самим собой: я поплыл баттерфляем, чтобы произвести на нее впечатление. Ведь плавание – это то немногое, что я умею делать действительно хорошо.

И все вышло замечательно. Мелисса повернулась ко мне и наблюдала, как я прохожу дистанцию. К счастью, бассейн был не слишком большой, и я не успел устать, так что продемонстрировал себя в лучшем виде.

– Алекс, ты великолепен! Я знала, что ты хороший пловец, но раньше никогда не видела тебя в воде. Bravo!

– Ну, до Олимпиады я не дорос. – Я старался, чтобы голос мой звучал ровно. Хорошо, что дыхание не сбилось.

Мелисса поплыла к той стороне бассейна, где стояли кресла и столик. Она плыла на левом боку, вытянув вперед левую руку, и тело ее совершало почти незаметные волнообразные движения. Казалось, она просто раздвигает рукой воду, которая сама несет ее вперед... Это было прекрасно! Я со своим баттерфляем показался себе бревном с кривыми лопастями. Идиот, нашел, кому демонстрировать свой стиль...

– Алекс, что случилось? – спросила Мелисса, вытирая полотенцем свои прекрасные золотые волосы, когда я выбрался из бассейна.

– Мелисса, вы плаваете, как акула, лучше акулы! Я по сравнению с вами – просто бревно. Почему вы сказали "Bravo!"? Вы издевались надо мной?

– Что ты, я не издевалась, как ты мог подумать такое? Ты действительно прекрасный пловец. Я очень люблю плавать, но так, как ты, не умею. А, ты же просто не знаешь! Видишь ли, с моей массой я не могла бы плавать даже в ртути. Это антиграв.

Я посмотрел на нее с изумлением. Сбруи антиграва на ней не было. И в воде я никакой сбруи на ней не заметил. Она была в черном бикини, открывающем почти все ее великолепное тело. Я сразу отвел глаза, потому что смотреть на нее еще хотя бы секунду было чревато.

Мелисса завернулась в длинный легкий халат, за что я был ей признателен, и опустилась в свое кресло.

– У всех селферов встроены антигравы-компенсаторы массы, иначе мы просто не могли бы нормально двигаться. А с этими антигравами мы можем даже летать без всяких флаеров, не говоря уже о плавании. Помнишь, я говорила тебе, что мы не участвуем в спортивных соревнованиях, потому что это нечестно? Теперь ты понимаешь, почему – нечестно? А ты плаваешь прекрасно, я тебе даже позавидовала.

Я схватил второе полотенце и стал усиленно вытирать волосы, закрыв лицо, чтобы Мелисса не видела моей дурацкой блаженной улыбки.

На столике стояли вазы с фруктами и бутылки с соками, а также синяя бутылка, очевидно, с "вином". Мелисса налила в один высокий стакан "вино", а в другой – сок.

– Давай выпьем за твое новое официальное назначение. Тебе – "вино", а я выпью сок, чтобы не переводить напрасно ценный продукт. Вчера я пила его с тобой за компанию, чтобы ты... не опасался пить странный напиток.

"Черт возьми, Мелисса действительно обо мне беспокоится!" Эта мысль согрела мне душу. На самом деле, мне было все равно, за что и что именно пить, хоть расплавленную смолу, лишь бы с Мелиссой.

Мы подняли стаканы и выпили.

– А ты даже не спросил, что за новое назначение.

– Я жду, когда вы мне сообщите, мой Адмирал. Клянусь, любая служба под вашим руководством будет для меня честью, – сказал я немного шутливо и склонил голову.

– Да, мой капитан. Принимаю вашу клятву!

Мелисса не смогла сдержать смеха.

Знала бы она, сколь искренен я был в своей клятве! Сказала бы она, что теперь я буду служить скамеечкой для ее левой ноги, и я немедленно подставил бы ей свою спину!

– Алекс, я серьезно. С завтрашнего дня ты переведен в Управление Европейского Отделения Космофлота в Департамент Патруля и Разведки. Ты мне нужен там. Это назначение в твою личную карту я внесла еще вчера. Так что на свой "Джо" ты вернешься только за вещами. Но перед выходом на новое место службы ты отгуляешь часть отпуска. Сколько там у тебя накопилось: шесть, семь отпусков?

– А кто будет капитаном "Джо"?

– Я планировала назначить Елену Гольдберг, она тоже Потенциал, но на ранней стадии. Как ты считаешь?

– Да, пожалуй, она – лучшая кандидатура. Она себя прекрасно проявила и как специалист, и как организатор, и команда ее уважает. Поддерживаю ваш выбор.

– Ну, не так официально... Алекс, главное – другое. Все это необходимо, чтобы ты отправился со мной на Корнезо. Ты полетишь как турист по билету, предоставленному Космофлотом в качестве премии по итогам работы Департамента Транспорта за последние пять лет. У тебя действительно лучшие показатели среди всех капитанов Департамента "Т", да и не только "Т". А я лечу в составе Бригады Артистов как Надя Назарова. Мне нужно, чтобы рядом со мной все время находился надежный человек, причем в такой роли, чтобы никто случайный не имел возможности попытаться навязать мне свое присутствие. Ты понимаешь? Я буду на курорте в качестве артистки, молодой балерины... Я подумала, что, если ты сможешь сыграть роль моего поклонника, ухаживающего за балериной молодого, свободного – ты ведь сейчас совершенно в личном плане свободен, не так ли? – но уже заслуженного капитана, у тебя не будет соперников, никто другой ко мне близко не подойдет. Ты не возражаешь сыграть такую роль? Это не приказ, ты можешь отказаться.

Я молчал, чтобы не издать ликующий вопль. Я нахмурил лоб, чтобы не расплыться в счастливой улыбке. Боже, и она еще спрашивает, согласен ли я! Иметь право! Быть все время рядом! Не бояться оказывать ей знаки внимания! Иметь возможность дотрагиваться до нее! Не бояться нарушить субординацию! Боже! Боже! Благодарю тебя! За что мне это счастье!

Мелисса приняла мое молчание за размышления:

– Ты не согласен?

Я приложил все усилия, чтобы казаться деловым. Но разве Мелисса не почувствовала моего внутреннего ликования? Я взглянул на нее, и мне показалось, что ее спокойствие тоже какое-то напускное, она почему-то повернулась боком и отводила взгляд.

– Адмирал, я согласен. Я задумался только потому, что не уверен, что смогу достойно сыграть такую роль. Я не очень опытен в подобных делах, не уверен, что знаю, как вести себя

в этом случае. Вы же знаете, в Космофлоте нравы простые... Мне бы надо потренироваться, заранее войти в роль. Я буду очень стараться. С удовольствием, – не удержался и добавил я под конец.

– Ну, Алекс, я заметила, как галантно ты сегодня поцеловал руку Валентине Петровне! Я уверена, у тебя прекрасно все получится! И ты прав, входить в роль надо заранее.

Мне показалось, что Мелисса несколько напряженно ждала мой ответ и восприняла его с явным облегчением.

– Я очень рада, что ты согласился. Мне приятно, что в этой роли будешь именно ты, а не кто-то другой. И я буду тебе помогать, подыгрывать. Тебе не будет трудно, – заверила Мелисса.

Странно, но, несмотря на весьма благоприятное для меня содержание этих высказываний, ее прямота меня слегка расстроила.

Я в замешательстве взял банан, очистил его и начал жевать.

– Алекс, – сказала с улыбкой Мелисса, – ты в своей новой роли должен был бы банан очистить наполовину и предложить его мне.

Я знаю, что я болван. Но я не предполагал, что любовь превратит меня в законченного идиота.

Я схватил следующий банан, судорожно надорвал кожуру и протянул его Мелиссе.

– Очень хорошо. Но спокойнее, не торопись и при этом улыбнись мне. У тебя ослепительная улыбка.

Я был на грани потери сознания.

Мелисса задумчиво съела банан и сказала:

– Нам предстоит серьезная операция. Я руководила ее подготовкой больше одиннадцати лет. Ничего более ответственного и масштабного в истории Земли еще не проводилось. Мы должны будем изменить судьбу целой цивилизации. Надеюсь, нам это удастся.

Она взяла сигарету и закурила.

Я слышал последние слова Мелиссы, но не осознал их смысл, потому что мне пришлось в голову, что Мелисса все-таки заинтересована в том, чтобы я влюбился в нее и лучше сыграл свою роль. В таком случае обработка меня отравляющим газом и поспешность этого действия выглядели вполне логично. Если так, то Мелисса, чтобы иметь меня в качестве преданного поклонника на Корнезо, рисковала моей жизнью, поскольку сроки отлета поджимали. Но почему меня привлекли в самый последний момент, за две недели до вылета, если вся операция готовилась одиннадцать лет? Да, Мелисса что-то говорила о судьбе какой-то цивилизации...

Однако я хотел выяснить важные для меня вопросы, прежде чем начать разбираться с проблемами цивилизаций.

– Мелисса, скажите, а если бы я отказался? Я же не единственный кандидат на роль поклонника Нади Назаровой?

Мелисса помолчала несколько секунд.

– Я понимаю, что стоит за твоим вопросом. Эту роль должен был исполнять другой человек. Но год назад он женился, и сейчас его жена ждет ребенка. Мы не можем без крайней необходимости ставить людей перед сложным выбором, ситуация не безвыходная. Из всех кандидатов на замену ты, мой Потенциал, устраивал меня больше всех.

Я не мог поверить своим ушам.

"Как??? Существует человек, который предпочел Мелиссе другую женщину? Променил счастье находиться рядом с ней целых полгода на брак, который, если так уж хотелось его заключить, можно было отложить?" Это было выше моего понимания.

Тем временем Мелисса продолжала:

– Надо сказать, вчера ты заставил меня поволноваться. Когда снимали твою карту мозга перед последним рейсом, она выглядела достаточно спокойной, и мне казалось, что у тебя до опасного периода есть еще года три, этого хватало с запасом, чтобы принять участие в опера-

ции на Корнезо. Но карта, снятая при медосмотре по окончании рейса показала, что вторая структура у тебя развивается очень быстро, и я не была уверена, что мне не придется тебя кем-то заменить. Вчера был последний срок, когда я должна была принять решение, что с тобой делать. И когда я увидела твою вчерашнюю карту, оказалось, что у меня просто нет выбора. Я, конечно, всегда готова к любым вариантам, но мне очень хотелось, чтобы у тебя все прошло хорошо. Вообще-то я думаю, что на ускорение твоего созревания как Потенциала повлияла история на "Альбине-3", все то, что ты тогда пережил. Ну а если бы ты сейчас отказался, у меня на примете были еще четыре человека. Но я рада, что ты согласился, я очень на это рассчитывала.

Я понял, что все мои подозрения по поводу коварных деяний Мелиссы в отношении меня были нелепыми. И это понимание было не вопросом веры или желания лучше быть красиво обманутым, чем узнать неприятную правду. Нет. Я почему-то точно знал, что Мелисса чувствует именно то, о чем говорит. Я был в этом уверен. Но почему? Более того, я понял, что это ощущение точного знания никак не связано с моим отношением к Мелиссе, с тем, что я люблю ее. Дело было в чем-то другом.

– Ну что, я ответила на твой вопрос?

– Да. Теперь я все понял. А что за операция должна быть проведена на Корнезо?

В этот момент звякнул коммуникатор Мелиссы, лежавший на столе.

– Да, – ответила Мелисса, – да, Джонни, в течение часа меня устроит, но не позже. ... Да, можно самую большую, это будет хорошо. Мы у бассейна на одиннадцатом уровне. Жду.

Мелисса разговаривала с неведомым мне Джонни очень приветливо, даже можно сказать, дружески, таким же точно тоном, каким только что говорила со мной. Глупо, но я почувствовал что-то вроде обиды, и в сердце шевельнулся холодный стержень. Это, очевидно, и есть ревность, да? Раньше ничего похожего я не ощущал, даже когда Луиза покинула меня без всяких объяснений ради того художника. Так вот, значит, что мне предстоит испытывать сотни раз каждый день... С кем бы Мелисса ни заговорила, на кого бы она ни посмотрела... А как же я перенесу ее встречу с Майклом? Ведь рано или поздно, но они встретятся...

От моих переживаний меня отвлекла Мелисса:

– Алекс, что ты знаешь о Корнезо?

Я постарался сосредоточиться и четко, как на экзамене в Академии, изложил кратко по пунктам все, что вспомнил о Райском Местечке прошлой ночью.

– Так, ты знаешь практически все, что можешь знать, не будучи допущен к материалам с грифом "совершенно секретно" и "особой важности". Это хорошо. Это упрощает задачу. Начнем с того, что широкой публике остались неизвестны два чрезвычайных события. Одно из них произошло триста пятьдесят четыре года назад, когда с Корнезо на Землю, учиться в наших университетах, прилетела группа корнезианцев, двадцать пять человек. Это был первый и последний подобный опыт. Второе событие случилось двенадцать лет назад. Именно после расследования этого события и был организован Департамент "К" и начата разработка операции, последняя фаза которой начнется через две недели с отлетом на Корнезо "Маджипура" со спецкомандой на борту.

– Но ведь "Маджипур" ушел на Корнезо в обычный рейс месяц назад!

– Да. Ушел. Но сейчас он стоит в карантинном доке на Луне, и все, находившиеся на его борту, тоже – в карантине на Луне. Нет, нет, никакой эпидемии нет, – поспешила успокоить меня Мелисса.

Видимо, после пережитого на "Альбине-3" любой намек на возможность эпидемии вызывает у меня рефлекторную реакцию, каким-то образом изменяющую выражение моего лица.

– Никакой эпидемии нет, – повторила Мелисса, – просто нам необходимо было вернуть "Маджипур", и было сделано так, что во все каюты попало мыло, содержащее не очень сильный аллерген. Часть людей, находящихся на борту, покрылась красной сыпью. Видишь, неко-

торые простые методы оказываются весьма эффективными. Кстати, в карантине они неплохо проводят время, там отличный набор развлечений, даже Бригада Артистов, естественно, присутствует. Народ фактически получает дополнительный отдых. "Маджипур" же, после "дезинфекции", возьмет на борт особую команду и отправится на Корнезо. Но, для того чтобы прибыть туда по расписанию, на корабле устанавливаются ПСВ-двигатели. Кстати, на Марсианском Южном Заводе Двигателей сейчас прогоняют последний, восьмой, двигатель, остальные уже доставлены в Лунный Док и монтируются на "Маджипур". Мы с тобой в среду съездим на МЮЗД, ты же там еще не был?

– Понимаешь, – продолжала Мелисса, – ни на Земле, ни на Корнезо никто не должен подозревать, что происходит что-то необычное. На Земле все будет выглядеть как испытательный полет, ведь это первый лайнер, на который ставят ПСВ-двигатели. И в испытательный полет пойдет, естественно, "специальная" команда Космофлота с большой бригадой "ученых" и "техников". Это ни у кого не вызовет никаких подозрений, поскольку ПСВ-двигатели на такие большие корабли якобы еще не ставили. На самом деле, конечно, ПСВ-двигатели стоят уже на всех кораблях обоих наших дополнительных, секретных флотов, и все испытания все типы кораблей давно уже успешно прошли. Но для человечества "Маджипур" уйдет в рядовой испытательный полет, и на Земле ни у кого никаких вопросов эта операция не вызовет. По завершении "испытаний" лайнер доставит на Корнезо якобы обычных очередных туристов, только роли туристов и артистов будут исполнять участники операции. Кстати, среди них – двести семнадцать селферов.

Я был тихо потрясен. Я не знал ни об одной операции в истории Земли, в которой принимало бы участие такое количество селферов.

– А прошлую смену туристов "Маджипур" заберет на Землю. Следующий рейс тоже немного сдвинется в связи с "карантином" и установкой ПСВ-двигателей на все лайнеры этой линии, так что в нашем распоряжении будет дополнительный месяц. По нашим расчетам, за четыре месяца мы должны справиться.

– А как же "Маджипур" отправится в рейс с совершенно новой командой? – Я не мог этого не спросить, поскольку лучше других знал, что все корабли даже одной серии имеют набор особенностей, возрастающий с каждым полетом. Ведь корабли – суперсложные системы, почти как живые объекты, мелкие отличия даже у только что вышедших с верфи кораблей неизбежны, а в процессе эксплуатации их становится все больше, что тоже напоминает развитие живых организмов и приобретение ими "жизненного опыта". Постепенно мелкие отличия складываются в ярко выраженную "индивидуальность" корабля, которую команда, особенно ключевые фигуры экипажа, должна хорошо знать.

– Так уж получилось, – Мелисса усмехнулась, – что перед последними тремя рейсами больше четверти экипажа "Маджипура", причем не последние лица на корабле, получали новые назначения, и сейчас – о, удача! – большинство из них оказались в Солнечной системе. Надо сказать, организовать это было очень не просто. Кстати, наш рейс в качестве капитана проведет бывший старший помощник капитана Вельяминова, отдыхающего сейчас в карантине. Ты ведь знаком со Стивом Веллингтоном?

Я кивнул. Действительно, мы со Стивом, хотя встречались не часто, можно сказать, приятельствовали, несмотря на то, что он был лет на семьдесят меня старше.

– Тебе интересно будет узнать, что Стив является маской, причем не одного селфера, а маской коллективной, и его роль исполняет тот из селферов, кто в это время свободен и может себе позволить слетать на Райское Местечко, или тот, кто имеет на Корнезо конкретное задание. Внешность, привычки, память маски Стива, все передается по эстафете.

Мелисса произносила это, ехидно улыбаясь и внимательно следя за моей реакцией.

"Боже мой, как я наивен! Я ничего не знаю о мире, в котором живу! Сколько сюрпризов меня еще ожидает?" Но, видимо, моя реакция была не совсем такой, какую ожидала Мелисса, потому что она добавила с каким-то особым удовольствием:

– Последние годы роль Стива играли Боб, Лена, Беатрис, Марк, Софья, Мария Первая, Грета...

И тут до меня дошло. Я вспомнил об отдельных ситуациях, в которых мы со Стивом бывали вместе... О некоторых разговорах, которые мы с ним вели... Видимо, я покраснел. "Это нечестно! Так нельзя поступать с людьми! Я же не знал, что Стив – женщины! О, боже правый! А может, среди них была и Мелисса? О-о-о..."

Мелисса уже открыто смеялась. Я не знал, куда деться. Я боялся поднять на нее глаза.

– Как трогательно, что у тебя осталось такое обостренное чувство стыда. Я догадываюсь, о чем, в принципе, ты сейчас можешь вспоминать. Но, естественно, ничего конкретного не знаю. Я ведь маску Стива никогда не надевала и в этой роли никогда с тобой не общалась. И вообще, успокойся, – Мелисса стала серьезной, – что бы тебе ни вспомнилось, что бы ни заставило тебя сейчас покраснеть, знай: по сравнению с любым селфером ты невиннее новорожденного младенца.

В голосе Мелиссы прозвучала горечь:

– На каждом из нас – все грехи мира и еще чуть-чуть. Вольные или невольные. И ты когда-нибудь станешь таким же.

Я впервые за последнее время вдруг осознал, что Мелиссе действительно полторы тысячи лет. Я поднял на Мелиссу глаза. Она сидела, сжавшись, глядя куда-то вдаль, горькие складки легли возле губ. Меня пронзило острое чувство жалости.

– Ты вчера понял, что я сделала все, чтобы моя дочь не полетела с нами на Корнезо. Борису я просто запретила лететь. Видишь ли, нас, Первых, четверо. Я не знаю, чем там все закончится, и хочу, чтобы они двое не участвовали в этой операции. На всякий случай. Чтобы они не были замешаны.

Мелисса потянулась к столу, придвинула поближе к себе черный кейс и открыла какой-то хитрый замок. Внутри кейса лежали бумажные листы с текстами.

– Все, что ты и подавляющая часть человечества знаете о Корнезо – ложь. И корнезианцы упорно лгут не только нам, они лгут самим себе. Они не хотят знать о себе правду. И это нежелание посмотреть правде в глаза приведет их цивилизацию к исчезновению. Причем это случится не когда-нибудь в отдаленном будущем, а в ближайшие годы, максимум, в ближайшие десятилетия. И их гибель будет чудовищной.

Нам потребовалось почти пять столетий, чтобы окончательно понять, разобраться во всех деталях того, что же происходит на этой планете. Корнезианцы всеми силами, тупо и последовательно, старались скрыть от нас истину. Я думаю, что на самом деле никто из них и не понимает всего масштаба катастрофы. Мы многократно пытались открыто поговорить с ними, но они не желают слушать, вообще не желают разговаривать, как только дело доходит до определенных тем. Ни о какой помощи с нашей стороны они и слышать не хотят. Мы не можем даже просто собрать нескольких гоэ вместе, чтобы попытаться заставить их выслушать нас.

Знаешь, мы прошли через серьезное искушение. Представь себе: подождать лет пятьдесят – просто спокойно, ничего не предпринимая, подождать – и Райское Местечко будет свободно. Никаких корнезианцев, все наше, навсегда. Разве это не отвечает интересам человечества? А?

Мелисса закурила.

– И я не знаю, какое решение приняло бы человечество, если открыто изложить суть вопроса и поставить такой вариант нашего поведения на всеобщее голосование. И что стало бы с человечеством при любом результате голосования. Поэтому мы, селферы, решили оставить все в тайне, если не навсегда, то, по крайней мере, очень надолго. И начали готовиться "к

спасению умирающего против воли самого умирающего". По-хорошему, нам не хватает еще примерно полгода, чтобы провести окончательные проверки, а хорошо бы, и прямой эксперимент на небольшой группе аборигенов, сколь антигуманно это не звучит. Но времени у нас, похоже, больше совсем нет.

Чтобы тебе легче было понять суть проблемы, вот для начала прочти отчеты о результатах расследования двух событий, о которых я уже упоминала. Начни со второго.

Я взял протянутые мне листы. За последние дни я уже привык, что все самые важные документы написаны рукой на обычной бумаге, но как же непривычно читать такие тексты! Когда я преодолел трудности восприятия рукописного текста, вот какую историю я узнал.

Двенадцать лет назад на Корнезо пропала экспедиция.

Я сразу вспомнил исчезновение катера Сереги, но ситуация все-таки была совсем другой. Экспедиция пропала на Корнезо, планете-курорте, на планете, поверхность которой непрерывно контролируется спутниками дозора и сопровождения. Экспедиция пропала по дороге к месту назначения через два с чем-то часа после отбытия с Лалуэ. Экспедиция пропала вместе с планетарным танком, на котором восемнадцать человек, этнографы, лингвисты и биологи, отправились на один из островов в двухстах километрах от побережья Табы, материка. Как спутники могли потерять из виду планетарный танк?

Планетарный танк – машина серьезная. В Солнечной системе такой танк не смог бы работать лишь на Сатурне и Юпитере. Более того, он и в ближнем космосе, внутри звездных систем, был надежным средством перемещения, разве что несколько тихоходным в космических масштабах. Ни разу ни на одной планете с подобным танком не случилось даже пустяковой аварии. Я даже удивился, зачем танки-то использовать на Корнезо, на Райском Местечке? Оказывается, их использовали не для защиты от внешней среды, а просто из-за большой грузоподъемности и огромного ресурса жизнеобеспечения экипажа: загружай себе все что вздумается, не заботясь о килограммах, а на месте используй танк в качестве полевого лагеря. Да и в смысле передвижения танк – средство совершенно универсальное. Оказывается, в среде научных работников традиционно лучшим развлечением считалось после трудового дня поплавать всем лагерем, то бишь, танком, в водах местного океана, поползать по дну, наблюдая жизнь местной океанской фауны, а потом и полетать над изумрудными островами, выбирая тихое пустынное местечко для пикника и прочих радостей жизни.

Надо сказать, что планетарные танки прекрасно защищают не только от неблагоприятных воздействий неживой природы, но и от любых агрессивных поползновений всех известных человечеству живых форм материи. Я думаю, что один такой танк мог легко бы выиграть любую войну прошлых тысячелетий. Ведь эти машины предназначены не только для безопасных перемещений в самых суровых условиях, но и главным образом для проведения комплексных исследований планет. Планетарные танки имеют богатый набор оборудования. Чего только на них нет! Противометеоритные пушки, геологоразведочные установки глубокого проникновения, комплексы дистанционного анализа объектов и бог знает что еще, вплоть до малых ВР-зарядов для исследования структуры ядра планет сейсмографическими методами... Вот на таком транспорте ученый народ и любил отправляться на пикнички и в экспедиции.

Вопросов при расследовании было три: во-первых, что могло случиться с практически неуязвимой машиной, во-вторых, куда эта машина делась и вместе с ней восемнадцать человек и, наконец, когда и где это произошло?

Ни на один вопрос ответа получено не было, поскольку ни танк, ни людей обнаружить так и не удалось. За несколько месяцев поисков удалось только установить, по ничтожным примесям в воде, примерный район океана, где обрывалась траектория движения танка как плавсредства. Но ни в воде, ни на дне, ни под океанским дном танка не было. Конечно, дальше танк мог отправиться куда-то по воздуху, поэтому поиски шли по всей планете и даже в ближнем космосе. Увы.

А вот на вопрос, почему спутники не зафиксировали момент исчезновения танка и его местонахождение в это время, был получен исчерпывающий ответ. Дело в том, что в связи с полной, как казалось, безопасностью Корнезо спутники не осуществляли постоянного тотального мониторинга всей поверхности планеты. И танк пропал именно в течение тех тридцати восьми минут, когда ни один из спутников не мог контролировать тот район, где экспедиционный танк наблюдался последний раз. Конечно, этого не должно было случиться, поскольку в соответствии с действующими правилами любые перемещения транспортных средств, хоть по делу, хоть на пикник, должны были происходить исключительно под контролем спутников наблюдения. Должны были. По плану так и предполагалось, однако отправка экспедиции была задержана на один час четыре минуты. И причина этой задержки имела имя и фамилию: Жора Семец.

Работавшая по этому делу группа следователей Департамента "ЛС" Космофлота совместно со следователями Управления Правопорядка Всемирного Совета, негласный контроль над работой которых осуществляли представители Департамента "КР" (контрразведки!!!) Космофлота, буквально по часам изучила биографию Семца, проверила всех его родственников до седьмого колена и восстановила по секундам действия Семца в течение суток, предшествовавших исчезновению экспедиции. Самого же Жору чуть ли не на атомы разобрали, благо было, кого разбирать, поскольку Жора должен был быть девятнадцатым участником этой экспедиции, но остался на Лалуэ. Точнее, его оставили.

Дело было так. Семец, этнограф, ста четырех лет отроду, прибыл на Корнезо двумя днями раньше на лайнере "Барраяр" и сразу же напросился в готовящуюся к отправке экспедицию, поскаandalив по этому поводу с заместителем Руководителя Научных Работ на Корнезо мадам Лурье. Мадам Лурье, будучи опытным администратором, после двух минут общения с Жорой твердо решила, что наименьшим злом для местного научного коллектива будет отправка господина Семца не только в эту, готовящуюся экспедицию, но и во все остальные, желательно за пределы вверенной ей планеты.

К концу второго дня пребывания на Корнезо, накануне выезда экспедиции, Семец сумел навязать свое общество четырем наиболее беззащитно-интеллигентным представителям научной общественности мужского пола и завлек их в ресторан отметить знакомство.

В процессе отмечания Жора с высокой частотой провозглашал тосты и добросовестно осушал бокалы. С целью, очевидно, немедленно занять достойное место в научном сообществе Райского Местечка, Семец подробно знакомил коллег со своими достижениями на ниве этнографии и грандиозными планами грядущих исследований. Но поскольку в данной компании специалистов в области этнографии не оказалось, и никто не мог должным образом оценить уровень его научных изысканий, Жора решил обратиться к своим успехам в области общечеловеческих интересов и начал красочно описывать свои достижения в части покорения лиц противоположного пола. Описываемые им успехи выглядели столь выдающимися, что слушатели, будучи людьми науки, не могли не усомниться в правдоподобии отдельных изложенных фактов, а также в действительности подробно описанной методики достижения успеха. Один из товарищей, Владимир Ленц, прямо высказал возникшие у него сомнения. Господин Семец, оскорбленный неверием, пожелал, дабы убедить сомневающихся, немедленно продемонстрировать свою квалификацию в данном вопросе на первом же пригодном для эксперимента объекте.

Первым объектом противоположного пола, попавшим в поле зрения Жоры, была официантка, принимавшая заказ за соседним столиком. Жора тут же вклинился в процесс обслуживания посетителей, привлекая внимание девушки выразительным комплиментом в ее адрес.

Обслуживающий персонал всех учреждений на Корнезо прекрасно обучен и отличается завидной выдержкой. Так что официантка никак не прореагировала на высказывание Жоры, а, закончив принимать заказ, спокойно направилась к служебному входу на кухню. Семец не мог

себе позволить отступить. Он вскочил из-за стола и последовал за ней, на ходу громогласно предлагая девушке познакомиться и хорошо провести время в его апартаментах. Официантка невозмутимо, будто ничего не слыша, прошла в коридор, ведущий в служебные помещения. Жора, догнав ее в коридоре, детализировал свои предложения, подкрепив излагаемые идеи приложением руки к одной из выступающих форм непонятливого объекта эксперимента.

Тут надо сказать пару слов о Тани Лей, официантке. Эта молодая девушка имела не только стандартный контракт на работу в качестве официантки. Она также получила дополнительный контракт на работу по совместительству в качестве охранника посла при его выездах за пределы Лалуэ, поскольку была призером Региональных Евразийских Соревнований по ЗАБО, защите без оружия. После завершения контракта на Корнезо она планировала завербоваться в десантные войска.

Таня была профессионалом. Она прекрасно понимала, что не должна применять в данном случае свои боевые навыки, как бы ни был омерзителен ей данный господин. Она просто отстранилась от навязчивого типа. Но навязчивый тип качнулся вперед, то ли стремясь дотянуться до ускользающей цели, то ли не удержав равновесия после восьми рюмок, как было установлено следствием, напитков с высоким содержанием этилового спирта... В своем движении господин Семец пришел в неизбежное соприкосновение с локтем Тани Лей. Так случилось, что с Таниным локтем соприкоснулся Жорин нос. Ворсистый пол коридора придал дополнительную живописность лицу незадачливого этнографа.

Трагикомическую сцену наблюдали два официанта, направлявшиеся с заказами в зал ресторана. Они же и вернули господина Семца в вертикальное положение, а на следствии дали подробные показания, полностью подтвержденные выводами экспертизы и следственным экспериментом.

Изменение облика этнографа, неопровержимо свидетельствующее о его фиаско, сделало немислимым возвращение Жоры к приятному времяпрепровождению в тесном научном кругу. Остаток вечера Семец провел в своих апартаментах, усиленно употребляя известное лекарство от уязвленного самолюбия.

Утром Семец проспал, но, к сожалению, не безнадежно.

Экспедиция должна была отправляться в десять часов утра. Жора проснулся в девять сорок семь и сразу связался с руководителем экспедиции Верой Шульман, извинившись и предупредив, что чуть-чуть опоздает. Вера, связавшись с мадам Лурье, сообщила о звонке Семца, прося указаний, как поступить. Мадам Лурье, уже имевшая счастье общаться с этнографом, прикинула последствия того или иного решения и выбрала вариант "чуть-чуть подождать". "Чуть-чуть" вылилось в двадцать девять минут. Когда запыхавшийся растерзанный Семец с отчетливыми следами вчерашнего на лице ввалился в танк и, распространяя чудовищное амбре, начал многословно извиняться за опоздание, распахивая по углам помещения свои баулы и сумки, народ сначала застыл в креслах, а затем начал возмущаться. Из восемнадцати человек семеро были женщины. Они наотрез отказались дышать, в буквальном смысле этого слова, одним воздухом с новым этнографом. Семец возражал и настаивал. Мужчины, оценив не только сиюминутную проблему, но и спрогнозировав вероятную атмосферу в коллективе на протяжении всей экспедиции, твердо поддержали дам. Вера Шульман сообщила о ситуации мадам Лурье. Мадам Лурье, не только администратор, но и лингвист, ругаясь на шестнадцати языках, потребовала выкинуть "дети швайн" из танка и немедленно отправляться в путь. Она решила, что гнев восемнадцати человек все-таки хуже претензий одного Семца. Семец возмутился и сопротивлялся. Спор из вербальной фазы перешел в физическую. Упорство упорством, но восемнадцать больше одного. Когда удалось удалить из транспортного средства нежелательный элемент, цеплявшийся в процессе его выдворения за все выступающие предметы обстановки, и задраить люк, было одиннадцать часов четыре минуты.

Когда танк оказался вне зоны спутникового слежения, ему до места назначения, острова Кор-эд, оставалось минут пятнадцать ходу. На Кор-эд он не прибыл, маяк танка молчал, на связь никто не выходил.

Исчезновение и молчание танка заметили не сразу, поскольку была пересменка, на орбите висел "Барраяр", и все хоть сколько-нибудь ответственные лица на Лалуэ вертелись как белки в колесе, занимаясь одновременно тысячей мелких неотложных дел. Первой обнаружила пропажу танка мадам Лурье, когда, уже в четырнадцать часов двадцать шесть минут, к ней, наконец, прорвался с воплями и обвинениями господин этнограф, выдавая вчерашние травмы лица за полученные утром от личного состава экспедиции, и мадам Лурье попыталась связаться с Шульман, чтобы сверить показания. Тут и обнаружилось, что экспедиция исчезла.

Следствие установило отсутствие злого умысла в действиях всех участников событий. Имели место нарушения инструкций, халатность, нарушения этики поведения, низкий профессионализм и другие мелкие и крупные недостатки в работе ряда служб и отдельных работников как на Корнезо, так и на Земле. Виновные понесли соответствующие наказания, однако все это не помогло ответить на главные вопросы: что случилось и где экспедиция?

Пока я изучал бумаги, Мелисса поговорила пару раз по коммуникатору, а потом начала работать на сетевом компе. Она меня не торопила. Разобравшись с первым случаем, я ничего не стал говорить Мелиссе, потому что у меня пока не созрело никаких вопросов, и принялся за вторую пачку, которая была значительно толще первой.

С первых же листов на меня обрушился кошмар: списки жертв, акты экспертиз, снимки человеческих останков...

На Земле последние века тяжкие преступления против личности практически не совершались. Из курсов истории я знал о тех ужасах, которые люди творили над себе подобными в прошлые тысячелетия. Но теперь, в результате изменения условий жизни, введения тотального генетического контроля, постоянного участия психологов и социологов в формировании личности и ее своевременной коррекции любое преднамеренное убийство или другое проявление жестокости было событием чрезвычайным и крайне редким.

Даже аварии и несчастные случаи благодаря достижениям науки не часто приводят к необратимой гибели людей. Одним из очень эффективных технических средств предотвращения трагических случайностей и своевременной помощи при происшествиях стали личные коммуникаторы. Но, к сожалению, не все люди серьезно относятся к собственной безопасности, и всегда находятся такие, кто не хочет или забывает носить коммы.

Я не мог заставить себя внимательно изучать все собранные во второй пачке документы и прочел только итоговый отчет, где иллюстративных материалов было минимальное количество, но и их мне хватило с избытком.

Картина складывалась следующая. Триста пятьдесят четыре года назад, ранней весной, в пяти городах Земли – Дели, Каире, Мехико, Фриско и Мельбурне – начали пропадать люди. Первые исчезновения не слишком обеспокоили родственников и знакомых, потому что пропадали люди, которые по той или иной причине не носили коммы, и их местопребывание было невозможно определить без проведения специальных поисков. Многие думали, что пропавшие родственники попросту отправились путешествовать. Беспокойство начиналось, когда люди не появлялись на заранее оговоренных мероприятиях или без предупреждения не показывались на работе несколько дней... Только тогда информация начала поступать в городские УПВС – Управления Правопорядка Всемирного Совета.

Так как тяжкие и опасные преступления на Земле практически отсутствовали, в УПВС не было специальных подразделений и даже просто хороших профессионалов, способных расследовать серьезные преступления. Полицейские из УПВС уже не одно столетие имели дело только с мелкими проступками и правонарушениями, самыми тяжелыми из которых были пьяные драки с членовредительством и убийства из ревности, где вся картина происшедшего с

самого начала была совершенно очевидна. Поэтому в марте и начале апреля никто к пропажам людей не отнесся серьезно. Кого-то вяло искали на курортах и в гостиницах, а некоторых, например, известных любителей путешествовать, охотиться или рыбачить и вообще не искали. Да и где искать? Женщин, как правило, тоже не разыскивали, не без основания предполагая высокую вероятность любовного приключения. Но к середине апреля, когда накопилось по три-четыре десятка сообщений о пропажах, руководство УПВС пришло к выводу, что проблема серьезная и своими силами они не справятся. Тогда обратились, конечно, в Космофлот.

В середине апреля, когда бригады универсалов начали традиционную сезонную "большую чистку" городов и поселений, стали обнаруживаться и первые страшные находки: фрагменты человеческих тел, реже – почти целые, но жутко изуродованные тела. Многие из тех, кто сообщал о находках, были практически невменяемы от увиденного и нуждались в серьезном психологическом лечении.

Департаментом "КР" при участии группы селферов были организованы поисковые мероприятия, которые привели к кошмарным итогам: пропало 743 человека, найдены останки 698 людей, все обнаруженные части человеческих тел имели следы "прижизненных повреждений" чудовищного характера. Самым невыносимым казалось то, что на нескольких фрагментах были отчетливо видны следы человеческих зубов.

Зато именно эти следы позволили полностью отбросить версию о каких-то непонятных хищных животных или даже о сошедших с ума тэрах, выдвинутую одним из работников Департамента "КР". К тому же, как только первый тэр был вызван для самого первого разговора, остальные осознали, в чем их могут обвинить, и яростное возмущение "тигров разумных" не имело границ. В Дели они даже вышли на улицы с плакатами "Мы – не животные", "Мы – разумны", "Люди – наши создатели" и "Мы любим людей". Правда, последний плакат им было бы лучше не поднимать, но тэры столь бесхитростны, что двусмысленности этого плаката осознать были не в состоянии.

На самом деле в первые же дни расследования была выдвинута и практически твердо доказана основная версия, но она была столь невероятна и столь резко противоречила интересам человечества, что несколько недель делались попытки найти другое объяснение событиям. Например, искали новую болезнь, приводящую к умопомешательству инфицированных людей, или все-таки искали сбежавших из заповедников животных, по каким-то причинам неучтенных. Тем временем подозреваемых по основной версии сразу же по-тихому под благовидным предлогом изолировали на хорошо охраняемых территориях. Исчезновения людей сразу же прекратились, хотя запоздавшие сообщения о шестерых пропавших чуть было не разрушили основную версию. Но поведение подозреваемых развеяло сомнения. Их пришлось содержать в одиночных камерах, а затем – и вовсе на растяжках, чтобы они не нанесли себе смертельные травмы.

В первые дни изоляции преступники не вступали в контакт со следователями и учеными, не желали ничего объяснять, вообще разговаривать, а потом и просто не могли, полностью утратив облик разумных существ. Надо сказать, что изменения в состоянии корнезианцев (а это были они) происходили очень быстро, но все-таки с разной скоростью. Большинство из них умерли в течение осени, последний – в декабре. Причиной их естественной смерти было нарушение метаболизма. Но один из корнезианцев умер еще в мае от рук своих соплеменников такой же страшной смертью, как и все их человеческие жертвы. Именно после этого их и рассадили по одиночкам. Еще четверо, у которых изменения протекали особенно бурно, не перенесли исследований, проводимых специалистами Космофлота. Да, исследования были антигуманны. Но люди, участвовавшие в расследовании, не могли относиться к тем, кто совершил все чудовищные преступления, как к существам разумным. Я следователей и ученых не осуждал. Кроме того, любой ценой необходимо было выяснить причины, которые привели к столь трагическим последствиям.

К сожалению, в документах, которые я читал, отчета о результатах этих исследований не было.

Я с облегчением оторвался от чтения документов, потому что к бассейну подлетел небольшой грузовой флаер. Пилот мастерски, аккуратно и точно, позиционировал машину над бассейном у ближайшего к нам бортика. Откинулся пандус, и два молодых человека вытащили из флаера два довольно больших металлических ящика. Мелисса показала, куда их поставить.

– Джонни, Фрэнк, спасибо, – сказала Мелисса, оторвавшись от монитора, – а Лина, я вижу, стала прекрасно водить флаер.

В открытом окне кабины показалась девчоночья голова с двумя рыжеватыми хвостиками над ушами и звонко поздоровалась:

– Добрый день, тетя Лисса! Я стараюсь! После колледжа я решила поступать в Академию!

– Ну что ж, Космофлоту хорошие пилоты всегда нужны. Передавай привет родителям. Джонни, за контейнерами вернетесь вечером, часов в семь.

– Да, мэм, – хором ответили юноши.

Когда флаер улетел, я вернулся к бумагам, просмотрел протоколы заседаний следственной Комиссии. Заседаний было всего три, соответственно было и три протокола.

В первом протоколе меня удивило то, каким образом кому-то пришла в голову мысль о причастности к преступлениям корнезианцев. Заседание Комиссии проходило в Московском отделении УПВС. Комиссия заседала шестой час, материалы о первых страшных находках произвели угнетающее впечатление на людей и из УПВС, и из Департамента "КР". Тяжелая обстановка усугублялась гнуснейшей погодой за окнами зала заседания. Было семнадцатое апреля, но шел мокрый снег с дождем. День казался сумерками, город выглядел серым, скучным и грязным.

Селферы чувствовали себя ненамного лучше обычных людей. Конечно, они в жизни видели много чудовищного, но и они уже привыкли к спокойному и безопасному существованию землян в последние века. Один из селферов, Макс, был знаменит тем, что часто повторял как в неофициальной, так и в официальной обстановке: "Человечество живет в Золотом Веке, а еще ....!", причем глагол, который следовал за словом "еще", имевший всегда один и тот же смысл, он очень изобретательно варьировал. Кое-кто считал, что селферу не пристало подавать дурной пример и надо бы быть сдержаннее в публичных высказываниях. Другие же полагали, что Макс, начавший свою жизнь в период войн за передел мира после Эпохи Глобальных Эпидемий, знал, с чем сравнивать, да и на самом деле, человечеству не мешало бы иногда напоминать, на каком свете оно могло бы сейчас находиться. При этом кое-кто вместо эвфемизма "на каком свете" давал развернутые непечатные определения того самого места, где находилось бы нынче человечество.

Так вот, когда в высказываниях членов Комиссии наступила пауза, Макс, глядя в окно, произнес:

– И какого ... им в этих городах не хватает! Вот живут же люди, например, в Москве, одной погоды мерзопакостной достаточно, чтобы жить не захотелось, и ничего, никого не расчлениют с особой жестокостью! А там-то что? Живи – не хочу, один климат чего стоит, прямо как на Райском Местечке! – сказал он и посмотрел на карту на настенном экране, где возле Дели, Каира, Мехико, Фриско и Мельбурна были высвечены цифры, означающие количество пропавших людей и найденных останков.

Так первый раз были произнесены слова "Райское Местечко".

Тут же несколько человек одновременно выкрикнули: "Университеты!", "Студенты с Корнезо!".

Действительно, почти годом раньше, летом, впервые в истории наших планет на Землю ступила нога корнезианца. Группа из двадцати пяти молодых мужчин-корнезианцев прилетела для обучения на Земле. Их распределили по пять человек в пять университетов тех городов,

где климат больше всего напоминал климат их родной планеты, а именно, в университеты Дели, Каира, Мехико, Фриско и Мельбурна.

Большинство членов Комиссии отнеслись к высказанной догадке как к случайному совпадению. Более того, это большинство считало, что спокойные тихие корнезианцы вообще не способны на агрессивное поведение. Да и на Корнезо даже понятия "преступление" в языке не существовало, говорили они. Однако ситуация не позволяла исключать ни одну версию, сколь бы невероятной она не представлялась. И селферы настояли на том, чтобы немедленно – на всякий случай – изолировать студентов с Корнезо под каким-нибудь благовидным предлогом.

Естественно, все версии держались в секрете, особенно тщательно от широкой общественности скрывалась версия о причастности к преступлениям корнезианцев.

Протокол второго заседания, посвященного вопросу "Как строить дальше отношения с Корнезо?", был очень длинным и отражал процесс мучительного поиска выхода из создавшейся ситуации, когда вина всех студентов, прибывших с Корнезо, была доказана уже абсолютно точно. Заседание было расширенным, в нем участвовало много селферов, больше, чем обычных людей. В конце концов, Комиссия решила: во-первых, скрыть истину от населения и Земли, и Корнезо, во-вторых, любой ценой выяснить, что же случилось с корнезианцами на Земле.

Третье заседание Комиссии состоялось зимой, когда уже умер последний корнезианец, но исследования организмов и изучение всех обстоятельств их прибытия и жизни корнезианцев на Земле еще продолжались. Расследование же их преступлений как таковых было к тому времени завершено. Собственно, на этом последнем заседании Комиссия заслушала и утвердила тот итоговый отчет, который я уже просмотрел. Больше ничего из протоколов я не узнал.

В материалах, которые мне передала Мелисса, были еще два документа, относящиеся к тому периоду, но о самих преступлениях там не было ни слова.

Один из документов был сводкой показаний экипажа корабля, среднего транспортника "Елизавета Четвертая", на котором группа корнезианцев прибыла на Землю. Все показания вертелись вокруг пищевых запасов корнезианцев, какой-то палкообразной рыбы под названием "аха", часть которой испортилась в полете.

Как я понял, корнезианцы везли с собой на Землю немалый запас своей пищи в твердом, жидком и живом виде. Контейнеры с живыми океаническими животными занимали значительный объем в грузовых отсеках "Елизаветы". Часть пропитания будущие студенты везли в виде "сухого пайка", а часть, эту самую аху, – в замороженном виде, ею был забит практически весь морозильник "Елизаветы". При погрузке на Корнезо из морозильника даже пришлось выгрузить часть продуктов, предназначенных для экипажа, чтобы вся эта аха туда влезла. Экипаж ворчал, но чего не сделаешь ради братьев по разуму. Все понимали, что еду братья берут с собой на год, а то и на два, поскольку в те времена, на тех кораблях, полет между нашими мирами длился не три месяца, а все семь, а регулярных рейсов вообще еще не было.

Эта аха, оказывается, была традиционной мужской едой. Нет, женщины тоже могли ее есть и ели. Но для мужчин она была совершенно обязательна: полагалось употреблять по одной рыбине утром и вечером, запивая ее напитком "соце", неким аналогом нашего пива, производимым из водорослей. Один из офицеров корабля, которого пассажиры в самом начале полета угостили соце, назвал его "отвратным мыльным раствором с запахом гнили". Надо сказать, что рыбка аха пахла тоже не лучшим образом, даже в замороженном виде. Ну, на вкус и цвет товарищей нет, как говорили наши предки.

Во всяком случае, морозильник с ахой экипаж под руководством бригады поваров в самом начале полета быстренько освободил от земных продуктов, которые там еще оставались, дабы они не пропитались запахом инопланетного деликатеса. Местные умельцы приспособили под хранение земной еды несколько небольших контейнеров, укрепив их на внешней подвеске к корпусу корабля. Раз в две недели один из контейнеров затаскивали внутрь "Ели-

заветы" для приготовления очередных порций еды и перегрузки его содержимого, не использованного сразу, в холодильники камбуза и кают экипажа. Так что морозильник, заполненный теперь исключительно тушками ахи, был в полном распоряжении пассажиров. Корнезианцам показали, как открывать и закрывать морозильник, после чего члены команды стали обходить стороной коридор, в котором находилась дверь в холодильную камеру.

Надо сказать, что корнезианцам довольно скоро надоело постоянно таскаться в морозильник за любимым продуктом. Несмотря на свою природную недалекость, они быстро сообразили отправлять в морозильник примерно раз в неделю одного из членов своей группы с тележкой-антигравом, и тот привозил целую вязанку этой самой рыбы, которую они разбирали по своим каютам в собственные холодильники.

На третий месяц полета команда корабля начала тихо, а потом все громче роптать по поводу витающих в корабле чужеродных запахов. Ропот не успел перерасти в доклад по инстанции, когда корабль огласился воем и свистом во всем слышимом и неслышимом человеческим ухом акустическом диапазоне. Оказалось, что корнезианец, посланный в очередной раз набирать в морозильнике запас ахи, отключил питание морозильника.

Дело в том, что управление работой морозильника – установление температурного режима, включение-отключение электропитания, открывание дверей – производилось с простенького, даже примитивного, цифрового пульта управления на внешней стороне двери морозильной камеры. Никому из экипажа землян, выросших в автоматизированной среде техногенного мира, даже в голову прийти не могло, что действия с подобным пультом управления могут для кого-то представлять затруднения. Ведь на Земле даже маленький ребенок, едва научившийся ходить, легко справлялся с управлением всеми системами жизнеобеспечения своего дома.

Но корнезианцы выросли в цивилизации другого типа. Поэтому, когда пришедший за очередной порцией рыбы корнезианец, перепутав, видимо, последовательность цифр кода – "579", не сумел сразу открыть дверь, он сделал то, что не сделал бы ни один землянин. Он начал нажимать все кнопки пульта подряд и быстро добрался до варианта "789" – команды отключения энергопитания камеры морозильника. При этом дверь, конечно, открылась, чему товарищ так обрадовался, что его не смутило то обстоятельство, что в морозильной камере было темно. Света, падающего из коридора при распахнутой двери, ему хватало, чтобы из ближайшего ко входу штабеля погрузить на тележку достаточное количество рыбы, после чего корнезианец закрыл, как ему казалось, дверь и преспокойно отправился к жилым отсекам.

Любого землянина насторожило бы то, что в камере морозильника при открытии двери не зажегся свет, еще больше обеспокоило бы отсутствие щелчка запора после прикрытия двери, и уж, естественно, ни один человек не мог бы уйти, не убедившись, что на пульте загорелась зеленая лампочка. Но корнезианца все это совершенно не обеспокоило.

Поскольку в полете корабль движется иногда с ускорениями, прикрытая дверь вскоре широко распахнулась. Естественно, к моменту, когда потребовалась следующая порция ахи, больше половины ее разморозилось и успело испортиться. Именно этот аромат оттаявшей рыбы распространялся по кораблю и вызывал нарекания экипажа.

Испорченную рыбу уничтожили в мусоросжигателе, воздух в корабле в аварийном режиме прогнали через фильтры, корнезианцы повыли и успокоились. Дальше полет продолжался без происшествий.

Я не понимал, почему показания экипажа об этом мелком происшествии во время полета на "Елизавете" попали в папку документов о событиях на Земле весной следующего года. Ведь в каждом полете чего только не случается, у меня в запасе десятки подобных историй, произошедших на моих кораблях, и все еще похлеще будут.

Следующую пачку листов составляли выписки из учебных журналов и экзаменационные ведомости из пяти университетов, где учились студенты с Корнезо, а также протоколы

бесед с их преподавателями и сокурсниками. Из этих материалов следовало, что корнезианцы, показавшие при поступлении и в первый месяц учебы крайне низкие результаты, приводившие в ужас преподавателей, со временем исправились, а к зимней сессии они почти сравнялись в своих успехах со студентами-землянами. Особенно заметны их успехи стали во втором семестре, закончить который им было не суждено. Товарищи по учебе также отмечали динамику этого процесса. Один молодой человек высказался особенно откровенно: "Я и не думал, что эти дебилы смогут так быстро поумнеть".

Большинство опрошенных были уверены, что успехи корнезианцев в учебе и общении были непосредственно связаны с овладением ими языком Земли. Психологи, регулярно проверявшие IQ инопланетных студентов, также связали невероятный рост этого коэффициента с уровнем владения корнезианцами земным языком, поскольку с помощью тестов на IQ определяется только "вербальный" интеллект. Другие составляющие их интеллекта определялись только однажды, при поступлении на первый курс, поскольку сложность и трудоемкость методик тестирования предполагает проведение таких исследований лишь один раз в год. Так что поразительные изменения уровня интеллекта корнезианцев никого особенно не удивили.

Как связаны успехи корнезианских студентов с их преступлениями и дальнейшей деградацией, я тоже не понял. Оставалась еще пластина с видеофильмом, который я отложил напоследок.

Собственно, это был не фильм, а собрание сюжетов из выпусков Всемирных Новостей. Сюжеты содержали информацию сначала о прибытии группы корнезианцев на Землю, потом – об их жизни и учебе в университетах, потом, после окончания пятилетнего курса обучения – отбытие их на Корнезо все на той же "Елизавете Четвертой"... Стоп, стоп. Я только что изучал документы о расследовании преступлений, совершенных корнезианцами менее чем через год после их прилета на Землю, и о последовавшей смерти всех членов группы!!!

Мне не понадобилось много времени, чтобы сообразить, что, поскольку Комиссия решила скрыть истину от населения и Земли, и Корнезо, большинство сюжетов Новостей было хорошо выполненной постановкой, где роль корнезианцев исполняли люди, или, скорее всего, селферы. Но кто же вернулся на Корнезо?

А никто. Потому что следующие сюжеты были посвящены получению сообщения с "Елизаветы" о встрече с мощным иррегулярным метеоритным потоком, вскоре после чего связь с кораблем прервалась. Затем следовали сюжеты о поисково-спасательной экспедиции, направленной в район вероятной катастрофы, об обнаружении остатков корабля, о расследовании трагедии, о скорбных церемониях прощания с погибшими членами экипажа, о возвращении на родину частиц праха корнезианцев... В общем, все по полной программе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.